
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов Международной научно-практической конференции
(Минск, 27–28 ноября 2025 г.)

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
(Минск, 27–28 ноября 2025 г.)

Научное электронное издание

Минск
Международный университет «МИТСО»
2026

ISBN 978-985-497-453-8

© Международный университет
«МИТСО», 2026

Редакционная коллегия:

кандидат технических наук, доцент
ректор Международного университета «МИТСО» *В. М. Поздняков* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент
первый проректор Международного университета «МИТСО» *Ю. Л. Шевцов*;
кандидат исторических наук ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части
Международного университета «МИТСО» *Н. Н. Ганущенко*;
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного университета «МИТСО» *Б. В. Асаёнок*;
доктор психологических наук, профессор заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Международного университета «МИТСО» *А. Н. Пастушеня*;
кандидат социологических наук, доцент ведущий научный сотрудник научно-исследовательской части
Международного университета «МИТСО» *М. Н. Мазаник*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета
заслуженный работник образования Республики Беларусь *В. С. Кошелев*;
кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Международного университета «МИТСО» *А. А. Дедковский*

Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27–28 нояб. 2025 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: Междунар. ун-т «МИТСО», 2026. – 189 с.
ISBN 978-985-497-453-8.

На базе учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» с 23 по 28 ноября 2025 г. проходил III Международный форум «Нюрнбергский процесс и современное международное право». В рамках форума была проведена Международная научно-практическая конференция «Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории» (Минск, 27–28 ноября 2025 г.).

Тематика конференции представлена в проблемных полях «Нюрнбергский процесс: правовые аспекты», «Нюрнбергский процесс: история и современность» и «Нюрнбергский процесс, холокост. Фашизм после Нюрнбергского процесса». В число участников конференции вошли представители Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан.

В сборнике материалов конференции представлены авторские тексты, отражающие актуальные точки зрения специалистов на значимость Нюрнбергского процесса.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, научных работников, экспертов, обучающихся учреждений образования и всех, кто интересуется данной тематикой.

Материалы публикуются в авторской редакции. Всю ответственность за содержание, грамотность, достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

Минимальные системные требования:

актуальная версия одного из интернет-браузеров: Google Chrome, Mozilla Firefox, Safari, Яндекс.Браузер или Microsoft Edge; скорость подключения к информ.-коммуникат. сетям 1 Мбит/с; подключаемые модули/настройки: в браузере должны быть включены JavaScript, cookies и поддержка отображения HTML5.

© Международный университет
«МИТСО», 2026

Программное обеспечение: Microsoft Word, ABBYY FineReader.

Ответственный за выпуск *М. Н. Мазаник*.
Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович, А. И. Стебуля*.

Дата размещения на сайте: 31.08.2026. 3,03 Mb.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск. <https://www.mitso.by>.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

*ректора учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО» Позднякова Владимира Михайловича..... 6*

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 1

«НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ» 7

*Аренова Л. К. Актуализация понятия «ментоцид» в современном международном
публичном праве 7*

*Асаёнок Б. В., Фролов Д. Л. Использование компьютерно-технической
экспертизы для поиска цифровых следов экстремизма в интернете 12*

*Багандова Л. З. Запрет на планирование, подготовку, развязывание
и ведение агрессивной войны в приговоре Нюрнбергского трибунала:
концептуализация понятия «агрессивная война» 16*

*Береговцова Д. С. Нюрнбергский кодекс как отражение этико-правовых
принципов проведения биомедицинских исследований на человеке 20*

*Бреский О. В. Три опоры Нюрнберга: ограниченный суверенитет,
условный иммунитет и абсолютная международная субъектность человека 23*

*Иванова Т. П., Селиванова Е. Н. Влияние Нюрнбергского процесса
на уголовно-правовую политику в Беларуси в послевоенный период 28*

*Ключко Р. Н., Чебуранова С. Е. Современная правореализация решений
Нюрнбергского военного трибунала 33*

*Кодак Н. А. Роль нюрнбергских принципов в современном
международном уголовном праве 36*

*Колесник К. Э. Отечественный правовед А. Н. Трайнин и его роль
в формировании правовых основ для проведения нюрнбергских процессов 40*

*Кривов А. В., Супрунович Е. Е. Историко-правовые основы формирования
международного правосудия..... 45*

*Лобанова Е. Н., Ваврентович З. А., Демянчук А. Д. Устав Нюрнбергского трибунала
как правовой фундамент международного уголовного правосудия 48*

*Макарова М. Ю. Принципы Нюрнбергского процесса и их устойчивое влияние
на конвергенцию национальных правовых систем 53*

*Олейников А. В. Об основных принципах правового статуса военнопленных:
от Великой французской революции к Нюрнбергу..... 57*

Панкратов И. И. Война в зеркале нюрнбергского приговора 60

*Саблин И. В. Правовые и духовно-нравственные аспекты Нюрнбергского процесса
в праве вооруженных конфликтов..... 65*

<i>Сасова А. А.</i> О недопустимости фальсификации фактов о Великой Отечественной войне и реабилитации нацизма	70
<i>Степанов О. В.</i> К вопросу о роли Нюрнбергского процесса в международном праве.....	74
<i>Тищенко Е. В.</i> Преступления против окружающей среды как преступления против человечности: нюрнбергские принципы и их современное прочтение	79
<i>Толочко О. Н.</i> Нюрнбергский процесс как концептуальная основа современного международного уголовного права	83
<i>Трефилов А. А.</i> Несостоятельность аргументации защиты на Нюрнбергском процессе	87
<i>Шадский О. Г.</i> К вопросу о критических оценках юрисдикции и процедуры Нюрнбергского процесса	90
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 2 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»	94
<i>Бань Н. Ю., Шилкин П. А.</i> Влияние Версальского договора на Нюрнбергский процесс	94
<i>Бакуленко Т. В.</i> Историческое значение Нюрнбергского процесса.....	98
<i>Вилкова Т. Ю.</i> Нюрнбергский процесс и обеспечение мира и безопасности человечества в условиях современных вызовов и угроз	101
<i>Гладышев В. С.</i> Нюрнбергский процесс: история и современность	106
<i>Громыко В. В.</i> Нюрнбергский процесс и его влияние на международную медицину	109
<i>Лапанович С. Ф.</i> Восстановление деятельности органов внутренних дел на территории Беларуси в первые послевоенные годы в контексте преодоления последствий нацистской оккупации и политики геноцида	112
<i>Латышев А. В.</i> Проблема признания советских военнопленных жертвами национал-социализма.....	117
<i>Лемешевский О. О., Дубровский А. Р.</i> Нюрнбергский процесс: правда без срока давности	121
<i>Лобанок А. К.</i> Шаги к трибуналу над международными преступниками.....	124
<i>Копыткова Н. В.</i> Государство и международное правосудие: приоритеты суверенитета	126
<i>Ворошкевич С. А., Кулеш А. В.</i> Проблемы сохранения исторической памяти в условиях цифровых преобразований	130
<i>Кустовский М. Н.</i> Нравственный смысл Нюрнбергского процесса.....	134
<i>Немкевич И. В.</i> О противодействии попыткам фальсификации причин и условий преступлений немецко-фашистских оккупантов в Беларуси	137

<i>Олейник В. В.</i> Нюрнбергский процесс и защита культурных ценностей	141
<i>Пастушеня А. Н.</i> Изучение национальной истории как средство гражданско-патриотического воспитания: психолого-педагогический аспект	146
<i>Прудникова Т. А.</i> Роль Нюрнбергского процесса в установлении ответственности за реабилитацию нацизма	150
<i>Туркенич С. В.</i> Роль СССР в Нюрнбергском процессе.....	153
<i>Фазлиев А. М., Бродовская Л. Н., Буравлёва В. В.</i> Нюрнбергский процесс в учебниках истории.....	156
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 3 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЛОКОСТ. ФАШИЗМ ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА»	161
<i>Алексейчикова Е. Н., Рытова Н. Н.</i> Особенности деятельности Нюрнбергского трибунала по материалам его Устава и Регламента	161
<i>Асаёнок Б. В.</i> Об усилении ответственности за пропаганду нацистских символов ...	166
<i>Бань Н. Ю., Дубин И. А.</i> Узники Минского гетто	169
<i>Беляева А. В.</i> Политика США в отношении нацистских преступников	173
<i>Баталко Т. И.</i> Особенности методологического подхода в процессе формирования воспитательно-нравственного потенциала студенческой молодежи в рамках спецкурса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)»	177
<i>Маркевич П. В.</i> Преступления гитлеровских захватчиков в Минске по материалам Нюрнбергского процесса	182
<i>Пинчук Д. Н.</i> Фольклор как оружие нацистской пропаганды на заключительном этапе Второй мировой войны.....	186

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО К УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

ПОЗДНЯКОВ Владимир Михайлович, ректор учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», кандидат технических наук, доцент

Уважаемые коллеги!

Приветствую всех вас от имени учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» и от себя лично на Международной научно-практической конференции «Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории», посвященной его 80-летию.

Нюрнбергский трибунал по своей значимости стоит среди важнейших мировых исторических событий. Он стал наглядным примером реальных достижений правосудия, основанного на принципах справедливости и неотвратимой ответственности. Его наследие не ушло в прошлое, оно сохраняется и в наши дни.

Итоги процесса вошли как важная составляющая принципов мирного сосуществования государств, теории и практики международного уголовного и гуманитарного права, стали основой формирования контуров современной международной политики, во многом определили морально-нравственные нормы современного мира. След, оставленный Нюрнбергом в истории и современности, является источником все новых осмыслений.

Неубывающая ценность уроков Нюрнбергского процесса стала предметом нашей конференции. Нам искренне приятно, что она объединила не только белорусских исследователей, но и наших зарубежных коллег. Состав участников, их научная квалификация, многообразие тематик и исследовательских подходов, высокий научный уровень предоставленных материалов не оставляют сомнений в том, что работа конференции и издание сборника ее научных материалов станут важным вкладом в сохранение исторической правды, укрепление принципов международного права и послужат импульсом для дальнейших исследований.

Желаю участникам конференции взаимно обогатиться новыми идеями и знаниями!

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 1 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ»

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МЕНТОЦИД» В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Аренова Л. К.

Республика Казахстан, г. Караганда
Карагандинский университет Казпотребсоюза,
профессор кафедры правового регулирования
экономических отношений,
кандидат юридических наук, профессор

Термин и понятие «ментоцид» как в международном публичном, так и иных смежных отраслях права до настоящего времени не рассматривались.

Однако, по нашему мнению, на современном историческом этапе для рассмотрения правового термина и определения ментоцида уже наступили достаточно серьезные основания. Это связано прежде всего с глобальными и региональными трансформационными, геополитическими процессами, которые мы наблюдаем в международной сфере. Это связано с тем, что изменились методы, способы и средства разрешения спорных и конфликтных ситуаций между субъектами международного права. В частности, современные реалии в международно-правовой сфере научными экспертами разных областей международно-правовых, политологических и иных знаний компетентно характеризуются как ведение так называемых гибридных войн. Последний термин был введен в 2007 году американским военным теоретиком Фрэнком Хоффманом как принципиально новая теория войн современности и представил определение, которое отражает не только философскую, но и правовую суть ментоцида. Согласно мнению Ф. Хоффмана, «гибридная война – это возникающее одновременное использование нескольких типов войны гибкими и изощренными противниками, которые понимают, что для успешного конфликта требуются разнообразные формы, разработанные для достижения целей в данный момент» [1].

Традиционное в нашем понимании ведение деструктивных действий в отношении государств заменяется иными, смешанными, латентными средствами и методами. Они включают в себя синтез социально-психологического давления и устрашения, идеологической

пропаганды и навязывания иных духовно-нравственных и в целом культурных ценностей.

По нашему мнению, гибридные войны включают в себя такой стратегический элемент как подрыв культурной безопасности какой-либо страны и, как результат, ментоцид, то есть полное или частичное уничтожение культурного кода и ментального здоровья. Ментоцид является следствием нарушения культурной безопасности государства как вида национальной или государственной безопасности. Он направлен на полное или частичное уничтожение интеллектуальной и культурной самоидентичности народа, нации, этноса, способствует психофизиологической и духовной деградации, что фактически приводит к «digital dementia» («цифровое слабоумие» – термин, введенный южнокорейскими учеными как результат комплекса научных исследований в области психофизиологии в 2007 году в связи с тем, что Южная Корея – одна из первых стран, которая прошла оцифрование страны и общества) [2].

Современный исторический этап характеризуется также тем, что нормы международного права перестали выполнять свои регулятивные функции для стабилизации напряженной международной обстановки, потенциальной и реальной ядерной угрозы, ведения гибридных войн с целью дестабилизации стран. Это происходит посредством подрывной деятельности внутри государств с использованием психологического воздействия на массы через разрушение культурной безопасности и идеологии, изменения ментальности ее граждан, навязывания и пропаганды ложных морально-нравственных и духовных ценностей, запрета на распространение культуры разных народов и пр.

Великая Отечественная война вскрыла влияние идеологии превосходства одной нации и культуры над другой, где не только Холокост, но и фактический геноцид против белорусского народа, а также всего советского народа – это яркий показатель не только геноцида, но и ментоцида. Именно благодаря действенной охране культурной безопасности СССР советский народ стал победителем ценой собственных жизней, а подвиг героев Брестской крепости – наглядным историческим примером на века.

Отметим, что в социологической и антропологической науке в начале XX столетия французским антропологом Робертом Херцем в его работе «Смерть и правая рука» была аргументирована научная позиция об уничтожении личности без физического насилия. Суть данной концепции состоит в том, что физической смерти человека предшествует сначала социальная, после психологическая и только потом биологическая смерть, то есть человека исключают из социальной жизни, психологически и ментально уничтожают, лишают культурной идентичности [3]. Концепция, что человек умирает дважды – когда его имя забывают, а потом когда перестает дышать, является собирательной. Это идея, которая нашла свое развитие с периода античности и поддерживалась великими мыслителями на протяжении всей истории

человечества, приписывается древнегреческому философу Диогену Синопскому. Выявляется и доказывается фактор того, что именно ментальность, культура с такими входящими в нее элементами, как нормы поведения, языки, традиции и обычаи, идеология, выступают доминантой жизни человечества, стимулирующей его дальнейшее развитие и ментальный прогресс.

Напомним, что в настоящее время в международно-правовых нормах понятие «ментоцид» отсутствует и, соответственно, не имеет международного признания, а лишь имеет место преследование по признаку культуры, отчасти отраженное в ст. 19 и 27 Международного пакта о политических и гражданских правах, в п. h) ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда в 1998 году. Указанное отмечает, что современное международное право не в полной мере соответствует современным международно-правовым реалиям и условиям глобальной цифровой трансформации. Однако представленный пробел признания явления ментоцида не снижает авторитет отрасли, что обусловлено отсутствием необходимости рассмотрения такого явления ранее.

Настоящий период времени, который определяется как этап цифровой революции, меняет как международную, так внутригосударственную политико-правовую реальность. Это обусловлено сменой исторической эпохи, что полностью преобразует не только формат международных отношений, но и методы, способы влияния стран друг на друга, разжигания конфликтов и напряжения в государствах, а также способы ведения переговорного процесса и дипломатии. Период цифровой революции и технологического прорыва, глобализация в информационно-экономическом понимании не только привели к изменению миропорядка и трансформации мира, но и создали условия для возникновения ряда негативных явлений и глобальных рисков (например, от явлений экстремизма, терроризма, сепаратизма и заканчивая рисками глобального климатического коллапса, угрозами в сфере экологической, экономической и культурной безопасности). В этой связи возникновение явления ментоцида выступает новеллой в международном праве как исторически обусловленный фактор лишения суверенитета и независимости, государственности в целом посредством подрыва культурной безопасности.

Парадигма ментоцида в международном праве определяется установлением его сущности через его проявления в действиях. По нашему мнению, определить правовое понятие ментоцида возможно комплексно, с учетом цикла психологических, философских, педагогических, геоэкономических и иных наук, что связано с этимологией слова «ментальность» и его прямого образования понятия ментоцида. Ментальность – это присущий человеку, социальной группе образ мышления и мыслей, ум, душевный склад, общая духовная настроенность, которая в своей основе имеет достаточно глубокий уровень коллективного и индивидуального сознания и бессознатель-

ного [4]. Ментальность выступает относительно устойчивой совокупностью внутренних ценностей, установок и предрасположенностей человека или социальной группы, основанной на традициях и обычаях народа, этноса, нации, через призму которых воспринимается окружающий мир, конкретным образом формируя культуру, являясь трудноопределимым истоком дальнейшего исторического развития.

Ментоцид с латинского определяется как сочетание слов «mens» и «caedere», что в буквальном переводе означает «отключить ум» [5]. Представленный этимологический анализ отмечает прямую взаимозависимость ментальности с ментоцидом. Определение ментоцида не закреплено в международно-правовых нормах, в отличие от геноцида и экоцида, но выступает способом разрушения суверенитета и независимости государств, дестабилизации общества, элементом для осуществления неокOLONиальной политики. По нашему мнению, ментоцид представляется результатом подрыва культурной безопасности страны как вида национальной или государственной безопасности, не имеет определяющего временного состояния – мирное или военное время, и представляет собой комплекс криминальных действий, направленных на уничтожение ментальности и ментального здоровья нации, этноса или народа путем разрушения его культурной самоидентичности, исторической памяти и духовных ценностей, с целью подрыва или уничтожения суверенитета и независимости государства и дестабилизации общества. Это всегда намеренная система действий, подлежащая криминализации как вид международных преступлений против мира и безопасности человечества. Международная опасность ментоцида заключается в том, что в результате совершения комплекса действий, направленных на уничтожение ментальности и ментального здоровья нации и народа путем разрушения его культурной самоидентичности, частично или полностью может прекратиться их существование как полноценного и самостоятельного сообщества людей на определенной территории, что ведет к распаду целого государства. Непосредственным объектом ментоцида должны выступать общественные отношения, которые обеспечивают безопасность ментального здоровья, свободы интеллектуального потенциала и мышления, совести, самоидентичности народа, этноса, нации на территории страны, где потерпевшей стороной при ментоциде является народ. Международно-правовой аспект признания ментоцида обосновывается намеренными действиями, которые направлены на подрыв свободы мышления как основного фундаментального права, присущего каждому человеку по праву рождения, способностей общества к критическому мышлению, разрушение памяти и языка, которые ведут к исчезновению уникальных культурных кодов, что делает его уязвимым для психологических манипуляций. Преступность действий определяется использованием деструктивной идеологической пропаганды и психологических технологий влияния, в том числе в цифровой среде (через интернет-контент,

алгоритмы моделирования желательного поведения, манипуляции вниманием, социальное давление и сравнение, ментальную стимуляцию через геймер-контент и интерфейс-решения). В этой связи подчеркнем необходимость международного и внутригосударственного контроля использования цифровой среды населением, информационно-медийной безопасности и цифрового пространства. Кроме того, целесообразно разработать международно-правовой механизм мониторинга с целью установления международного индекса ментоцидной угрозы International Mentocide Threat Index (IMTI), например по принципу Базельского индекса системы ПОД/ФТ/ФРОМУ или глобального индекса терроризма.

Список цитированных источников

1. Хоффман, Ф. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars = Конфликт в 21 веке. Появление гибридных войн» / Ф. Хоффман. – URL: https://www.potomac institute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
2. Стрельникова, Л. Цифровое слабоумие / Л. Стрельникова // Химия и жизнь. Научный журнал. – 2014. – № 12. – URL: <https://hij.ru/read/5210/> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Херц, Р. Смерть и правая рука / Р. Герц ; пер. с фр., науч. ред. И. Куликов. – М. : ARS Press, 2019. – 264 с.
4. Мещеряков, Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с.
5. Большой психологический словарь. – URL: <https://psychological.slovaronline.com> (дата обращения: 22.09.2025).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ПОИСКА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ЭКСТРЕМИЗМА В ИНТЕРНЕТЕ

Асаёнок Б. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Фролов Д. Л.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
магистрант

Современное информационное пространство стало ключевым каналом распространения идей, в том числе экстремистских. Эти идеи способствуют восстановлению в отдельных случаях идеологических предпосылок нацистских и прочих аналогичных им представлений в сознании не только молодежи, но и (через лживую интерпретацию исторических событий и процессов) более широкого круга людей. Такие проявления требуют постоянного внимания и противодействия со стороны государства. Интернет предоставляет возможности для коммуникации, вербовки, пропаганды и координации действий, что делает его удобной средой для противоправной деятельности. В связи с этим особую актуальность приобретает применение компьютерно-технической экспертизы (КТЭ) – комплекса методов анализа цифровых данных, позволяющих выявлять и фиксировать следы экстремистской активности в цифровом пространстве.

Задача экспертизы заключается не только в обнаружении фактов распространения запрещенного контента, но и в обеспечении доказательной базы для правоохранительных органов. Таким образом, КТЭ становится важным инструментом в системе противодействия экстремизму.

Таким образом, основные цели КТЭ в контексте борьбы с экстремизмом:

- ✓ выявление источников распространения экстремистских материалов;
- ✓ установление личности пользователей, участвующих в противоправной деятельности;
- ✓ восстановление удаленных или скрытых данных;
- ✓ анализ цифровых коммуникаций для выявления сетевых связей;
- ✓ формулирование экспертного заключения в качестве источника доказательств по делам об экстремистской деятельности.

Применение КТЭ позволяет решать широкий спектр задач:

- определение IP-адресов, MAC-адресов, уникальных идентификаторов устройств, используемых для распространения экстремистских материалов (в сочетании с методами судебно-лингвистического исследования);
- подготовка материалов к последующему назначению иных судебных экспертиз;
- исследование текстов, изображений, аудио- и видеозаписей на предмет наличия экстремистского содержания, призывов к насилию или пропаганды ненависти (в том числе наличия нацистской символики);
- извлечение удаленных файлов, переписки в мессенджерах, истории браузера и других цифровых следов (к примеру, для определения соответствующих групп пользователей с целью их дальнейшей идентификации);
- определение сетевых контактов между участниками экстремистских групп, выявление каналов коммуникации и координации действий;
- подготовка материалов в форме экспертного заключения, соответствующего нормам уголовно-процессуального законодательства или процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях.

Для поиска цифровых следов экстремизма и иных аналогичных противоправных проявлений применяются разнообразные методы:

1. Форензика устройств. Извлечение и анализ данных с жестких дисков, флеш-накопителей, мобильных телефонов. Используются специализированные программы (EnCase, FTK, X-Ways Forensics).
2. Анализ сетевого трафика. Исследование логов серверов, маршрутизаторов и прокси-сервисов для выявления активности подозрительных пользователей.
3. Лингвистический анализ. Применение методов компьютерной лингвистики для выявления экстремистской риторики в текстах, включая использование ключевых слов, семантических моделей и анализа тональности, специфичных для данного направления противоправной деятельности коннотаций.
4. Распознавание изображений и видео. Использование нейросетевых алгоритмов для обнаружения символики экстремистских и националистических организаций, сцен насилия или пропагандистских материалов.
5. Мониторинг социальных сетей. Автоматизированный сбор и анализ данных из открытых источников (OSINT), включая посты, комментарии и переписку в мессенджерах.

Применение КТЭ должно строго соответствовать законодательству в контексте применения норм отраслевых законодательств:

Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [1];

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [2];

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [3].

Кроме того, при проведении компьютерно-технических исследований актуальным является также обеспечение исполнения законодательства Республики Беларусь о защите персональных данных.

Таким образом, КТЭ является не только технической, но и юридически значимой процедурой, требующей высокой квалификации специалистов.

Рост цифровой активности экстремистских групп делает необходимым постоянное совершенствование методов КТЭ:

1. Искусственный интеллект. Машинное обучение позволяет автоматизировать выявление экстремистских материалов, анализировать большие массивы данных и прогнозировать потенциальные угрозы.

2. Международное сотрудничество. Экстремизм носит транснациональный характер, поэтому обмен опытом и совместные расследования между странами становятся ключевым фактором эффективности.

3. Развитие нормативной базы. Совершенствование законодательства в области цифровой криминалистики обеспечивает правовую основу для применения новых технологий. Здесь следует сказать, что, к сожалению, действующее отраслевое законодательство Республики Беларусь еще слабо продвинулось в регламентации цифровых следов, а также проведении следственных и иных процессуальных действий в цифровом пространстве.

Таким образом, компьютерно-техническая экспертиза является важнейшим инструментом в борьбе с экстремизмом в Интернете, установлении контента, способствующего продвижению нацистской идеологии. Она позволяет выявлять цифровые следы противоправной деятельности, обеспечивать доказательную базу и предотвращать распространение противоправных проявлений такого характера.

Совмещение технических методов и правовых норм делает КТЭ комплексным и эффективным средством противодействия современным угрозам. В условиях стремительного развития цифровых технологий ее значение будет только возрастать, а внедрение искусственного интеллекта и международное сотрудничество откроют новые перспективы в обеспечении безопасности общества.

Список цитированных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.11.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 11.11.2025).

3. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 92-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. / в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 апр. 2026 г. № 138-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.11.2025).

ЗАПРЕТ НА ПЛАНИРОВАНИЕ, ПОДГОТОВКУ, РАЗВЯЗЫВАНИЕ И ВЕДЕНИЕ АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЫ В ПРИГОВОРЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «АГРЕССИВНАЯ ВОЙНА»¹

Багандова Л. З.

Российская Федерация, г. Москва
Институт государства и права
Российской академии наук,
младший научный сотрудник

Обеспечение мира и безопасности человечества является одной из задач уголовного законодательства каждого государства. Нюрнбергский процесс (1945–1946 гг.) стал переломным событием в истории международного права, одним из ключевых итогов которого стало юридическое закрепление запрета на агрессивную войну как тягчайшее международное преступление. В приговоре трибунала впервые на столь высоком уровне была дана развернутая концептуализация понятия «агрессивная война», определены ее признаки и установлена индивидуальная уголовная ответственность за ее планирование, подготовку, развязывание и ведение [1, с. 82].

До Второй мировой войны неоднократно предпринимались попытки законодательно ограничить войны как способы разрешения международных конфликтов. Первым реальным шагом на пути установления запрета агрессии и объявления ее вне закона явился Парижский пакт от 27 августа 1928 г., в котором было установлено многостороннее обязательство государств об отказе от применения вооруженной силы и указано, что его участники «...осуждают метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов», «отказываются в своих взаимоотношениях от войны в качестве орудия национальной политики» и обязуются впредь разрешать все свои разногласия только мирными средствами.

Советский Союз стал одним из первых среди государств продвигать идею о необходимости выработки общепринятого определения понятия «агрессия» (в Пакте Бриана – Келлога такого не содержалось). Так, в Договоре о ненападении с Польшей (подписан в Москве 25 июля 1932 г.) в статье о взаимном отказе от агрессивных действий указывалось: «Действием, противоречащим обязательствам настоящей статьи, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целость

---

¹ Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений».

Одновременно Советским Союзом предпринимались инициативы о фиксации правовых гарантий экономической безопасности. Так, в ходе работы III сессии Европейской комиссии Лиги Наций 1931 г., а также Лондонской международной экономической конференции 1933 г. делегации СССР внесли предложение о заключении многостороннего протокола об экономическом ненападении, который запретил бы экономическую агрессию и дискриминацию в целом и поставил бы вне закона определенные формы дискриминационных ограничений международной торговли. В указанном проекте отмечалось, что необходимо, наряду с отказом от войны, в качестве средства разрешения международных конфликтов полное прекращение всех скрытых и открытых форм экономической агрессии отдельных стран или групп стран против какой-либо страны или группы стран, поскольку прекращение экономической агрессии является необходимой предпосылкой мирного сотрудничества государств в хозяйственной области, вне зависимости от их систем. Однако данное предложение не получило широкой поддержки среди других государств и было реализовано только в двусторонних договорах СССР и ряда других стран (например, советско-афганский Договор о нейтралитете и взаимном ненападении от 31 августа 1926 г.).

Несмотря на разные подходы государств к содержательному наполнению понятия агрессии, зверские злодеяния, совершенные гитлеровцами в войне 1939–1945 гг., сделали неотложным решение вопроса по осуждению нацистских преступников за планирование, подготовку, развязывание и ведение ими агрессивной войны. Для этого по инициативе стран-победительниц был создан Международный военный трибунал. Большой вклад в процесс внесло советское правительство. Так, В. М. Молотов в ноте «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» 1942 г. заявил о необходимости предания суду «любого из главарей фашистской Германии» за истребление советского населения, ликвидацию национальной культуры, рабски-крепостнический труд и кабалу, захват советских земель, а также всеобщее ограбление. Все эти действия, согласно принятой в Лондоне Конвенции об определении агрессии 1933 г., признавались признаками агрессивной войны.

Разгром нацистских захватчиков сделал возможным организацию первого в мировой истории трибунала над военными преступниками [2, с. 6]. Нюрнбергский процесс начал работу 20 ноября 1945 г. и стал первым в истории судебным разбирательством, направленным на привлечение виновных к ответственности за международные преступле-

ния [3]. Нюрнбергский трибунал оказал существенное влияние на дальнейшее развитие международного и национального права отдельных государств.

Правовой основой обвинения в агрессии выступила ст. 6 (а) Устава Международного военного трибунала, квалифицировавшая как преступление против мира планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, а также участие в общем плане или заговоре, направленном на совершение указанных действий. Данная норма имела принципиально новаторский характер: она впервые объединила в единый состав преступления не только непосредственное ведение войны, но и предшествующие ему стадии, увязала понятие агрессии с нарушением международных обязательств, ввела концепцию «общего плана или заговора» как особой формы соучастия в преступлении.

В тексте приговора трибунал не дал определения агрессивной войны, однако через анализ конкретных действий подсудимых выработал устойчивую систему признаков, позволяющую квалифицировать войну как агрессивную. К числу таких признаков отнесены: отсутствие законного основания для применения силы (войны против Польши, Франции, Великобритании, СССР были начаты без формального объявления войны и иных оснований, предусмотренных международным правом); нарушение международных договоров и обязательств (в частности, Версальского договора 1919 г., пакта Бриана – Келлога 1928 г., а также двусторонних соглашений о ненападении, включая пакт Молотова – Риббентропа); преднамеренность и планомерность действий (наличие долгосрочных планов, таких как «план Барбаросса», и скоординированных действий различных ветвей власти); экспансионистские цели (захват территорий и ресурсов, установление господства вместо самообороны); системность и масштабность (цепочка взаимосвязанных войн, направленных на пересмотр существующего мирового порядка).

При обосновании квалификации агрессии трибунал опирался на ряд ключевых аргументов. Во-первых, был утвержден принцип индивидуальной ответственности высших должностных лиц (ст. 7 и 8 Устава), отвергнувший довод о действии «по приказу». Во-вторых, к преступлениям агрессии была признана неприменимой давность ввиду их исключительной тяжести. В-третьих, трибунал обосновал прецедентный характер решения: даже при отсутствии исчерпывающего определения агрессии в действующем международном праве, общепризнанные принципы справедливости и цивилизованного поведения исключают войну как средство разрешения споров.

Значение Нюрнбергского приговора для развития международного права трудно переоценить. Прежде всего, он утвердил саму идею уголовной ответственности за агрессию, переводя ее из сферы политической риторики в область уголовного правосудия. Расширение состава преступления за счет включения предварительных стадий (планирование и подготовка) создало правовые предпосылки для превентивного

пресечения агрессивных замыслов до их реализации. Кроме того, приговор продемонстрировал ограничение абсолютного суверенитета государства в вопросе применения вооруженной силы: право на ведение войны более не рассматривалось как неотъемлемое полномочие субъекта международного общения, но подчинялось общепризнанным нормам и обязательствам.

По окончании Нюрнбергского процесса перед государствами встала важная задача – разработать законодательство для осуждения немецко-фашистских захватчиков. Несмотря на имевшиеся разногласия [4, с. 40], правовые принципы, сформулированные в Нюрнберге, легли в основу последующих международно-правовых документов. В частности, они были подтверждены Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала», закрепившей авторитет решений трибунала; нашли развитие в Определении агрессии, принятом ООН в 1974 году (резолюция 3314); а также вошли в Статут Международного уголовного суда 1998 г., включивший агрессию в перечень преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Таким образом, Нюрнбергский процесс не просто осудил конкретных виновных, но и сформировал устойчивую нормативную базу для противодействия агрессии как глобальному злу.

Список цитированных источников

1. Савенков, А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира : монография / А. Н. Савенков. – М. : Проспект, 2024. – 768 с.
2. Багандова, Л. З. Обеспечение мира и безопасности человечества в международном гуманитарном праве и уголовном праве Российской Федерации / Л. З. Багандова // Международное право и международные организации. – 2025. – № 2. – С. 1–18.
3. Трайнин, А. Н. Учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946. – 185 с.
4. Савенков, А. Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции: специализированный учебный курс / А. Н. Савенков. – М., 2022. – 253 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ КОДЕКС КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТИКО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПРОВЕДЕНИЯ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЧЕЛОВЕКЕ

Береговцова Д. С.

Республика Беларусь, г. Брест

Брестский государственный университет

имени А. С. Пушкина,

доцент кафедры теории и истории государства и права,

кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский кодекс, являющийся фактически первым документом, принятым на международном уровне, посвященным базовым принципам проведения биомедицинских исследований на людях, был разработан после Нюрнбергского процесса. Толчком для его принятия послужил первый и самый известный из 12 «малых» судебных процессов (дело США против Карла Брандта). Так называемые «малые» процессы проходили уже после основного процесса по делу высокопоставленных нацистских офицеров. В рамках «малого» процесса (США против Карла Брандта), проходившего в 1946–1947 гг., перед обвинением предстали 23 человека, 20 из которых были медицинскими работниками. Одним из обвиняемых выступил Карл Брандт, личный врач А. Гитлера, руководивший программой «Т-4», которая предусматривала умерщвление душевно больных и умственно отсталых людей, а также лиц с ограниченными возможностями.

Подсудимым были предъявлены различные обвинения, в том числе совершение военных преступлений и преступлений против человечности, в частности медики участвовали в исследованиях влияния на человеческий организм пониженных температур, давления, в заражении смертельными болезнями типа сыпи или малярии, желтой лихорадки, вирусного гепатита, в том числе и с целью тестирования различных вакцин, проводили опыты в области трансплантологии, искали наиболее эффективные методы медицинской стерилизации и т. д.

Бесчеловечные эксперименты нацистских врачей заставили мировое сообщество задуматься над основными принципами проведения биомедицинских исследований на людях, а также на вопросах соотношения цели и средства, так как во имя прогресса медицинской науки никогда намеренно не должна быть пожертвована ни одна человеческая жизнь. Как отмечено в Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений современной биомедицины (Конвенция о правах человека и биомедицине, 4 апреля 1997 г.), благо и интересы отдельного человека превалируют над интересами общества и науки [1]. Однако до принятия данного регионального обязывающего документа, глава V которого посвящена научным исследованиям на людях, во время рассмотрения дела США против Карла Брандта оставалось

около 50 лет. Нюрнбергский кодекс, по сути, положил начало развитию международного права в области биомедицинских исследований, закрепив основные принципы их проведения.

Следует отметить, что Нюрнбергский кодекс является сводом этических правил, в силу данного обстоятельства не является юридически обязывающим документом, однако он, несомненно, оказал влияние на последующее развитие национального законодательства государств, регламентирующего основные правила проведения биомедицинских исследований на людях, а также на развитие международного права в указанной сфере. Именно поэтому его положения не теряют актуальности и значимости по сей день, особенно учитывая причину его принятия и недопустимость повторения преступных опытов нацистских врачей.

Нюрнбергский кодекс является сравнительно небольшим по объему документом, включающим краткую преамбулу и 10 основных принципов проведения биомедицинских исследований (в кодексе используется термин «медицинский эксперимент»). Полагаем, что краеугольным камнем кодекса является принцип добровольного информированного согласия на медицинские исследования, в соответствии с которым индивид должен не просто дать согласие на проведение исследования, но и, как отмечено в кодексе, «обладать знаниями, достаточными для того, чтобы понять суть эксперимента и принять осознанное решение», что означает что он должен быть проинформирован о цели и характере исследования, имеющихся рисках, прогнозах и т. д. Данный принцип впоследствии был продублирован в многочисленных международных документах по правам человека, таких, например, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 5), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 7), Хельсинская декларация ВМА 1964 г. (пересмотренная), Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г. (ст. 5, 16), Дополнительный протокол к данной конвенции, касающийся биомедицинских исследований, 2005 г., Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г. (ст. 3) и т. д.

Девятый принцип, закрепленный в Нюрнбергском кодексе, также фактически посвящен вопросам согласия на медицинское вмешательство, а именно его отзыву. Добровольное информированное согласие предполагает также и возможность его отзыва, что крайне важно в контексте защиты прав пациентов и участников биомедицинских исследований. В соответствии с девятым принципом в ходе проведения эксперимента испытуемый должен иметь возможность остановить его, если, по его мнению, его физическое или психическое состояние делает невозможным продолжение эксперимента [2].

Крайне важным в контексте обеспечения реализации прав человека является также четвертый принцип, в соответствии с которым исследователь должен избегать всех избыточных физических страданий и повреждений, а также третий принцип, который устанавливает, что проведению медицинского исследования должны предшествовать лабо-

раторные исследования на животных, а также что ожидаемые результаты исследования должны оправдывать сам факт его проведения.

Несколько устаревшим в контексте современных реалий реализации и защиты прав участников биомедицинских исследований звучит шестой принцип Нюрнбергского кодекса, в соответствии с которым степень риска, связанного с проведением эксперимента, никогда не должна превышать гуманитарной важности проблемы, на решение которой направлен данный эксперимент. Как уже было отмечено выше, в принятых в последние несколько десятилетий международных документах по правам человека, таких, например, как Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г., подчеркивается, что не может быть никаких важных гуманитарных проблем, которые были бы важнее интересов конкретного человека, так как благо отдельного индивида всегда преобладает перед интересами науки и общества.

В заключение сформулируем некоторые выводы теоретического характера.

За почти восемьдесят лет своего существования Нюрнбергский кодекс так и не утратил своей значимости и актуальности. Безусловно, если оценивать его с позиций более современных международных документов по правам человека, а также положений национальных законодательств, в частности законодательства Республики Беларусь, где детально проработаны нормы относительно биомедицинских исследований на человеке, добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство, то положения его кажутся несколько несовершенными. Однако следует понимать, что это была первая успешная попытка на международном уровне систематизировать этические принципы проведения медицинских экспериментов на людях, безусловно, оказавшая значительное воздействие как на развитие международно-правового регулирования в данной области, так и национальные законодательства подавляющего большинства стран мира.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский кодекс 1947 г. – URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2021/07/njurnbergskij-kodeks.pdf> (дата обращения: 13.11.2025).
2. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине: 4 апр.1997 г. // Права человека: сб. междунар.-правовых док. / подгот. В. В. Щербовым, А. Селивановым; сост. В. В. Щербов. – Мн., 1999. – С. 835–844.

ТРИ ОПОРЫ НЮРНБЕРГА: ОГРАНИЧЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, УСЛОВНЫЙ ИММУНИТЕТ И АБСОЛЮТНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Бреский О. В.

Республика Беларусь, г. Брест
Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский процесс стал поворотным моментом в развитии международного права, который фундаментально изменил три принципа: концепцию государственного суверенитета, понимание иммунитета должностных лиц государства и статус индивида в международном праве.

Иногда этот сдвиг представляют как торжество победителей в войне. Однако на деле мы видим, что для решения вопроса с квалификацией произошедшего в ходе Второй мировой войны государствам-победителям пришлось обращаться не к политическим, а к правовым средствам. Главными из них стали древняя теория естественного права и концепция правления права (rule of law). Обе они утверждают, что в основании социального порядка лежат безусловные, производные от власти правила и ценности. Как и все основные правовые положения, эти принципы не являются дескриптивными категориями – они не описывают реальность, но ее задают.

I. Ограниченный суверенитет.

До Нюрнберга только государства и межгосударственные организации были субъектами международного права. Концепция абсолютного государственного суверенитета господствовала, но эта же концепция лежала в основании роста амбиций суверенных государств, беспрепятственно использовавших свое право на войну. После 1945 года было признано, что в международном пространстве также должны действовать правила и обязательные нормы, которым государства обязаны подчиняться и которые не основаны лишь на их согласии следовать этим нормам.

Это воплощение доктрины правления права. Внутри государств она означает, что никто не выше закона – ни монарх, ни президент, ни обычный гражданин. Власть не выше закона. Так возникает идея ограниченного суверенитета.

Уже Жан Боден, создатель доктрины суверенитета, признавал, что даже по отношению к собственным гражданам суверены обязаны соблюдать определенные базовые правила, вытекающие из божественного закона, естественного права и основных законов государства [1].

Боден подчеркивал, что суверенная власть абсолютна в том смысле, что освобождена от подчинения собственному законодательству (*legibus solutus*), но при этом она остается связанной божественным и естественным правом [2]. Это ключевой момент: уже у создателя концепции абсолютного суверенитета заложена идея ограничений.

Внутри государства ограничение его суверенитета правом дает нам форму конституционной монархии или республики. На международном уровне ограничение суверенитета дает нам модель конституционализации международного права. Нюрнберг установил, что государство не может совершать любые действия с опорой на принцип суверенитета, что существуют международные нормы *jus cogens*, которые выше суверенной воли, что государства могут совершать действия, находящиеся за пределами права суверенного усмотрения. Это классический элемент *rule of law*: ограничение власти правом, даже высшей власти.

II. Условный иммунитет должностных лиц.

Идея ограниченного суверенитета ведет к разработке второго принципа – условного иммунитета должностных лиц государства, опирающегося на равенство всех перед правом. Здесь мы также видим прямую реализацию принципа правления права, поскольку конституционализм развивался как постепенное ограничение иммунитетов власти, что дало современные формы ответственности должностных лиц.

Нюрнберг применил этот принцип в международном масштабе. Статья 7 Устава Международного военного трибунала гласит: «Должностное положение подсудимых, будь то главы государств или ответственные чиновники правительственных ведомств, не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания» [3]. Геринг, Риббентроп и другие судились не как представители государства, а как преступники.

Нюрнберг предложил иную философию иммунитета: иммунитет – это функциональная привилегия для нормального осуществления полномочий, а не индульгенция для преступлений. И это формула самого ядра правления права и конституционализма – равенство перед законом, который один для всех, независимо от ранга.

Этот принцип был подтвержден Комиссией международного права ООН в Принципе III Принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала: «Тот факт, что лицо, совершившее действие, представляющее собой преступление по международному праву, действовало как глава государства или ответственное правительственное должностное лицо, не освобождает его от ответственности по международному праву» [4].

Современное воплощение этого принципа закреплено в ст. 27 Римского статута Международного уголовного суда (1998), которая устанавливает: «Настоящий Статут применяется равным образом ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение в качестве главы госу-

дарства или правительства... ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту» [5].

III. Непосредственная международная субъектность человека.

Признание ответственности лиц, наделенных властью и совершающих преступные деяния от имени своих государств, было бы половинчатым решением без третьей опоры. Если мы признаем такую ответственность, то мы должны возвести и человека на уровень субъекта международного права. Человек после Нюрнберга обладает непосредственной субъектностью, является носителем прав и обязанностей на международном уровне.

Здесь также наблюдается параллель с развитием национального права: конституционные революции разрушали феодальный принцип ранга и неравенства перед законом, выводили человека из статуса объекта в статус субъекта права, наделенного равными с другими правами и обязанностями. Нюрнберг совершил аналогичный переворот.

До Нюрнберга только государства являлись субъектами международного права, человек признавался его объектом. После Нюрнберга индивид может быть непосредственно адресатом международно-правовых норм. Нюрнбергский трибунал установил: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть обеспечены положения международного права» [6].

Этот принцип работает в обе стороны: он обеспечивает не только ответственность человека (Нюрнберг), но и его права. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Европейская конвенция о защите прав человека 1950 г. развили правозащитный аспект международной субъектности индивида.

В этом также воспроизводится принцип правления права: право регулирует поведение людей, а не абстрактных корпораций, человек – конечный субъект права.

IV. Системное взаимодействие трех принципов.

Три отмеченных принципа образуют систему:

Ограниченный суверенитет создает пространство для международного права, в котором нормы выше власти государства (подобно тому, как конституция стоит над законодателем во внутреннем праве).

Условный иммунитет делает право применимым к конкретным людям. Без этого нормы остаются декларациями (подобно тому, как снятие абсолютного иммунитета монарха было необходимо для становления конституционализма).

Субъектность человека замыкает правовую цепь, создавая прямую связь: международная норма – человек – ответственность, без посредничества государства, которое может отказаться выдать или судить преступника или конкретное должностное лицо. Аналогом является прямое действие конституционных норм в национальном правовом порядке.

Вместе эти принципы создают то, что во внутреннем праве называется правлением права или верховенством права: верховенство права над силой, равенство перед законом, прямое действие норм в отношении индивидов, независимое правосудие.

V. Нормативное закрепление и институционализация.

Нюрнберг не является случайным эпизодом в истории. Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. единогласно приняла резолюцию 95 (I), которая «подтверждает принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала» [7]. Принципы Нюрнберга были признаны:

Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948),

Женевскими конвенциями о защите жертв войны (1949),

Международными пактами о правах человека (1966),

Множеством конституций современных государств, включая Конституцию Республики Беларусь (ст. 8).

Потому значение Нюрнберга можно выразить формулой «создание конституционного корпуса международного права».

В 1990-е гг. мы наблюдаем институционализацию такого правового режима: создание трибуналов *ad hoc* (Международный трибунал по бывшей Югославии, Международный трибунал по Руанде), принятие Римского статута Международного уголовного суда (1998). Эти институты являются прямым аналогом независимых судов внутри государства.

С 2000-х гг. по настоящее время происходит становление практики применения этих институтов: дело Пиночета, процессы в МУС, дела Младича, Караджича, Милошевича. Так, принципы превращаются в работающую систему.

VI. Проблемы и вызовы.

Конечно, мы наблюдаем процесс, а не заверченный проект. Одной из центральных проблем строительства новой системы международного права с выраженным конституционным характером является ее избирательность, в то время как принцип правления права требует универсальности применения.

Вторая проблема заключается в том, что крупные державы находятся вне юрисдикции МУС. Эту ситуацию можно сравнить с тем, как если бы внутри государства богатые и влиятельные были неподсудны.

Третьей проблемой является проблема реализации и применения решений в рамках уголовных дел. Правление права требует наличия эффективных механизмов принуждения. В реальности, к примеру, МУС зависит от государств в исполнении решений.

Продолжается конфликт принципа правления права с государственным суверенитетом. Не все государства признают примат международного права. Некоторые государства видят это как неокOLONиализм либо как правовые средства политического вмешательства во внутренние дела.

VII. Заключение.

Три опоры Нюрнберга – это попытка построить правление права, конституционализм в международном масштабе. Это логическое продолжение эволюции от власти силы к власти права. Этот проект не завершен: есть архитектурный проект, но здание строится.

В качестве теста доброкачественности проекта можно представить альтернативы ему. Как правило, альтернативой является возврат к «международной анархии», где сила определяет право, а не право – пределы силы. Нюрнбергское наследие остается актуальным как нормативный идеал и практическая программа развития правовых систем, как национальных, так и международной. Если внутри государств путь от произвола к правлению права занял века, неудивительно, что международное сообщество все еще в пути. Три опоры Нюрнберга – это фундамент, который уже заложен. Вопрос не в том, нужно ли здание международного правления права, а в том, как быстро и полно мы его достроим.

Список цитированных источников

1. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/bodin> (дата обращения: 19.11.2025) ; Franklin, J. H. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory / J. H. Franklin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1973. – 164 P.
2. Lee, D. Right of Sovereignty and the Lex Regia in Jean Bodin / D. Lee // Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 188–222.
3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси : принят 8 авг. 1945 г. – Ст. 7. – URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/imtconst.asp> (дата обращения: 19.11.2025).
4. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала : приняты Комиссией международного права ООН в 1950 г. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/7_1_1950.pdf (дата обращения: 19.11.2025).
5. Римский статут Международного уголовного суда : принят 17 июля 1998 г. : вступил в силу 1 июля 2002 г. – Ст. 27. – URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RS-Eng.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).
6. Judgment of the International Military Tribunal for the Trial of German Major War Criminals / International Military Tribunal. – Nuremberg, 1 October 1946. – P. 223 // Nazi Conspiracy and Aggression: Opinion and Judgment. – Washington : U. S. Government Printing Office, 1947. – 263 P.
7. Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала : принято резолюцией 95 (I) Генер. Ассамблеи ООН 11 дек. 1946 г. – URL: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1946/en/10359> (дата обращения: 19.11.2025).

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ В БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Иванова Т. П.

Республика Беларусь, г. Витебск
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»,
доцент кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент, магистр права

Селиванова Е. Н.

Республика Беларусь, г. Витебск
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»,
выпускница специальности «Правоведение»

Нюрнбергский судебный процесс состоялся 20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г. после завершения разгрома немецко-фашистских захватчиков и их союзников в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн и стал примером Международного суда за преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности.

Создание Международного военного трибунала и итоги его деятельности оказали огромное влияние на ход мировой истории, обогатили базовые контуры новой архитектуры послевоенного мироустройства и миропорядка на Земле, заложили основы международного уголовного правосудия, а сам трибунал стал символом победы добра над злом [1].

В состав белорусской делегации в Нюрнберге вошли П. В. Лютович, К. В. Киселев, А. Г. Бондарь, А. А. Чижов [2]. В составе Международного военного трибунала работала юрист из Минска Эра Львова (Богданович).

Не только в Нюрнберге, но и 23 городах СССР и других странах состоялись судебные процессы над нацистскими преступниками. Проведение этих процессов было вызвано необходимостью осуждения фашизма и его идеологии, а также наказания преступников, которые еще оставались безнаказанными, за военные преступления, совершенные на оккупированных территориях.

Подобные процессы состоялись и в белорусских городах: в Минске – 15–29 января 1946 г., в Бобруйске – 28 октября – 4 ноября 1947 г., в Витебске – 29 ноября – 4 декабря 1947 г., в Гомеле – 13–20 декабря 1947 г.

Эти процессы изучали белорусские исследователи Н. В. Барабаш [3], А. Ф. Великий [4], А. В. Шарков [5], А. М. Подлипский [6], Т. П. Иванова [7]. Т. И. Андрушко проанализировала влияние Приговора Нюрнбергского трибунала на национальное уголовное право [8].

Для подготовки процессов были созданы республиканские, краевые, областные и районные комиссии. В Беларуси комиссии создавались в начале 1944 года; действовали Барановичская, Бобруйская, Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Минская, Могилевская, Молодечненская, Пинская, Полесская и Полоцкая областные комиссии содействия.

В сложных условиях завершения Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи были созданы условия для проведения судебных процессов, обеспечения всеми необходимыми ресурсами для отправления правосудия.

Первоначально на этих процессах намечалось передать суду военного трибунала 61 военнопленного, однако в процессе следствия их численность возросла до 65. В Минске перед судом предстали 18 обвиняемых, в Барановичах – 21, в Витебске – 10, в Гомеле – 16 преступников. 30 января 1946 г. на ипподроме г. Минска приведен в исполнение приговор трибунала Минского военного округа немецко-фашистским преступникам. В связи с временной отменой смертной казни в СССР в 1947 году судами в других городах были вынесены обвинения с наказанием преступников в виде максимального срока лишения свободы на 25 лет.

По мнению юристов военного и послевоенного времени, расследование преступлений войны, дела которых подсудны национальным судам, должны осуществляться по национальным законам и должны быть организованы национальной юстицией, руководствующейся соответствующими нормами процессуального и материального права. Вместе с тем советские юристы были высокого мнения об использовании опыта Международного военного трибунала для подготовки и проведения других процессов над немецкими военными преступниками. Наказание военных преступников осуществлялось на основе принципов и норм международного и внутреннего права [4, с. 90].

Организация национальных судебных процессов на основе Нюрнбергского процесса определила их роль в развитии права, недопущении умаления и ревизии решений в Нюрнберге. Материалы национальных процессов подтверждают справедливое осуждение нацистов за совершенные преступления на территории Беларуси.

Проведение судебных процессов над нацистскими преступниками позволяет понять, что наряду с судом историческим не менее важно юридическое содержание обвинений, оно даже более объективно, поскольку несет законодательное регулирование будущего, выполняя предостерегающую роль.

Несомненно, Нюрнбергский процесс внес важный вклад в развитие норм международного и национального права послевоенного периода, определение тенденций правового развития, сыграл значительную роль в имплементации норм международного уголовного права в национальные правовые системы (в форме инкорпорации оснований уголовной ответственности за военные преступления).

Большинство стран мира после Нюрнбергского процесса внесли изменения в уголовное законодательство, предусмотрев ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, реализовав принципы Нюрнбергского трибунала. Шел процесс создания новых правовых и процессуальных норм, новых правовых институтов послевоенного периода.

В БССР в составе СССР и в последующие годы продолжалась политика разоблачения немецко-фашистских преступников. Проводилась большая работа по организации выдачи военных преступников, что было нелегкой миссией [9]. США и Великобритания систематически нарушали международные соглашения о выдаче и наказании военных преступников.

Значение Нюрнбергского процесса было понятно не только юридическому сообществу, его решения были доведены до граждан СССР, в том числе и БССР, и положительно ими восприняты. Суд над немецкими военными преступниками стал не только своеобразным актом возмездия, но и торжеством правосудия над злостными преступниками.

Ход и итоги Нюрнбергского процесса, процессов в городах Беларуси освещались на страницах республиканских газет и журналов [10–13]. Наблюдение за ходом судебных процессов над военными преступниками и последующим их разоблачением посредством отражения в средствах массовой информации являлось важным событием послевоенного периода.

Суд над нацистскими военными преступниками нес не только высший юридический смысл наказания виновных, но и являлся судом над оккупацией в целом, то есть клеймил и явление коллаборационизма. Этот суд был призван консолидировать власть и общество на фоне поверженного единого врага.

Поиски нацистских преступников в СССР продолжались и в 1960–1980-е гг. и никогда не прекращались. Как правило, в реабилитации отказывалось лицам, осужденным за злодеяния против народов СССР. На деле осуществлялся принцип неотвратимости привлечения к ответственности лиц, причастных к нацизму.

Преступницу Анну Макарову (с псевдонимом «Тонька-пулеметчица») выявили с участием прокуратуры Лепельского района Витебской области только в 1978 году (из-за неоднократной смены преступницей фамилии и частых переездов). На территории соседних с БССР Смоленской и Брянской областей она участвовала в расстрелах 163 мирных жителей. От возмездия не удалось уйти, хотя она так «замаскировалась», что даже ее муж не знал о прошлом своей жены. Судебный смертный приговор приведен в исполнение в 1979 году [14].

Таким образом, в послевоенный период в Беларуси важными направлениями уголовно-правовой политики являлись имплементация норм международного уголовного права в национальное уголовное зако-

нодательство, привлечение к суду военных преступников, проведение судебных процессов над ними, выявление и осуждение коллаборационистов.

Ряд исследователей полагают, что в последующие десятилетия – в 1970–1990-е гг., изучение Нюрнбергского процесса превратилось в удел историков и политологов, а это вело к подмене юридического значения результатов Нюрнберга их историко-политической интерпретацией. Отмечается, что это грозило отставанием правовой мысли, отсутствием своевременного и эффективного реагирования на фальсификации [15, с. 21].

В настоящее время в Беларуси проводится значительная комплексная работа по распространению объективной информации о преступлениях нацизма, деятельности государственных и общественных структур, направленная на сохранение историко-правовой памяти о результатах Великой Отечественной войны, о Нюрнбергском процессе.

Поддерживаем предложение о создании в Беларуси Комиссии по юридическому наследию Второй мировой войны и о рассмотрении возможности направления материалов уголовного дела «О геноциде белорусского народа» в Музей Нюрнбергского процесса.

В современных реалиях глобального передела сфер влияния в мировом пространстве, необходимости противодействия со стороны государств СНГ и прогрессивного мирового сообщества возрождению нацизма и геноцида народов тема Нюрнбергского судебного процесса и последующих за ним национальных судебных процессов сохраняет свою актуальность.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 7–26. Рецензия на: Савинков, А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. – М. : Проспект, 2021. – 760 с.
2. Молчанов, А. Ю. Уроки Нюрнберга: повестка дня для Содружества Независимых Государств / А. Ю. Молчанов // Свободная мысль. – 2011. – № 4. – С. 5–20.
3. Барабаш, Н. В. Деятельность Верховного Совета БССР в инициировании расследования и наказания военных преступников за преступления в Беларуси в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Барабаш // Studia internationacia : материалы XI Междунар. науч. конф. – Брянск, 2023. – С. 146–154.
4. Великий, А. Ф. Применение международного и внутреннего права СССР в судебных процессах над военными преступниками в Беларуси в 1946–1947 гг. / А. Ф. Великий // СССР во Второй мировой войне (1939–1945): проблемы истор. памяти : сб. тр. междунар. науч. конф. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т им. Петра Великого, 2020. – С. 89–99.
5. Шарков, А. В. Витебский судебный процесс над нацистскими преступниками / А. В. Шарков // Победа – одна на всех : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24 апр. 2014 г. ; ВГУ им. П. М. Машерова, А. А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – С. 280–285.
6. Подлипский, А. М. Возмездие: судебный процесс над немецко-фашистскими преступниками в Витебске / А. М. Подлипский. – Витебск : Вит. обл. тип., 2013. – 64 с.

7. Иванова, Т. П. Судебный процесс над нацистскими преступниками в Витебске после Великой Отечественной войны / Т. П. Иванова // XXIV Открытая науч. сессия проф.-препод. состава : сб. докл. ; Витебский ф-л Междунар. ун-та «МИТСО» ; редкол.: А. Л. Дединкин [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. – С. 43–45.
8. Андрушко, Т. И. Предпосылки криминализации и место реабилитации нацизма в системе действующих уголовно-правовых норм / Т. И. Андрушко // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 3. – С. 63–68.
9. Борьба вокруг вопроса о выдаче военных преступников // Советская Белоруссия. – 1947. – 6 нояб. – С. 4.
10. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР (15–29 янв. 1946 г.). – Мн. : Гос. изд-во БССР, 1947. – 474 с.
11. Приговор гитлеровским военным преступникам в Бобруйске // Советская Белоруссия. – 1947. – 5 нояб. – С. 4.
12. Судебный процесс в г. Витебске по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР // Советская Белоруссия. – 1947. – 3 дек. – С. 3.
13. Судебный процесс в г. Гомеле по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белорусской ССР // Советская Белоруссия. – 1947. – 21 дек. – С. 3.
14. Селицкая, Л. Смертный приговор для Тоньки-пулеметчицы / Л. Селицкая // Советская Белоруссия. – 2006. – 27 янв. – URL: <https://www.sb.by/articles/smertnyy-prigovor-dlya-tonki-pulemetchitsy-2.html> (дата обращения: 04.11.2025).
15. Савинков, А. Н. Нюрнберг: приговор во имя Мира / А. Н. Савинков. – М. : Проспект, 2021. – 760 с.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ РЕШЕНИЙ НЮРНБЕРГСКОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Ключко Р. Н.

Республика Беларусь, г. Гродно
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

Чебуранова С. Е.

Республика Беларусь, г. Гродно
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы,
декан юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент

История Второй мировой войны – это история военных преступлений, преступлений против мира, человечности. Логичным этапом после победы над фашистской Германией был Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергский военный трибунал), решение о создании которого было принято странами-победительницами и закреплено в Лондонском соглашении 8 августа 1945 г. и знаменовало собой единое желание наказать тех, кто совершил такие преступления [1]. В то время это была победа международного права, создан прецедент, по которому высшие должностные лица страны привлекались к ответственности за совершенные преступления не по национальному праву, а созданному международным сообществом.

Деятельность Нюрнбергского трибунала не имела прямого продолжения на протяжении длительного времени. За время, прошедшее с момента создания трибунала, его деятельность с точки зрения многих представителей западных стран утратила прежнюю значимость, а некоторое время вообще не упоминали о нем либо упоминали вскользь. Выросли поколения, которые не знали ничего об этом процессе и не слышали о нем. С точки зрения юридической принятие Устава Международного уголовного трибунала, который содержал уголовные и уголовно-процессуальные нормы, означало создание международного уголовного права.

В настоящее время в силу увеличения попыток предать забвению историю Второй мировой войны, стереть историческую память, преследование за преступления против человечности, за геноцид представляется актуальным с точки зрения восстановления исторической справедливости, так как данные преступления не имеют срока давности.

БССР как государство, участвовавшее в создании ООН, и правопреемник Республика Беларусь как член ООН должны соблюдать обязательства по преследованию и наказанию лиц, совершивших данные преступления.

Именно сегодня важно продолжить дело Нюрнбергского военного трибунала по привлечению к ответственности виновных в совершении преступлений, которым удалось избежать наказания, хотя бы по национальному праву [2]. Механизмы привлечения к ответственности за совершенные в период Второй мировой войны преступления против человечности сегодня работают именно в Республике Беларусь и необходимы для восстановления полной и правдивой картины совершенных тогда преступлений, не имеющих сроков давности [3–5].

Принятие в Республике Беларусь за последние пять лет целого ряда законов (от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», от 5 янв. 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», от 18 июля 2019 г. № 220-З «Об изменении Уголовного кодекса», от 26 июня 2021 г. №112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности») способствовало созданию правовых механизмов для расследования преступлений, совершенных на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, проведения судебных процессов против военных преступников и вынесения справедливых судебных решений [3]. Деятельность Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь – это фактически продолжение деятельности Международного военного трибунала, дающее основание утверждать о преемственности деятельности данных органов для реализации принципов законности, справедливости, неотвратимости ответственности и гуманизма.

Существующие сегодня в Республике Беларусь правовые механизмы не только создают гарантии сохранения исторической памяти народа, но и обеспечивают правовую основу для реализации *обязательства государства по обеспечению сохранения исторической правды и памяти* о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, обоснованно нашедшего отражение в новациях ст. 15 Конституции Республики Беларусь, которой, в свою очередь, корреспондирует ч. 2 ст. 54, закрепляющая *долг сохранения исторической памяти* о героическом прошлом белорусского народа, патриотизма. Включение указанных норм в Основной Закон является своевременной «конституционно-правовой реакцией на опасные для человечества тенденции, высвечивающиеся в мире, такие как забвение уроков Второй мировой войны, переписывание истории, подпитка националистических устремлений, замалчивание фактов геноцида» [6, с. 7].

Список цитированных источников

1. Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских

стран оси : 8 авг. 1945 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов : в 7 т. – М., 1957. – Т. 1. – С. 63–65.

2. «Восстановить полную картину». Швед о том, зачем нужны судебные процессы над умершими нацистами: сообщение Генер. прокурора Респ. Беларусь // БЕЛТА: информационное агентство. – URL: <https://belta.by/society/view/vosstanovit-polnuju-kartinu-shved-o-tom-zachem-nuzhny-sudebnye-protsessy-nad-umershiminatsistami-555481-2023/> (дата обращения: 12.11.2025).

3. Актуальные сведения о ходе расследования уголовного дела // Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/aktualnye-svedeniya-o-khode-rassledovaniya-ugolovnogo-dela/> (дата обращения: 12.11.2025).

4. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информ.-аналит. материалы и документы / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Мн., 2022. – 175 с.

5. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Мн., 2023. – 335 с.

6. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 5–13.

РОЛЬ НЮРНБЕРГСКИХ ПРИНЦИПОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Кодак Н. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель
кафедры международного права,
магистр

8 августа 1945 г. на Лондонской конференции было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» [1], учрежден Международный военный трибунал (далее – МВТ), который выступил как орган международного правосудия в отношении лиц, совершивших или подготовивших преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, а также принят его Устав. 19 правительств государств – членов Объединенных Наций также одобрили Устав трибунала и присоединились к Соглашению. Следовательно, МВТ был создан по воле правительств 23 государств – членов Объединенных Наций.

«Суд народов», закрепивший в национальном уголовном праве государств идеи мира, недопущения войны, защиты прав и свобод человека, занимает ключевое место в развитии международного уголовного права. Непосредственно в г. Нюрнберге были сформулированы понятия преступлений против мира и человечности, были юридически квалифицированы и осуждены такие преступления, как массовое уничтожение, бесчеловечное обращение с гражданским населением и узниками концлагерей, проведение над ними медицинских опытов и экспериментов.

В результате проведения судебного процесса Комиссией международного права были сформулированы принципы, которые нашли отражение в Уставе и приговоре Нюрнбергского процесса, а также зафиксированы в докладе Организации Объединенных Наций в 1950 году [2]. Впоследствии утверждены Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции № 95 (1) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» [3].

1. Принцип неотвратимости наказания физических лиц: «Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию» [4]. Данный принцип исключает возможность уклонения от уголовной ответственности и гарантирует, что виновные не смогут избежать наказания благодаря служебному положению или иным факторам, чем содействует предупреждению безнаказанности и уста-

новлению справедливости на международном уровне. В тексте приговора Нюрнбергского трибунала было указано: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными понятиями, и только путем наказания лиц, совершающих такие преступления, могут применяться положения международного права» [5].

2. Принцип приоритета норм международного права над национальным законодательством: «То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву» [4]. Указанный принцип означает, что наличие или отсутствие на национальном уровне уголовной ответственности не влияет на привлечение к международной уголовной ответственности лица, совершившего деяния, квалифицированные как международные преступления, такие как геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Это способствует унификации и гармонизации стандартов уголовной ответственности, укрепляет верховенство международного права.

3. Принцип индивидуальной ответственности лица: «...лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву» [4]. Данный принцип играет важнейшую роль в обеспечении верховенства права и справедливости в международных отношениях, распространяя уголовную ответственность за рассматриваемые виды преступлений на уровень персональной ответственности. Это создало юридическую основу для привлечения к ответственности высокопоставленных государственных деятелей, военных командиров и иных лиц.

4. «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен» [4]. Данное положение запрещает использование доктрины «приказа начальника» в качестве оправдания для совершения преступлений, признавая, что каждый субъект обладает личной ответственностью за свои действия, даже в условиях подчинения иерархическим приказам. Наличие реальной возможности сделать моральный выбор подтверждает ответственность лица за нарушение норм международного права. Юридическое значение этого принципа заключается в том, что он укрепляет концепцию индивидуальной уголовной ответственности и препятствует безнаказанности за международные преступления. Он устанавливает, что исполнение приказа не освобождает от ответственности, если лицо имело способность принять осознанное решение.

5. «Каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права» [4]. Его содержание предполагает, что любая личность, перед которой поставлен вопрос о наличии вины в совершении международного преступления, должна иметь доступ к справедливому суду с соблюдением всех процессуальных гарантий, включая презумпцию невиновности, право на защиту и равноправное участие в разбирательстве [6]. Значение данного принципа состоит в обеспечении верховенства права в международном уголовном судопроизводстве и защите прав обвиняемого, что предотвращает произвол и способствует объективному установлению истины.

Кроме того, следует отметить, что соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности также признается международно-правовым преступлением.

Таким образом, Нюрнбергские принципы возникли как ответ международного сообщества на беспрецедентные преступления, совершенные нацистским режимом. Их закрепление в Уставе МВТ и последующий приговор стали важнейшим шагом в признании ответственной индивидуальной уголовной ответственности вне зависимости от государственной должности и национального законодательства. Ключевым моментом стало установление, что лица, совершившие тяжкие международные преступления, могут быть привлечены к уголовной ответственности международным судом, что заложило основу современных международных трибуналов и Международного уголовного суда. Рассмотренные принципы стали неотъемлемой частью национальных Уголовных кодексов государств, нашли свое отражение в международных договорах, в том числе в Римском статуте Международного уголовного суда. Кроме того, Нюрнбергские принципы повлияли на осмысление суверенитета государств, расширяя возможности международного правосудия. В современных условиях поддержание и развитие этих принципов является необходимым условием борьбы с новыми вызовами международной безопасности и защиты прав человека.

Список цитированных источников

1. Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси : 8 авг.1945 г. – URL: <https://spandau-prison.com/dokumenty-njurnbergskogo-processa-londonskoe-soglashenie-ot-8-avgusta-1945-g/> (дата обращения: 03.11.2025).

2. Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками / под ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1954. – Т. 1. – С. 13–14.

3. Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала : резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 11 дек. 1946 г. № 95 (1). – URL: <https://base.garant.ru/2540391/> (дата обращения: 03.11.2025).

4. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml#a1 (дата обращения: 03.11.2025).

5. Ежегодник Комиссии международного права, 1950 г. – URL: <https://web.archive.org/web/20141016203552/http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/1950.htm> (дата обращения: 03.11.2025).

6. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции : специализированный учеб. курс / А. Н. Савенков. – М. : ИГП РАН, 2022. – 253 с.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПРАВОВЕД А. Н. ТРАЙНИН И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ НЮРНБЕРГСКИХ ПРОЦЕССОВ

Колесник К. Э.

Республика Беларусь, г. Витебск
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»,
доцент кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент

Вторая мировая война сопровождалась беспрецедентной жестокостью со стороны гитлеровской Германии и ее союзников, систематическим нарушением всех норм и обычаев войны, зафиксированных в ряде международных договоров, таких как Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. и особенно Женевская конвенция 1929 г. Однако международное право того времени не содержало норм, однозначно позволяющих осудить конкретных должностных лиц нацистской Германии и ее союзников за совершенные злодеяния [1, с. 49].

Тем не менее с начала Великой Отечественной войны советское руководство выдвинуло идею уголовной ответственности военных преступников за их злодеяния. Так, в нотах МИД СССР от 25 ноября 1941 г. и от 27 апреля 1942 г., а затем и в Заявлении Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы от 14 октября 1942 г. указывалось, что вся ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск возлагается на преступное гитлеровское правительство Германии, и в связи с этим ставился вопрос о необходимости создания специального международного трибунала [2, с. 53].

В октябре 1942 года эта позиция была поддержана президентом Соединенных Штатов Америки Ф. Д. Рузвельтом, заявившим о том, что клика нацистских лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом. В 1943 году США и Великобритания создали Комитет Объединенных наций по военным преступлениям с целью судебного преследования нацистских преступников, однако для его успешной работы не хватало необходимой правовой базы. Созданию такой базы в значительной мере помогли советские юристы, среди которых особо следует выделить такую значительную фигуру, как Арон Наумович Трайнин.

Арон Наумович Трайнин родился в семье рабочего в Витебске 26 июня 1883 г. В достаточно раннем возрасте он потерял отца и был вынужден переехать в Калугу. В Калуге Трайнин успешно учился в гимназии, которую окончил в 1903 году с золотой медалью. В том же году он поступил в Московский государственный университет, который окончил

в 1908 году. Еще во время учебы в университете он участвовал в студенческом движении во время русской революции 1905 г. Трайнин трижды подвергался арестам со стороны царского режима, но это не помешало ему успешно окончить университет в 1908 году [3, с. 104].

Как подающий большие надежды, молодой ученый А. Н. Трайнин был прикомандирован к кафедре уголовного права университета в рамках подготовки к академической карьере, где он приступил к написанию нескольких базовых учебников по уголовному праву, криминологии и системе уголовного правосудия. Однако он был вынужден уйти в отставку в 1912 году, когда министром образования стал реакционер Кассо. Вместе со многими другими учеными он перешел на работу в Народный университет имени Шанявского, где и преподавал вплоть до Октябрьской революции [4, с. 746–747].

С 1916 по 1917 год он также был редактором еврейской газеты под названием «Новый путь». Арон Трайнин также был одним из основателей московского отделения Политического Красного Креста, которое было создано в 1918 году [5, с. 100–101].

Вернувшись в Московский государственный университет, он возобновил свои исследовательские и преподавательские обязанности и к 1921 году получил звание профессора.

Трайнин провел большую часть своей ранней научной карьеры за написанием академических учебников, а также юридических трактатов, которые должны были заложить основы советского уголовного права. Среди этих работ выделяются «Хозяйственные преступления», «Должностные преступления» и курс лекций «Общая часть уголовного права».

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. его научное внимание обратилось к совершенно новой, малоизвестной на тот момент среди советских ученых сфере интересов – международному уголовному праву.

В 1935 году была опубликована монография А. Н. Трайнина «Уголовная интервенция», в которой автор рассматривает вторжение иностранных интервентов в Советскую Россию в годы гражданской войны как уголовное преступление. В 1937 году Трайнин опубликовал книгу «Защита мира и уголовный закон», в которой раскритиковал Лигу Наций за то, что она не признала агрессивную войну уголовным преступлением и не создала международный суд для наказания агрессоров. В трактате Трайнина впервые в русской юридической литературе было начато исследование вопроса о признании ответственности за международные преступления [6].

В годы Второй мировой войны А. Н. Трайнин как один из ведущих отечественных юристов активно выдвигает концепцию о том, что уголовная ответственность за преступные методы ведения войны обязательно должна лежать на политиках государства. В своей статье «Ответственность за преступления нацистов», опубликованной в августе 1943 года, Трайнин повторил свои аргументы о заговоре и уголовной ответственности немецкого политического и делового руководства.

Впервые советское руководство начало закладывать основу для будущего трибунала над лидерами нацистов с судебного процесса над тремя немецкими военнопленными в городе Харькове в декабре 1943 года. На Харьковском процессе фигурировали трое обвиняемых в совершении военных преступлений, которые признались в совершении чудовищных преступлений, но более важным было заявление одного из них о том, что главными военными преступниками были Гитлер, Гиммлер и Розенберг.

А. Н. Трайнин обратил внимание на эти события и сделал два важных вывода. Во-первых, он выразил беспокойство о том, что военные преступники могут использовать свой статус заключенных, чтобы избежать справедливого наказания, будучи классифицированными как военнослужащие. Но, пожалуй, самым важным его замечанием было то, что эти преступники вполне могли попытаться найти методы уклонения от ответственности, утверждая, что они действовали по приказу. Один из подсудимых на процессе в Харькове привел именно такой аргумент, заявив, что он просто выполнял приказы своего начальства. Трайнин отметил, что подсудимых «судили за проступки, которые они сами совершили, своими собственными руками, за преступления, которые они совершили лично. И в отношении этих преступлений приказ – это не защита» [5, с. 103–105].

Во второй крупной работе Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев», опубликованной в 1944 году, был повторен аргумент о том, что «мир является величайшей социальной ценностью» и что война сама по себе должна быть наказуемым преступным деянием [7].

Поскольку советская юриспруденция приняла идею подготовки заговорщиков, теперь Трайнин также выдвинул этот правовой принцип, посвятив главу понятию соучастия. Это понятие советский юрист определил как «сложное явление, которое охватывает различные аспекты взаимопонимания между преступниками и может включать опасную форму участия в организации...». Члены таких организаций могут не знать друг друга, но должны ответить за всю свою преступную деятельность.

Книги Трайнина были немедленно переведены на английский и французский языки, что сыграло важную роль в подготовке основы для юридического обоснования обвинений, выдвинутых против нацистских лидеров в МВТ. Определение Трайнина, по сути, легло в основу обвинений в «военных преступлениях» и «преступлениях против человечности», выдвинутых против нацистского руководства в Нюрнберге. И его определение «соучастия» было воспроизведено в обвинении в заговоре в Нюрнберге. В Уставе Нюрнбергского трибунала, в частности, говорилось, что «лидеры, организаторы, подстрекатели и сообщники, участвующие в заговоре с целью совершения военных преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами во исполнение такого плана».

Арон Наумович Трайнин сыграл важную роль не только в теоретическом обосновании привлечения нацистских преступников к уголовной ответственности, но и в практической подготовке к проведению Нюрнбергского процесса. А. Н. Трайнин вместе с генерал-майором Ионой Тимофеевичем Никитченко был одним из двух советских участников, подписавших хартию Лондонской конференции в 1945 году, а затем служил юридическим советником советского обвинения в Нюрнберге.

Позднее Трайнин стал членом-корреспондентом Академии наук СССР (1946). В 1947 и 1948 гг. он был вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов. Его основной работой в этот период стала монография «Состав преступления по советскому уголовному праву» (1951).

В 1956 году вышла монография Трайнина «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества», в которой автор продолжил разработку темы борьбы с военными преступлениями. За эту монографию А. Н. Трайнин был удостоен премии АН СССР. Эта работа, по сути, подвела итог многолетней деятельности Арона Наумовича Трайнина по борьбе с нацистскими преступлениями [3, с. 106]. В 1957 году А. Н. Трайнин скончался и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения. Арон Наумович Трайнин сыграл ключевую роль в создании правовой базы для Нюрнбергского процесса. Он предложил использовать новую правовую концепцию – «преступление агрессии» – для привлечения к ответственности военного и политического руководства нацистской Германии за многочисленные вторжения и оккупации. Вместе с другими юристами, участвовавшими в разработке Нюрнбергского устава, Трайнин оказал значительное влияние на формирование новой отрасли международного права. Деятельность А. Н. Трайнина носила гуманистический характер и во многом способствовала тому, что нацистские преступники понесли заслуженное наказание в результате Нюрнбергского процесса.

Список цитированных источников

1. Седнев, Р. И. Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны / Р. И. Седнев, Е. А. Шаталов // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2. – С. 48–53.
2. Загорский, Г. И. К 70-летию Нюрнбергского процесса. Суровый приговор истории / Г. И. Загорский // Клио. – 2015. – № 9 (105). – С. 52–55.
3. Кузнецова, Н. Ф. Арон Наумович Трайнин (1883–1957) / Н. Ф. Кузнецова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 103–108.
4. Халлиева, В. П. Арон Наумович Трайнин: вклад в развитие отраслевой юридической науки / В. П. Халлиева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX Междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 ч. – СПб., 2023. – С. 746–752.

5. Porter, T. E. In Defense of Peace: Aron Trainin's Contributions to International Jurisprudence / T. E. Porter // Genocide Studies and Prevention. International Journal. – 2019. – Vol. 13, iss. 1. – P. 98–112.
6. Трайнин, А. Н. Избранные произведения: защита мира и уголовный закон / А. Н. Трайнин. – М. : Наука, 1969. – 454 с.
7. Трайнин, А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / А. Н. Трайнин. – М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1994. – 107 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

Кривов А. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук

Супрунович Е. Е.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
студент

Формированию правовой основы Нюрнбергского трибунала предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени. В мировой историографии принята точка зрения, что впервые вопрос привлечения к уголовной ответственности за деяния, причинившие ущерб интересам содружества государств, был поднят при обсуждении антифранцузской коалицией намерения о предании суду Наполеона Бонапарта по обвинению в гибели сотен тысяч людей и иных преступлениях во время многочисленных наполеоновских войн. Однако за состоявшимся обсуждением никаких существенных последствий не было. В ее основе лежит решение о задержании Наполеона за ведение войн против мира во всем мире. Наполеон Бонапарт поставил себя за рамки гражданских и социальных отношений, и как враг и разрушитель мира во всем мире он должен был быть предан судебному преследованию.

История знает и другие примеры предания суду и казни поверженных в военных сражениях глав государств, но эти войны не были коалиционными. В 1205 году крестоносцами был казнен византийский император Алексей V Дука. 29 октября 1268 г. в Неаполе был казнен последний законный наследник императорского дома Гогенштауфенов, король Иерусалима и Сицилии Конрадин, после того как его судили за развязывание несправедливой войны, что стало первым известным прецедентом уголовных санкций.

На доктринальном уровне, детально обосновав вносимое предложение об учреждении Международного уголовного суда, после окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. впервые выступил в 1872 году швейцарский юрист и общественный деятель президент Международного комитета Красного Креста Луис Габриэль Гюстав Муанье. В 1873 году он же стал основателем Института международного права, который стал одним из первых в мире, где были определены принципы международного права, проведена его кодификация и предложены пути решения международных проблем, за что Институт стал лауреатом Нобелевской

премии мира в 1904 году. Его предложения оказались явно преждевременными. В эпоху существования национальных, преимущественно монархических государств невозможно было представить, чтобы действия суверенной страны могли бы преследоваться в уголовно-правовом порядке.

Одной из первых крупных научных работ, посвященных всестороннему обоснованию идеи международного суда, в том числе специального международного уголовного суда, в литературе по международному праву явилась защищенная в 1881 году докторская диссертация будущего члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук и декана юридического факультета Московского университета графа Л. А. Камаровского «О международном суде».

В ходе Нюрнбергского процесса выступавший главным обвинителем со стороны СССР Роман Руденко в своей вступительной речи дал четкую характеристику сущности германского фашизма, придя к выводу, что германско-фашистская идеология разнуздала самые дикие и низменные инстинкты, фашисты возвели в принцип произвол, насилие, надругательство над людьми, они объявили опасными для расы господ идеи свободы, идеи просвещения и требования гуманности.

В последнее время мир вновь захлестнула волна националистов, а бандитов и преступников Великой Отечественной войны стараются возвести в ранг так называемых «героев». Увеличивается число молодежных организаций, которые провозглашают своей идеологией нацизм. Чествование нациста Ярослава Хунка (Гунько) в парламенте Канады – яркий тому пример. Заседание канадских парламентариев вызвало широкий международный резонанс. То, что произошло в Канаде, заставляет многих вспомнить о других подобных событиях, таких как парады и демонстрации на Украине, которые прославляют нацистских преступников и их воинские части. Принятая 5 июня 1945 г. «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства в Соединенных Штатах Америки и временным Правительством Французской Республики» установила, что «главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться представителями союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников» [1, с. 237].

Нюрнбергский процесс стал беспрецедентным для своего времени событием в мировой истории. Благодаря работе Международного военного трибунала, наказанию военных преступников впервые в международной практике был реализован принцип неотвратимости ответственности и состоялось осуждение на международном уровне виновных лиц за наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности

человечества. Нюрнбергский трибунал стал важной вехой на пути развития современного международного права, особенно в части его уголовно-правовой составляющей. Заслугой именно Нюрнбергского трибунала стало формирование «международно-правовых норм о самом массовом и чудовищном преступлении за всю историю человечества – геноциде» [2, с. 18]. При этом примечательно, что ни в приговоре трибунала, ни в его учредительном документе – Уставе понятие геноцида не использовалось. Хотя, по данным исследователей, в процессуальных документах и выступлениях участников (обвинителей) Нюрнбергского процесса термин «геноцид» упоминался, что во многом и предопределило появление утверждений о том, что «именно на Нюрнбергском процессе впервые в юридической практике был использован термин «геноцид» [2, с. 19].

Таким образом, результаты деятельности Нюрнбергского трибунала оказали свое влияние и на формирование Белорусского уголовного законодательства. В частности, в Уголовном кодексе Республики Беларусь имеется раздел VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», в которой закрепляются основания и условия уголовной ответственности за совершение преступлений, указанных в разделе, определяется, какие общественно опасные деяния являются преступлениями, непосредственными объектами которых являются в том числе мир и безопасность человечества, мир и мирное существование государств и народов.

Список цитированных источников

1. Декларация о поражении Германии // Великая Отечественная война 1941–1945 / под ред. М. М. Козлова. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – С. 237.
2. Аванесян, В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид / В. В. Аванесян // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.

УСТАВ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА КАК ПРАВОВОЙ ФУНДАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Лобанова Е. Н.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы,
магистр юридических наук

Ваврентович З. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
студент

Демянчук А. Д.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
студент

Нюрнбергский процесс стал не просто судом над нацистскими преступниками, а поворотным моментом в истории международного права, ознаменовавшим переход от абстрактных концепций к реальным механизмам правосудия. Его главным итогом стало не только наказание виновных, но и формирование нового правового ландшафта, в котором появились четкие нормы, направленные против агрессии, бесчеловечности и геноцида.

Актуальность данного исследования определяется большой значимостью «Нюрнбергского наследия» в условиях современных вызовов, когда в мире вновь совершаются военные преступления и преступления против человечности. Понимание правовых основ, заложенных в 1945 году, является ключевым для оценки эффективности современных институтов международного уголовного правосудия.

Судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников проводился с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в г. Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале (далее – трибунал), созданном в соответствии с Лондонским соглашением между СССР, США, Великобританией и Францией от 8 мая 1945 г., к которому присоединилось еще 19 государств. От СССР в него вошли И. Т. Никитченко и А. Ф. Волчков. Главным обвинителем от СССР выступал Р. А. Руденко, его заместителями и помощниками были Ю. В. Покровский, Н. Д. Зоря, М. Ю. Рагинский, Л. Н. Смирнов и Л. Р. Шейнин. Под суд были отданы 24 военных преступника, входивших в руководящую клику нацистской Германии [1].

В результате Нюрнбергского процесса был принят ряд международно-правовых документов, которые могут быть использованы для борьбы с современным международным терроризмом. Так, в 1945 году был принят Устав Международного военного трибунала (далее – Устав) для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Этот документ закрепил ряд важных положений. Так, трибунал получил право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран индивидуально или в качестве членов организаций, совершали преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности [2].

Устав четко структурировал работу трибунала, определив следующие разделы:

- Организация Международного военного трибунала (раздел 1);
- Юрисдикция и общие принципы (раздел 2);
- Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников (раздел 3);
- Процессуальные гарантии для подсудимых (раздел 4);
- Права трибунала и судебное заседание (раздел 5);
- Приговор (раздел 6);
- Расходы (глава 7) [3].

Ключевым аспектом юрисдикции, установленной ст. 6 Устава, стало определение трех категорий международных преступлений, подлежащих суду:

- Преступления против мира (Crimes against Peace): «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре для осуществления любого из вышеизложенного». Впервые агрессивная война была определена не как политический акт, а как уголовно наказуемое деяние физических лиц.

- Военные преступления (War Crimes): «нарушения законов или обычаев войны». К ним относятся убийства, плохое обращение с гражданским населением на оккупированной территории, убийства военнопленных, разграбление собственности и бессмысленное разрушение городов. Эта категория опиралась на существовавшие Гаагские и Женевские конвенции. Новаторство заключалось в применении этих норм к систематической и массовой практике, а не к единичным инцидентам.

- Преступления против человечности (Crimes against Humanity): «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении любого гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам». По нашему мнению, это была самая революционная норма, которая отделила преступление от состояния войны: преследования могли совершаться и до войны. Данная норма может быть

направлена против самого государства, это означает, что жертвы – «гражданское население» – могут являться гражданами собственного государства (например, Холокост немецких евреев). В конечном итоге данное положение вывело международное право за рамки межгосударственных отношений, наделив его мандатом на защиту прав человека от его собственного правительства.

Кроме того, Устав закрепил принципы, которые нивелировали стандартные линии защиты обвиняемых. Рассмотрим некоторые из них: так, проанализировав положение ст. 7 Устава «Официальное положение подсудимых... не освобождает от ответственности», можно заключить, что этот принцип разрушил доктрину «государственного иммунитета» для высших должностных лиц (глав государств, министров). Он установил, что должность не является щитом от уголовного преследования за международные преступления. В ст. 8 регламентировано: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает от ответственности». Данная норма идет в противовес исполнению приказа или распоряжения как одного из обстоятельств, исключаящих преступность деяния. Устав признал его лишь как возможное смягчающее обстоятельство, но не как оправдание совершенным преступлениям. Тем самым Устав утвердил приоритет личной моральной и правовой ответственности индивида перед слепым повиновением.

В ст. 9 установлено, что трибунал может «...(в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией». Данная норма, позволила в дальнейшем упростить процесс доказывания вины рядовых членов таких организаций, как государственная тайная полиция (гестапо), служба безопасности (СД), руководящий состав Национал-социалистической партии и ее охранные отряды (СС), связывая их с общей преступной деятельностью.

Также стоит отметить, что для обеспечения справедливого суда над подсудимыми в ст. 16 Устава были закреплены важные процессуальные гарантии, которые устанавливали следующие права для подсудимых:

- право на изложение необходимых объяснений;
- право давать показания и подвергаться допросу;
- право представлять доказательства и вызывать свидетелей;
- право на защитника.

Данные гарантии придали Нюрнбергскому процессу легитимность не только как «акту возмездия», но и как акту справедливого правосудия, основанного на верховенстве права.

Проведенное исследование позволяет сделать однозначный вывод о том, что Нюрнбергский процесс стал не просто историческим судом над нацистскими преступниками, а фундаментальным, поворотным событием, заложившим основы современной системы международного уголовного права. Его значение вышло далеко за рамки возмездия конкретным

преступникам, превратив его в мощный катализатор развития всего международного правопорядка. Главным итогом Нюрнбергского процесса стало создание прочного правового ландшафта, характеризующегося тремя ключевыми достижениями:

1. Формирование и закрепление составов международных преступлений. Устав Международного военного трибунала впервые в истории четко определил и ввел в правовое поле три основополагающие категории преступлений: против мира, военные преступления и, что наиболее революционно, – преступления против человечности. Последние, в частности, вывели международное право за рамки исключительно межгосударственных отношений, наделив его мандатом на защиту прав человека от его собственного правительства, что стало отправной точкой для современной системы защиты прав человека.

2. Утверждение ключевых принципов индивидуальной уголовной ответственности. Процесс нивелировал традиционные линии защиты, утвердив, что:

- должностное положение не освобождает от ответственности (*принцип личной ответственности руководителей*);
- исполнение приказа не является оправданием уголовных преступлений (*приоритет личной моральной и правовой ответственности перед слепым повиновением*);
- организацию, членом которой являлся подсудимый, также возможно признать преступной (*в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено*).

3. Закрепление стандартов справедливого правосудия, а также внедрение процессуальных гарантий для подсудимых (право на защиту, представление доказательств, вызов свидетелей) позволяют рассматривать Нюрнбергский процесс не как самосуд победивших, а как акт правосудия, основанного на верховенстве права. Это создало важнейший прецедент для будущих международных судов.

Таким образом, «Нюрнбергское наследие» не является лишь достоянием истории. Правовые принципы и механизмы, впервые кодифицированные и примененные на практике в 1945–1946 гг., стали фундаментом для создания международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде и в конечном счете стали основой для последующих международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда.

В условиях современных вызовов, связанных с военными преступлениями, геноцидом и преступлениями против человечности, понимание и применение уроков Нюрнберга остается не только актуальным правовым инструментом, но и моральным императивом для защиты мира и прав человека в глобальном масштабе. Нюрнбергский процесс заложил универсальный фундамент, на котором продолжает строиться международное уголовное правосудие.

Список цитированных источников

1. Потеружа, И. И. Нюрнбергский процесс, судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников в г. Нюрнберге (Германия) 20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г. / И. И. Потеружа. – URL: <https://belarusenc.by/temy/belarusinsecwar/8809/> (дата обращения 09.11.2025).
2. Смирных, С. Е. Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права / С. Е. Смирных // Вестник Моск. университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 163–166. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-nyurnbergskogo-protsesssa-dlya-dalneyshego-razvitiya-mezhdunarodnogo-prava/viewer> (дата обращения: 09.11.2025).
3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 09.11.2025).

ПРИНЦИПЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА И ИХ УСТОЙЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ НА КОНВЕРГЕНЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Макарова М. Ю.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель
кафедры международного права, магистр

20 ноября 1945 г. начался международный судебный процесс над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге.

В 2025 году отмечается 80-летие Нюрнбергского процесса.

Нюрнбергский международный процесс и приговор Международного Военного трибунала имели огромное значение для формирования международного права. Как справедливо отмечают ученые Р. М. Валеев и И. П. Сафиуллина, «Нюрнбергские принципы оказали существенное влияние не только на развитие мирных процессов, но и на формирование и развитие новых отраслей и институтов современного международного права в целом и международного уголовного права в частности» [1, с. 187].

Принципы Нюрнбергского процесса, признанные статутом Нюрнбергского трибунала (1945–1946 гг.), сформировали правовую основу международно-правовой конвергенции, т. е. процесса сближения и унификации (схожести) правовых систем разных государств на основе международных норм и принципов, а также международно-правовой системы в целом.

Роль принципов Нюрнбергского процесса в большой степени проявляется в нормативной унификации. Принципы Нюрнберга вызвали институциональное и нормативное сближение национальных систем: восприняли приоритет международного права, утвердили концепцию индивидуальной уголовной ответственности, создание единого перечня международных преступлений и закрепление универсальных принципов уголовной ответственности (геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления).

Внедрение Нюрнбергских принципов в национальные системы осуществлялось через комплекс взаимосвязанных правовых механизмов (международных, конституционных, законодательных, судебных и др.) Принципы получили закрепление в Уставе ООН (ст. 1, 2 – закрепление мира и предотвращение агрессии), Всеобщей декларации прав человека (1948), Женевских конвенциях (1949), Конвенции о геноциде (1948), Конвенции против пыток (1984), Римском статуте Международного уголовного суда (1998). Создание специализированных трибуналов (по Югославии, Руанде, Сьерра-Леоне) и Международного уголовного суда стало механизмом распространения Нюрнбергских принципов в международную судебную практику. Государства различных правовых

систем: романо-германской, англо-американской и мусульманской (большинство мусульманских государств) – участники ключевых конвенций, воплощающих принципы Нюрнберга.

Конституции большинства государств закрепили принцип приоритета международного права. Так, ст. 25 «Международное и федеральное право» Основного Закона Федеративной Республики Германия (Grundgesetz) устанавливает, что общепризнанные нормы международного права являются неотъемлемой частью федерального права ФРГ [2]. В ст. 55 Конституции Франции закреплено: «Договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или утвержденные, имеют с момента их опубликования силу, превышающую силу внутренних законов, при условии для каждого соглашения или договора его применения другой стороной» [3]. Статья 8 Конституции Республики Беларусь определяет, что «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [4].

В романо-германской правовой системе принципы Нюрнбергского процесса проявились через включение международных преступлений в национальные кодексы и закрепление приоритета норм международного права в конституциях; государства включили в свои национальные уголовные кодексы статьи о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях. В англо-американской системе они реализовались через прецедентное право и федеральные статуты. Судебные решения (*Hamdan v. Rumsfeld*, *Sosa v. Alvarez-Machain* и др.) и специальные федеральные акты (*Genocide Act*, *War Crimes Act*, *Torture Act*) обеспечили их функциональную интеграцию в национальную правовую систему, хотя формально сохраняется дуалистический подход к соотношению международного и внутреннего права.

В национальном уголовном законодательстве государств со смешанной правовой системой (Египет, Тунис, Марокко, Алжир, Иордания, Индонезия) принципы Нюрнберга инкорпорированы в национальные кодексы, например Уголовный кодекс Туниса содержит статьи о преступлениях против человечности и военных преступлениях; Уголовный кодекс Египта предусматривает ответственность за военные преступления, пытки и агрессию. В странах, где шариат имеет первостепенную силу (Саудовская Аравия, Иран, Афганистан), нормы международного уголовного права применяются ограниченно или через интерпретацию: уголовное законодательство строится на трех категориях в уголовном праве – хадд, кисас и тазир, что не полностью совпадает с классификацией преступлений против человечности.

Различные правовые системы стали использовать схожие категории преступлений, идентичные критерии ответственности и процессуальные гарантии. Государства различных правовых систем включили нормы о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и агрессии в национальные уголовные кодексы, т. е. закрепили анало-

гичные составы преступлений и санкции; признали универсальные гарантии справедливого судопроизводства; начали сотрудничать в рамках Международного уголовного суда.

Национальные суды используют принципы Нюрнберга при квалификации международных преступлений и оценке военных действий. Например, германские и французские суды рассматривают дела по принципу универсальной юрисдикции, применяя § 1 Международного уголовного кодекса (VStGB) или статьи Уголовного кодекса Французской Республики (Code pénal), даже если преступления совершены за пределами страны. США, Франция, Великобритания применяли Нюрнбергские принципы при создании национальных трибуналов и поддержке международных судов (Югославия (1993), Руанда (1994), Гаага).

Создание специализированных подразделений в органах прокуратуры (Германия, Франция, Нидерланды), национальных подразделений по международным преступлениям, национальных органов по сотрудничеству с Международным уголовным судом, а также международных следственных групп обеспечивает практическую реализацию Нюрнбергских принципов в национальной правовой системе. Так, Иордания как участник Римского статута приняла специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом.

Независимо от различий в правовых традициях, Нюрнбергские принципы стали катализатором глобальной правовой конвергенции, где международное и национальное право действуют в едином универсальном и институциональном контексте. Международные механизмы включали кодификацию и институционализацию норм (через Конвенции ООН, Женевские конвенции, Римский статут Международного уголовного суда), а национальные – их конституционную, законодательную и судебную имплементацию. Эта двухуровневая система обеспечила переход принципов Нюрнберга из области международных деклараций в практику внутреннего уголовного и конституционного права. Этот процесс получил название «нормативной конвергенции» – постепенного сближения национальных систем на основе общих международных стандартов.

Конституционные и законодательные механизмы стали основой устойчивого внедрения принципов Нюрнберга в романо-германскую правовую семью. Через закрепление примата международного права и прямое включение преступлений против человечности, агрессии и геноцида в национальные кодексы (Германия, Франция, Польша, Республика Беларусь, РФ и др.) была создана модель нормативного монизма, при которой международные нормы приобретают силу внутреннего закона. В англо-американской системе принципы Нюрнберга реализованы преимущественно через судебно-прецедентный и статутный механизмы.

Таким образом, принципы Нюрнбергского процесса стали универсальным источником конвергенции национальных правовых систем, превратили международное право из декларативной сферы в реально действующий правовой механизм. Конвергенция принципов Нюрнберг-

ского процесса проявилась в постепенном слиянии международного и национального права: нормы, некогда применяемые исключительно в международном масштабе, стали частью внутренних уголовных и конституционных систем.

Список цитированных источников

1. Валеев, Р. М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р. М. Валеев, И. П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.
2. Основной Закон Федеративной Республики Германия (Grundgesetz). – URL: www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
3. Конституция Французской Республики 1958 г. с изм., внесенными 23 июля 2008 г. (Constitution). – URL: www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К НЮРНБЕРГУ

Олейников А. В.

Республика Беларусь, г. Гомель
Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»,
профессор кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
доктор исторических наук, доцент

Мы хотим коснуться основных принципов и норм правового статуса военнопленных, которые были установлены еще в эпоху Великой французской революции, успешно прошли через Первую мировую войну и были грубо попорчены Германией и ее союзниками во Второй мировой войне.

А ведь эти законодательные акты и сформулировали основные положения о статусе военнопленного – воспринятые международными конвенциями и внутригосударственными актами.

Так, военнопленные объявлялись находящимися под покровительством закона, и любое насилие по отношению к ним запрещалось, они пользовались судебной защитой. Военнопленным должна была оказываться медицинская помощь.

Брюссельская декларация 1874 г., Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., Женевские конвенции 1864 и 1906 гг. основывались прежде всего на этих принципах.

Гаагская конвенция 1907 г., ратифицированная всеми великими державами, имела особое значение.

Нормы, посвященные статусу военнопленных, сгруппированы в Положении о законах и обычаях сухопутной войны (отдел 1, ст. 1–20). К комбатантам (то есть военнослужащим враждебного государства) приравнивались ополченцы, бойцы добровольческих подразделений, сопровождавшие войска лица (корреспонденты, маркитанты, поставщики – при наличии соответствующих удостоверений). В случае пленения последние пользовались правами военнопленных (ст. 1, 3, 13). Статья 4 Конвенции устанавливала, что «...военнопленные находятся во власти правительства, а не отдельных лиц, их захвативших... Обращаться с ними надлежит человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением лошадей, оружия и военных бумаг, остается их собственностью» [1, с. 23]. Отвечать военнопленный должен только на вопросы относительно своего чина и имени.

Пленные могли привлекаться к работе соответственно с их чином и способностями (кроме офицеров), и работа не должна быть особенно обременительна, а также не должна иметь отношения к военным действиям. Оплачивалась она исходя из местных цен (ст. 6). Причем заработок должен был использоваться для нужд пленного, а его остаток

возвращаться на руки при освобождении за вычетом расходов на содержание. Военнопленные офицеры имели право на оклад в соответствии со своим рангом.

Содержание пленных возлагалось на правительство, во власти которого они находились. Пленные пользовались пищей, помещениями и одеждой, аналогичными войскам правительства, захватившего их в плен (ст. 7). Они подчинялись нормативным актам, действующим в неприятельской армии (ст. 8). Бежавшие из плена и задержанные до того, как покинут территорию, занятую армией, их пленившей, подлежали дисциплинарному взысканию. В то же время пленный, бежавший удачно и впоследствии вновь попавший в плен, за прежний поступок не должен был преследоваться (ст. 8).

Военнопленным предоставлялась свобода религиозных обрядов, присутствия на церковных богослужениях. Завещания военнопленных принимались на хранение на тех же условиях, что и завещания военнослужащих пленившей армии. Аналогичные правила должны были соблюдаться относительно свидетельств о смерти и погребения, причем должны были приниматься во внимание чин и звание умершего (ст. 18, 19). Предполагалось, что после заключения мира отправка пленных на родину будет произведена в максимально короткий срок (ст. 20).

Решением Гаагской конференции предусматривалось создание в каждом из воюющих государств и в нейтральных странах справочных бюро военнопленных, которые должны были отвечать на запросы, касающиеся военнопленных. Бюро должно было заводить специальную карточку на каждого пленного солдата и офицера с занесением номера (выдавался в лагере), имени и фамилии, возраста, места рождения, чина, дня и места взятия в плен, места содержания, сведений о ранениях, смерти, другой информации (например, поступлении в госпиталь). Сведения для этих карточек должны были предоставляться соответствующими учреждениями страны-противника.

Бюро должно было осуществлять и функции хранителя личных вещей военнопленных (в том числе освобожденных или умерших). Письма, переводы, почтовые посылки военнопленных освобождались от всех почтовых сборов и провозной платы по казенным железным дорогам. Также с пожертвований и посылок для военнопленных не платились таможенные сборы (ст. 14, 16). В соответствии со ст. 15 Гаагской конвенции допускалось и создание обществ для помощи военнопленным, представители которых должны были допускаться в пункты нахождения военнопленных для оказания последним помощи, причем в этой деятельности допускалось пользоваться помощью со стороны официальных лиц неприятеля.

Женевская конвенция 1906 г., ратифицированная Россией, Германией, Австро-Венгрией, США, Францией, Великобританией, Сербией, Турцией, Румынией [2, с. 9], была призвана улучшить положение раненых и больных. Статьи 1–5 Конвенции устанавливали, что раненые и больные пользовались покровительством и уходом со стороны воюющего,

во власти которого оказывались, и в случае захвата неприятелем считались военнопленными.

Статьи 9–13 определяли положение санитаров. Личный состав санитарных частей должен был состоять из лиц, предназначенных исключительно для подбирания, перевозки, лечения раненых и больных, а также лиц, принадлежащих к администрации санитарных учреждений, военного духовенства. В случае попадания к неприятелю они не считались военнопленными и должны были продолжать исполнять свои обязанности. Неприятель должен был обеспечить перечисленным лицам такое же довольствие и жалование, как и персоналу соответствующих учреждений собственной армии. Более того, санитарные учреждения, попавшие к неприятелю, сохраняли свою материальную часть (ст. 14).

Таким образом, к началу Первой мировой войны теория военного плена была проработана достаточно глубоко и грамотно, нормы отличались прогрессивностью и демократизмом и обобщенно сводились к тому, что: а) военным пленом считалось ограничение свободы законных комбатантов враждебной стороны, оказавшихся во власти воюющего государства (цель плена – предотвратить участие плененных в военных действиях, и после заключения мира состояние военного плена прекращалось, то есть плен рассматривался не как наказание, а как вынужденное состояние государственного человека враждебной державы); б) за военнопленным признавалось достоинство обезоруженного воина, выполнявшего долг перед Родиной; в) военнопленные обладали правом на общение со своей Родиной, на беспрепятственное пользование различными видами помощи со стороны обществ, надлежащим образом учрежденных в соответствии с законодательством их страны.

Эта концепция основывалась на началах европейского правосознания и опыте предшествовавших войн. Она была продублирована во внутренних актах европейских государств (например, для России это Положение о военнопленных в Собрании узаконений 1914 г.). В общих чертах фактическое положение военнопленных во время войн начала XX века соответствовало конвенционному [3; 4].

Именно преступления в отношении военнопленных в годы Второй мировой войны (прежде всего советских) стали важнейшим аспектом в ходе Нюрнбергского процесса, повлияв на последующее развитие международного права.

Список цитированных источников

1. Жданов, Н. Русские военнопленные в войне 1914–1918 годов / Н. Жданов. – М., 1920. – 376 с.
2. Васильева, С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны / С. Н. Васильева. – М., 1999. – 146 с.
3. Вторая конференция мира 1907. – СПб., 1908. – 382 с.
4. Рыбаченок, И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге / И. С. Рыбаченок. – М., 2005. – 392 с.

ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРИГОВОРА

Панкратов И. И.

Российская Федерация, г. Москва

Академия труда и социальных отношений,

заместитель декана юридического факультета,

кандидат юридических наук

II Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (1899) и IV Гагская конвенция о соблюдении законов и обычаев сухопутной войны (1907) признавали за каждым государством право войны (*jus ad bellum*) и регулировали порядок реализации этого права (объявление войны при ее начале, возвращение захваченного имущества, возмещение убытков при ее окончании и т. д.).

Макарчук считает, что само по себе стремление изменения границ в свою пользу и практические шаги по осуществлению поставленной задачи не были и не являются нарушением норм международного права как современного, так и межвоенного времени. Вопрос упирается в допустимые (Венские арбитражи) и недопустимые (Мюнхен) формы и способы достижения поставленной цели. Императивный принцип уважения территориальной целостности и политической независимости стран другими субъектами международного права в его современном правовом понимании сложился не раньше 1945 года, когда он был сформулирован в разделе 1 Устава Организации Объединенных Наций [1, с. 53].

Международное право довоенного периода различало военную агрессивную войну, политическую агрессивную войну и юридическую агрессивную войну (*a military war of aggression, a political war of aggression, and a juridical war of aggression*) [2].

Нормативного определения понятия «война» в международном гуманитарном праве нет до настоящего времени, хотя термин как таковой в документах используется. Отсюда «воздушная война», «экономическая война», «психологическая война», «информационная война», «тотальная война», «гибридная война», «прокси-война» и т. д. В Женевских конвенциях от 12 августа 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. используется термин «военный конфликт», причем в качестве синонима к термину «война». По мнению Толстых, «война», «военный конфликт» или «вооруженный конфликт» – суть формы разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с двусторонним применением военного насилия [3].

Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5 утверждена Военная доктрина Союзного государства, которая дает определение феномену войны. Согласно п. 5 Доктрины, «война – это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических,

экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами с применением военной силы противостоящими сторонами».

Обращает на себя внимание, что понятие войны не сводится к одному или набору из нескольких юридических фактов (сложно-составному юридическому факту). Как социально-политическое явление войну можно охарактеризовать в качестве самостоятельного правового состояния, которое из других длящихся статусных отношений (гражданского состояния, состояния банкротства и т. д.) выделяет наличие такого элемента, как военное насилие, которое применяется всеми или одним из участников конфликтного правоотношения – суверенным государством либо другим легитимным субъектом международного права.

Причем сам по себе факт применения военного насилия хотя и носит системообразующий характер, не является достаточным основанием для присвоения возникшему конфликту статуса войны, если военному насилию не сопутствуют иные квалифицирующие признаки. На Халхин-Голе в воздушных боях августа 1939 года противники теряли по 15–20 самолетов в день, тем не менее это не советско-японская война, а пограничный инцидент.

Разнообразие конфликтных отношений объясняет наличие разнообразных дефиниций на тему войны. Попытка подробного структурирования предпринята разработчиками Военной доктрины РФ.

Из п. 8 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, следует, что:

е) локальная война – война, в которой преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и др.);

ж) региональная война – война с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами, в ходе которой стороны преследуют важные военно-политические цели;

з) крупномасштабная война – война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Эта война потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Для краткости можно будет согласиться, что при отсутствии вооруженного сопротивления агрессору со стороны жертвы – это не война,

а вооруженный конфликт между суверенными государствами или иными субъектами международного права.

Подпункт д) п. 8 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, определяет вооруженный конфликт как «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)».

По мнению Нюрнбергского трибунала, квалифицирующим признаком войны является вооруженное сопротивление жертвы нападения при вооруженном столкновении между суверенными государствами (субъектами войны могут быть только суверенные государства)¹. Тем не менее трибунал оставил без ответа вопрос, являлись ли агрессивной войной действия III Reich против Франции и Великобритании [4, с. 52].

На Нюрнбергском процессе защита цитировала [2] речь Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г.: «Было бы ошибочно полагать, что Вторая мировая война возникла случайно или в результате ошибок того или иного государственного деятеля, даже если такие ошибки, без сомнения, были допущены. На самом деле война возникла как неизбежный результат развития международных экономических и политических сил, основанных на современном монополистическом капитализме» [5].

Для большевиков не имело значения чьими (немецкими, британскими, французскими или польскими) руками будет начата мировая война, которая неизбежно перерастет в мировую революцию. Империалистическая война по переустройству Версальского мира была предопределена вне зависимости от факта существования СССР (со Сталиным либо без такового). Участь Австрии, Албании и Чехословакии тому подтверждение.

После того, как ангlosаксы 2 сентября 1939 г. отвергли предложение Германии о мирных переговорах, а 3 сентября 1939 г. Австралийский союз, Великобритания, Новая Зеландия, Индия и Франция объявили Третьему Рейху войну, польско-германо-словацкая война утратила статус регионального противостояния, поскольку по своим параметрам переросла в войну мирового масштаба (за счет вступления в войну Австралийского союза, Индии и Новой Зеландии). Похожим образом перетекание европейского военного конфликта во Вторую мировую войну изложено в приговоре Нюрнбергского трибунала [6]. Версия как версия. Имеет всего один недостаток. Из нее следует, что до 1 сентября 1939 г. на Земле царил мир. Это, безусловно, не так, поскольку государства ос

---

¹ «Мир» – юридическое состояние, возникающее в результате неприменения субъектами международных отношений вооруженных сил и/или средств для разрешения имеющихся между ними противоречий (прим. автора).

«Рим – Берлин – Токио» за счет применения военной силы уверенно прирастали территориями в Африке, Европе и Азии задолго до этой даты.

До сих пор не подсчитано точное количество уничтоженного Квантунской армией китайского населения (то ли 20, то ли 30 млн человек). Эти потери никто, кроме Китайской народной республики, не включает в общее количество жертв Второй мировой войны. И только китайцы не понимают, почему действия трех государств-агрессоров, которые связаны между собой Стальным и Антикоминтерновским пактами, не свидетельствует о возникновении глобального военного конфликта. Пекин считает, что Вторая мировая война началась в 1937 году. В речи на XVIII съезде ВКП/б (1939) Сталин высказал похожую точку зрения.

II Rzeczpospolita оказала германо-словацкому вторжению вооруженное сопротивление, а Чехословакия и Албания агрессии не сопротивлялись. На этом основании в приговоре Нюрнбергского трибунала действия виновных по захвату Чехословакии квалифицированы как «агрессивные действия», а по захвату II Rzeczpospolita – как «агрессивная война».

Трибунал пришел к выводу, что «вторжение в Австрию являлось преднамеренным агрессивным актом с целью содействовать дальнейшему осуществлению плана ведения агрессивных войн против других стран. К слову, за годы Второй мировой войны прямые боевые потери (на фронте или в госпитале) составили: СССР – примерно 9 млн человек, или 5 % населения, III Reich – примерно 5 млн человек, или 7 % населения, II Rzeczpospolita – примерно 123 тыс. человек, или 0,3 % населения [7].

К 3 сентября 1939 г. государствами-агрессорами в Европе являлись: II Rzeczpospolita, III Reich, Венгрия, Италия, Словакия, а жертвами агрессии – Албания, БССР, Литва, РСФСР, УССР, Чехословакия и те же Словакия и II Rzeczpospolita. Словакия прошла другой путь – от жертвы польской агрессии в 1938 году до государства-агрессора в 1939 году.

Заключение

1. С правовой точки зрения Антиверсальский военный конфликт в Европе (1 октября 1938 г. – 31 августа 1939 г.) перерос в Европейскую антиверсальскую войну (1 сентября 1939 г. – 2 сентября 1939 г.), которая в свою очередь трансформировалась во Вторую мировую войну (3 сентября 1939 г. – 3 сентября 1945 г.).

2. В известной степени эта хронология совпадает с приговором Нюрнбергского трибунала, в котором период 1 сентября 1939 г. – 2 сентября 1939 г. тоже назван войной, но не европейской, а уже мировой [8]. Для краткости с такой трактовкой можно будет согласиться.

Список цитированных источников

1. Нарочницкая, Н. А. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну» / Н. А. Нарочницкая. – URL: <https://litlife.club/books/240090/read?page=53> (дата обращения: 12.05.2025).

2. The Avalon Project: Nuremberg Trial Proceedings. Vol. 17. – URL: <https://avalon.law.yale.edu/imt/07-05-46.asp> (date of access: 12.05.2025).
3. Толстых, В. В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве / В. В. Толстых,. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-praavovoe-zakreplenie-ponyatiya-voyna-v-rossiyskom-i-mezhdunarod-nom-prave/viewer> (дата обращения: 12.05.2025).
5. Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы) / А. И. Полторак. – М. : Воениздат, 1965. – С. 52.
7. Под знаменем Ленина. – 1946. – № 031. – URL: https://ikso.org/uploaded/files/1946/4_paper.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
8. Проект Ранкра. Нюрнберг: Чехословакия и Польша. – URL: <https://dzen.ru/media/id/5da1b72be3062c00b1fb8f87/niurnberg-chehoslovakiia-i-polsha-5e3f349d913b3d22570682bd> (дата обращения: 12.05.2025).
9. Куняев, С. Шляхта и мы / С. Куняев. – URL: <https://chitat-online.org/reader/shlyah-ta-i-my-stanislav-kunyaev?page=13#tx> (дата обращения: 12.05.2025).
10. Visualhistory. 20 век в цвете. 1939 год. Начало Второй мировой. – URL: <https://visualhistory.livejournal.com/2015447.html?media> (дата обращения: 12.05.2025).

ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В ПРАВЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Саблин И. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
доцент кафедры идеологической работы
и социальных наук

Нюрнбергский процесс, закрепивший итоги Второй мировой войны, развязанной германским нацизмом, стал предостережением инициаторам авантюры и агрессии. Итоги Нюрнбергского трибунала стали генератором строительства нового порядка в мире. Более того, Нюрнбергский процесс заложил фундамент современного международного права. Судебный процесс с его обличительными свидетельствами явился миру непостижимым откровением, переворотом общественного сознания. Приговор трибунала стал завершающим аккордом рождения нового мирового правосудия.

Сегодня, в условиях нарастания новых вызовов и угроз, которые несут человечеству международный терроризм, организованная преступность, экстремизм, когда в некоторых странах пытаются переписать историю Второй мировой войны и предать забвению страшные преступления нацистов, когда возрождаются признаки реваншизма, неонацизма, требуется дальнейшая консолидация усилий всех стран мира, государственных и общественных структур [1; 2]. Поэтому в современных условиях мы все больше убеждаемся в непреходящем значении итогов Нюрнбергского процесса для преодоления многих проблем правового (юридического) и духовно-нравственного характера в законодательстве Республики Беларусь и в других странах.

Правовые аспекты Нюрнбергского процесса включают создание Международного военного трибунала для осуждения военных преступников; установление новых принципов международного права вооруженных конфликтов, таких как преступления против человечности, преступление агрессии и военные преступления. Духовно-нравственные аспекты включают осуждение идеологии нацизма как преступной, утверждение ценности человеческой жизни, повышение роли мирового сообщества в привлечении к ответственности за военные преступления.

Судьба жертв вооруженных конфликтов в большой степени зависит от того, насколько хорошо комбатанты знают, понимают и правильно применяют гуманитарное право. Однако, как утверждают многие исследователи, анализирующие практику применения гуманитарного права в современных вооруженных конфликтах XX века, «право войны... находится «на грани исчезновения» международного права» [3, с. 7].

Международный военный трибунал был создан на основе Лондонского соглашения, заключенного правительствами СССР, Великобритании, США и Франции в августе 1945 года. Основа соглашения – положения Московской декларации от 30 октября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства. Официально к соглашению присоединилось еще 19 государств, что позволило с полным основанием назвать Международный военный трибунал «Судом народов» [4, с. 11–165].

Устав Международного военного трибунала, основанный на соглашении между державами-победительницами, стал правовым инструментом Нюрнбергского процесса. Впервые были введены новые правовые понятия, определены и осуждены как уголовные преступления такие действия, как преступление агрессии, преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Нюрнбергский процесс установил прецедент, когда лидеры отдельного государства могут быть привлечены к международной уголовной ответственности. Это был «Суд народов», впервые применивший международную уголовную ответственность к высшему руководству страны за агрессию, военные преступления и геноцид и заложивший основу для последующего международного права, например Нюрнбергского кодекса и конвенций против срока давности по военным преступлениям. В основании обвинений находились общепризнанные принципы права, а сам уголовный процесс способствовал развитию не только международного уголовного права, но и права вооруженных конфликтов [5, с. 174–180]. Нюрнбергский процесс был призван не только вершить справедливый суд над военными преступниками, но и до конца раскрыть чудовищную и человеконенавистническую по своей сути идеологию и практику фашизма и его разновидности – нацизма.

Духовно-нравственная составляющая итогов Нюрнбергского процесса заключается в утверждении универсальных ценностей, таких как человеческое достоинство, и в осуждении преступлений против человечности, что привело к созданию и применению в международном праве принципов справедливости. Этот процесс продемонстрировал, что даже в условиях войны существуют моральные и этические нормы, которые никто не имеет права нарушать. «Суд народов» показал, что человечество может и должно осуждать нацистские зверства. Впервые Нюрнбергский трибунал официально осудил и привлек виновных лиц к ответственности за геноцид и другие преступления против гражданского населения, признав их преступления против всего международного сообщества. Принципы и нормы, сформулированные в документах Нюрнбергского трибунала и одобренные Организацией Объединенных Наций, стали не только основой для принятых в дальнейшем международных договоров, направленных на предотвращение военных преступлений, но и предпосылкой к разработке таких важных международных документов, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Европейская конвенция по защите прав и основных свобод человека 1950 г.

Особое влияние Устав и приговор Нюрнбергского трибунала оказали на процесс формирования и развития права вооруженных конфликтов как отрасли современного международного права [6; 7]. Сегодня отношения, возникающие между сторонами вооруженных конфликтов, регулируются многочисленными международными соглашениями, которые должны повсеместно соблюдаться. Так, например, четыре Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны начинаются с положения: «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую Конвенцию» (ст. 1). С учетом этих документов были включены нормы об ответственности за преступления против мира, человечества и военные преступления в национальное законодательство подавляющего большинства стран мира [8, с. 65–246; 9, с. 173–211].

Государства обязались принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы создать условия для выдачи лиц, совершивших преступления во время войны, а также для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за военные преступления и преступления против человечества. Проблема привлечения к ответственности нацистских преступников является актуальной и в наши дни, так как тысячи из них до сих пор скрываются от правосудия.

В XXI веке идеологическая борьба, особенно в информационной сфере, усилилась, угрожая гражданам нашего государства пересмотром, осквернением, а иногда и лишением истории. Не прекращается вольная интерпретация решений Нюрнбергского процесса: попытка переосмыслить итоги войны в целом и роль СССР в частности, героизация бандеровцев и т. д. делает необходимым вновь подчеркнуть, что Устав и Приговор Международного военного трибунала является краеугольным камнем международного права в сфере уголовной ответственности отдельных лиц и права вооруженных конфликтов [10, с. 416].

На современном этапе развития человечества назрела острая необходимость в защите исторической памяти о преступлениях против человечности, военных преступлениях, в борьбе с активизацией деятельности националистических и неонацистских организаций. Продолжается усиление тенденции публичного оправдания нацизма и поддержки неонацизма в ряде государств, несмотря на решения Международного военного трибунала в г. Нюрнберге. Поэтому нам необходимо последовательно противостоять любым попыткам реабилитации на национальном и международном уровнях коллаборационистов, сотрудничавших с нацистами, а также не допускать разработку и реализацию в образовательной и просветительской сферах мероприятий, направленных на перестройку общественного сознания, прославление «подвигов» добровольных участников националистических подразделений, воевав-

ших на стороне гитлеровской Германии и принимавших участие в многочисленных массовых убийствах мирных жителей.

Таким образом, главный урок Нюрнбергского процесса, который, опираясь на право и используя правовые (юридические) средства, а также на общепризнанные духовно-нравственные ценности взаимоотношений между любыми людьми (без различия национальности, расы, цвета кожи, пола, вероисповедания и т. д.), подвел итоги Второй мировой войны – это необходимость объединения всех государств для борьбы со стремлением установить мировое господство, чего добивалась гитлеровская Германия, а также идея, что только совместными усилиями человечество может противостоять злу. Подтверждением этому служат меры, разработанные для борьбы с международным терроризмом, признание террористических актов тяжчайшим преступлением вне зависимости от того, кто, где и ради каких целей совершил такой акт. Нюрнбергский процесс также напоминает: тех, кто игнорирует право вооруженных конфликтов, нарушает его, совершает международные преступления, неминуемо ждет возмездие.

В основе правовых принципов, которые отстаивал Международный военный трибунал, лежали гуманизм, уважение к правам человека, юридическое закрепление положения, что жизнь каждого человека является высшей ценностью и не может быть попрана в угоду политическим интересам. Нюрнбергский процесс утвердил моральную ответственность мирового сообщества за пресечение нарушений международного права и привлечение к ответственности виновных. Духовно-нравственные аспекты Нюрнбергского процесса вобрали в себя признание вины перед международным сообществом, возрождение этических принципов и формирование правовых основ для предотвращения подобных преступлений. Процесс стал судом над фашизмом, утвердив в том числе идею, что преступления против человечности являются преступлениями против всех людей мира.

Список цитированных источников

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. решением Всебел. народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 64 с.
2. Военная доктрина Республики Беларусь : утв. решением Всебел. народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 6. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 64 с.
3. Сассоли, М. Правовая защита во время войны: прецеденты, документы и учебные материалы, относящиеся к современной практике международного гуманитарного права : в 4 т. / М. Сассоли, А. Бувье. – М. : МККК, 2008. – Т. 1. – 670 с.
4. Полторак, А. И. Нюрнбергский эпилог / А. И. Полторак ; под ред. А. А. Беркова, В. Д. Ежова. – 3-е изд. – М. : Юрид. лит., 1983. – 416 с.
5. Калугин, В. Ю. Пресечение нарушений в механизме имплементации международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин, Д. В. Акулов ; под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Мн. : Тесей, 2004. – 400 с.

6. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2003. – 344 с.
7. Международное право. Ведение военных действий : сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. – 3-е изд., испр. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2001. – 336 с.
8. Абиб-Сааб, Р. Гуманитарное право и внутренние конфликты. Истоки и эволюция международной регламентации / Р. Абиб-Сааб. – М. : МККК, 2000. – 264 с.
9. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко ; под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Мн. : Тесей, 1999. – 308 с.
10. Тимофеева, А. А. Нюрнбергский процесс в аспекте современной политики / А. А. Тимофеева, А. А. Сурикова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 2 (23). – С. 415–416.

О НЕДОПУСТИМОСТИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ФАКТОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Сасова А. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
преподаватель кафедры международного права

27 февраля 2022 г. в Республике Беларусь состоялся республиканский референдум, который затрагивал вопрос внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. По итогам республиканского референдума текст Конституции Республики Беларусь претерпел существенные изменения: 83 статьи были изменены и дополнены, а также появилось 11 новых статей, в том числе 1 новая глава, содержащая более 50 новых нормативных предписаний.

Одним из новшеств Конституции Республики Беларусь после республиканского референдума 2022 года стало дополнение ст. 15 положением о том, что «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны». Забвение уроков Второй мировой войны, переписывание истории, подпитка националистических устремлений, замалчивание фактов геноцида, обусловило включение нормы в Основной Закон об обеспечении государством сохранения исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны [1, с. 7].

Нацизм – «идеология, политика и практика Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Германии между 1919 и 1945 гг.», синоним германского фашизма, а в более широком смысле – «идеология и политика, в основе которой лежат идеи агрессивного шовинизма и расизма, а также культ сильной личности и вождизм». Возрождение идей, направленных против мира и безопасности человечества и признанных преступными на уровне мирового сообщества после Второй мировой войны, составляет угрозу национальной безопасности и стабильности международных отношений. Значимость указанных общественных отношений в эпоху глобализации и нарастающие попытки искажения общепризнанных исторических фактов создали также предпосылки для разработки и принятия комплексного нормативного правового акта – Закона Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма», что составляет правовую основу деятельности по недопущению реабилитации нацизма в Республике Беларусь.

Фальсификация истории – это намеренное искажение исторических событий в политических целях. Данный вопрос особенно сейчас актуален и в последнее время стал широко обсуждаем. Исторические события

Великой Отечественной войны подвергаются фальсификации все 80 лет со дня Победы, особенно усилился данный процесс в последнее время. Главными целями фальсификации истории являются искажение ее истины для сохранения однополярного мира и планомерное разрушение основ многополярности. В связи с этим наблюдается тенденция пересмотра истории Великой Отечественной войны [2, с. 139].

Ключевую роль в установлении справедливости и миропорядка после Великой Отечественной войны сыграл Нюрнбергский процесс. Подготовка и проведение Нюрнбергского процесса стали возможными благодаря всемирно-исторической победе над германским фашизмом, ведущую роль в которой сыграли народы СССР, в том числе белорусский. Это явилось наглядным примером успешного сотрудничества союзных держав – членов антигитлеровской коалиции.

Нюрнбергский процесс представляет собой уникальное социокультурное явление в мировой истории, знаменовавшее переход правовой культуры человеческой цивилизации на принципиально новый уровень. Беспрецедентность преступлений, совершаемых по инициативе политического руководства и военного командования Третьего рейха как в 1930-е гг., так и в период Второй мировой войны сделал наиболее острой юридическую дискуссию о правовой оценке действий нацистской верхушки и применении к ним санкций, предусмотренных принципами и доктринами международного гуманитарного и международного военного права. В своей сущности Нюрнбергский процесс «оказал значительное влияние на формирование и развитие правовых норм, регламентирующих обеспечение права на защиту в уголовном судопроизводстве» [3, с. 18].

Сам процесс был открыт 20 ноября 1945 г. и продлился до 1 октября 1946 г. Вместе с тем Нюрнбергский процесс был первым в череде обвинительных процессов по фактам военных преступлений в годы Второй мировой войны, проходивших в г. Нюрнберге в 1945–1949 гг.

Нюрнбергский процесс был открытым. Подсудимые пользовались широкими возможностями для защиты, имели адвокатов по своему выбору, защите передавались копии доказательных документов на немецком языке, все права подсудимых, предусмотренные Уставом Международного военного трибунала, были строго соблюдены. Ход Нюрнбергского процесса подробно освещали 249 аккредитованных при трибунале корреспондентов газет, журналов, других средств массовой информации.

Всего состоялось 403 судебных заседания, на которых были заслушаны показания подсудимых, допрошено 116 свидетелей, рассмотрено более 5 тыс. документальных доказательств, в том числе о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Республики Беларусь [4].

Все обвинения в отношении фашистских преступников, которые предстали перед судом в Нюрнберге, относились к трем разделам преступлений в соответствии с Уставом Международного военного трибунала:

1) военные преступления (убийства; увод в рабство гражданского населения; нарушение обычаев, законов войны; убийства и/или истязания военнопленных; ограбление общественной, государственной, частной собственности; разграбление или разрушение культурных ценностей; бессмысленное разрушение деревень и городов);

2) преступления против мира (подготовка, планирование, развязывание, ведение агрессивной войны, а также войны в нарушение международных договоров);

3) преступления против человечности (создание пунктов для истребления мирного населения и непосредственно уничтожение их; умерщвление психически больных) [5, с. 61].

Нюрнбергский процесс имеет большое историческое значение. Победа СССР над нацизмом, освобождение Европы от Гитлера и его приспешников явились результатом мужества советского народа, а разгром вооруженных сил Германии, Италии, Японии, а также их сторонников – успехом соединенных сил противников идей расизма и массового уничтожения людей по национальному признаку. В ходе мирового трибунала были разоблачены агрессивная и человеконенавистническая сущность фашизма, чудовищные преступления нацистов в оккупированных странах, установлена виновность главных руководителей нацистской Германии в организации и совершении тяжких преступлений против человечества.

Таким образом, Нюрнбергский трибунал установил правовую основу для осуждения нацистских преступлений, а собранные доказательства стали неопровержимыми свидетельствами исторических событий, которые нацисты пытались исказить. Судебный процесс и собранные доказательства юридически закрепили ответственность нацистского руководства и задокументировали масштабы преступлений, что создало прецедент для дальнейшего противодействия любым попыткам отрицания или искажения истории войны, а также возрождения нацизма.

Список цитированных источников

1. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2 (76). – С. 5–13.

2. Щербаков, Д. С. Фальсификация фактов о Великой Отечественной войне / Д. С. Щербаков // Битва на Волге : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию начала Сталинградской битвы, Омск, 22 июля 2022 г. / под общ. ред. К. В. Костина. – Омск : Омский гос. технический ун-т, 2022. – С. 139–142.

3. Зенов, В. Е. Значение Нюрнбергского процесса для правовой регламентации обеспечения права на защиту в рамках производства по уголовным делам / В. Е. Зенов // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 3 (28). – С. 18–20.

4. Потеружа, И. И. Нюрнбергский процесс / И. И. Потеружа // Белорусская энциклопедия. – URL: <https://belarusenc.by/temy/belarusinsecwar/8809/> (дата обращения: 06.11.2025).

5. Андреев, Г. В. Роль Нюрнбергского трибунала в контексте подготовки юристов / Г. В. Андреев // Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конф., 18 нояб. 2016 г., Москва / Генер. прокуратура Рос. Федерации ; Академия Генер. прокуратуры Рос. Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; сост. П. А. Смирнов, Н. Э. Кузнецова, Ю. В. Сидоренко. – М., 2017. – С. 59–66.

К ВОПРОСУ О РОЛИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Степанов О. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры международного права,
кандидат юридических наук, доцент

В годы Второй мировой войны и после нее мир столкнулся с ужасами и преступлениями, совершенными нацистским режимом: геноцидом, массовыми расстрелами, принудительным трудом насильно угнанных лиц и иными общественно опасными деяниями против человечества. Эти события среди лидеров мировых держав и человечества вызвали острую обеспокоенность и осознание необходимости создания международного механизма, который мог бы привлечь к ответственности тех, кто совершал подобные преступления. Так, лидеры ведущих мировых держав того времени – СССР, США, Франции и Великобритании – в начале августа 1945 года в ходе работы на Лондонской конференции утвердили Соглашение о создании Международного военного трибунала (далее – МВТ) и его Устава, принципы которого Генеральная Ассамблея ООН утвердила как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества [1, с. 236]. Устав МВТ определял его юрисдикцию, общие принципы, процессуальные гарантии для подсудимых, его полномочия, процесс доказывания и вынесения приговора и другие процессуальные аспекты деятельности этого трибунала.

Идею создания такого механизма поддерживало не только стремление к справедливости, но и желание установить международные нормы и правила, которые помогли бы предотвратить повторение подобных ужасов и деяний в будущем послевоенном мире. В этой связи, как совершенно обоснованно указывают И. Ю. Карпов, Г. А. Плиев, Ю. А. Евстратова и другие исследователи, именно Нюрнбергский процесс (далее по тексту – процесс), состоявшийся после Второй мировой войны в 40-х годах XX столетия, стал одним из важнейших событий в области международного права [3].

Автор этого материала, опираясь на исторические документы, представленные в сборнике материалов, изданном под редакцией К. П. Горшенина в 1951 году, изложенные в Энциклопедии «Всемирная история», а также на толкование, предложенное К. Г. Товстокорой [2, с. 7; 4, с. 140–141], рассматривает Нюрнбергский процесс как судебный процесс над группой главных нацистских военных преступников, проходивший в городе Нюрнберге на территории поверженной фашистской Германии в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Международном военном трибунале и осудивший высших нацистских лидеров за действия во время войны. Процесс проходил под строгим

контролем международной группы судей и прокуроров и заложил важные основы для дальнейшего развития международного права и правосознания в мире.

В данном материале остановимся на рассмотрении некоторых международно-правовых аспектов относительно роли Нюрнбергского процесса в международном праве. Его значение выходит далеко за рамки простого судебного разбирательства над нацистскими лидерами, предопределив вектор развития ключевых принципов и институтов международного права. Ранее преступления, совершенные государственными деятелями, часто оставались безнаказанными. По этой причине наступление неблагоприятных последствий для международных отношений (нарушение мира, разрушение экономических связей, невыполнение международных обязательств, возникновение угрозы для экологической безопасности) вменялось государству-правонарушителю, но не физическим лицам, действующим от его имени. Поэтому, как указывают Д. В. Лобач и А. И. Полтораки в своих исследованиях, Нюрнбергский процесс ознаменовал отказ от так называемой доктрины государственного акта, действующей на протяжении всей истории человеческой цивилизации и выражаемой в действии иммунитета от привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц государства за развязывание ими агрессивной войны или совершение бесчеловечных деяний в условиях вооруженного конфликта [5]. Теперь же итогами судебного разбирательства над нацистскими лидерами явилось то, что даже высокопоставленные лица, действовавшие от имени государства, могут быть привлечены к уголовной и иной ответственности.

Этот процесс стал первым в истории международным судебным процессом, который служил примером для установления правил международного права и наказания за преступления против человечности, заложил основу нового международного правового порядка, основанного на отказе от силы в практике международных отношений и признании всеобщего мира в качестве общечеловеческого блага. В этой связи следует согласиться с мнением таких авторов, как И. З. Бориев, В. В. Дзюбан, А. Д. Подмазова, которые указывают, что Нюрнбергский процесс не только стал знаковым событием в истории развития человеческой цивилизации, но и оказал долговременное влияние на развитие международного права и правосудия [6].

А. Ю. Алексеева, А. М. Егоров, А. А. Еронченко и А. Г. Гапанович, Ю. И. Соловьева, Ю. Н. Юстус и иные правоведы обратили внимание на несколько важных аспектов правовых проблем Нюрнбергского процесса настоящего времени [7]. К их числу относятся следующие: во-первых, Нюрнбергский процесс, завершившийся в 1946 году, оказал фундаментальное влияние на формирование современного международного права, ознаменовав переход от принципа коллективной ответственности государств к принципу индивидуальной уголовной ответственности физических лиц за международные преступления. Ключевые аспекты,

заложенные в Уставе Международного военного трибунала, и сегодня определяют контуры международного уголовного права. Так принцип индивидуальной ответственности, закрепленный в ст. 6 Устава МВТ, стал основой для преследования лиц, виновных в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. В силу этого Римский статут Международного уголовного суда (МУС) (Римский статут, 1998) является непосредственным продолжением этой линии, устанавливая юрисдикцию МУС в отношении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступления агрессии. Во-вторых, рассматриваемый процесс также способствовал развитию доктрины универсальной юрисдикции, позволяющей государствам осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших международные преступления, независимо от места совершения преступления и гражданства преступника. Эта доктрина хотя и не является повсеместно признанной, играет важную роль в борьбе с безнаказанностью за совершенные уголовно наказуемые преступные деяния на международной арене.

Творчески развивая вышесказанное, следует отметить, что дальнейшее развитие международных норм получило свое развитие в деятельности международных трибуналов *ad hoc*, таких как Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) (резолюция 827 Совета Безопасности ООН, 1993) и Международный трибунал по Руанде (МТР) (резолюция 955 Совета Безопасности ООН, 1994), которые внесли значительный вклад в разработку процессуальных норм и расширили понимание преступлений против человечности и геноцида.

Обобщая роль Нюрнбергского процесса в выработке международно-правовой оценки его результативности в контексте модернизации международного правосознания, следует указать на некоторые итоговые положения:

- он утвердил принцип, что индивидуумы могут быть привлечены к уголовной ответственности за свои действия, даже если они действовали по приказу государства и были санкционированы национальными законами. Это стало основой для создания международных трибуналов, например таких как Международный уголовный суд (МУС);

- состоявшийся процесс был важным примером применения принципов справедливого суда, включая право на защиту, право на равное представительство и право на обжалование. Поддержание принципа недопустимости иммунитета государственных деятелей за совершение преступлений. Эти принципы стали основой для многих современных международных и национальных правовых систем;

- способствовал развитию концепции универсальной юрисдикции, позволяющей государствам преследовать преступников, совершивших международные преступления, независимо от места их совершения или гражданства обвиняемых.

Однако важно отметить, что оценка Нюрнбергского процесса не является однозначной. Критики указывают на принцип *ex post facto* (уголовная ответственность за деяния, не являвшиеся преступлением на момент совершения), а также на возможную политическую мотивированность отдельных решений трибунала. Тем не менее, несмотря на это, Нюрнбергский процесс остается важной вехой в истории международного права.

Подводя итог сказанному, следует отметить следующее:

– Нюрнбергский процесс был первым судебным процессом, на котором высокопоставленные военные и политические лидеры нацистской Германии были привлечены к ответственности за военные преступления, преступления против человечности и преступления против мира;

– несмотря на критику, связанную с принципом *ex post facto* и возможной политической ангажированностью, анализируемый процесс остается важной вехой в развитии международного права, задавая различные направления для его дальнейшего развития.

Список цитированных источников

1. Микаелян, А. А. Нюрнбергский процесс: правовой трансфер принципов советского уголовного процесса в международную уголовную юстицию / А. А. Микаелян // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – СПб., 2024. – С. 236–238.

2. Нюрнбергский процесс : сб. материалов / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Гос. издательство юридической литературы, 1952. – Т. 1. – 908 с. – URL: www.prlib.ru/item/1987828 (дата обращения: 03.11.2025).

3. Карпов, И. Ю. Нюрнбергский процесс – главный судебный процесс XX века / И. Ю. Карпов // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права : сб. науч. ст. межвуз. кругл. стола. – СПб., 2023. – С. 88–91 ; Плиев, Г. А. Нюрнбергский процесс – главный судебный процесс XX века / Г. А. Плиев, Ю. А. Евстратова // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат : сб. науч. ст. II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб., 2024. – С. 217–219 ; Парамузова, О. Г. Международно-правовая оценка значимости Нюрнбергского процесса в контексте модернизации международного правосознания в новых геополитических условиях / О. Г. Парамузова // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат : сб. науч. ст. II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб., 2024. – С. 55–59.

4. Товстокорая, К. Г. Свидетельские показания, представленные на Нюрнбергском процессе / К. Г. Товстокорая // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 2. – С. 140–143.

5. Лобач, Д. В. Историческое значение Нюрнбергского процесса в установлении современного международного правового порядка / Д. В. Лобач // Нюрнбергский процесс: история и современность : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2024. – С. 121–125 ; Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы / А. И. Полторак. – М. : Наука, 1966. – 351 с.

6. Борийев, И. З. Влияние Нюрнбергского процесса на международное право в контексте развития цивилизаций / И. З. Борийев, А. Д. Подмазова, В. В. Дзюбан // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – М., 2021. – С. 146–149.

7. Алексеева, А. Ю. Нюрнбергский процесс: исторический смысл и современное значение / А. Ю. Алексеева // LI Итоговая студ. науч. конф. Удмуртского государственного университета : материалы Всерос. конф. – Ижевск, 2023. – С. 272–275 ; Егоров, А. М. Нацистские преступления против человечества и причины Нюрнбергского процесса над фашизмом / А. М. Егоров // Человечество против фашизма: люди, народы, государства : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 77-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. – Омск, 2022. – С. 32–37 ; Еронченко, А. А. Историко-правовое наследие Нюрнбергского процесса / А. А. Еронченко // Нюрнбергский процесс: историческая и правовая оценка : материалы регион. науч. конф., Армавир, 18 дек. 2015 г. / Армавирский гос. пед. ун-т. – Армавир, 2015. – С. 31–35 ; Юстус, Ю. Н. Нюрнбергский судебный процесс над нацистскими преступниками / Ю. Н. Юстус // Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия : материалы Всерос. межвуз. студ. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород, 2025. – С. 487–489 ; Гапанович, А. Г. Правовые проблемы Нюрнбергского процесса настоящего времени / А. Г. Гапанович, Ю. И. Соловьева // Главный процесс человечества. Нюрнбергский набат : сб. науч. ст. II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – СПб., 2024. – С. 147–151.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: НЮРНБЕРГСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ИХ СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Тищенко Е. В.

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
доцент кафедры уголовного права и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

Урок Нюрнбергского процесса заключается не только в наказании за конкретные проявления нацизма, но и в создании универсального правового инструментария для борьбы с наиболее тяжкими преступлениями против человечества. Вместе с тем в XXI веке сами эти преступления приняли новые формы, порождая новые виды угроз международной безопасности и человечеству в целом. В настоящее время масштабную угрозу представляет систематическое разрушение среды обитания человека – окружающей среды.

Международный суд ООН признал, что ущерб окружающей среде может представлять собой «важный интерес» государства. Суд также подтвердил, что «окружающая среда – это не абстракция, а жизненное пространство, качество жизни и само здоровье людей, включая нерожденные поколения» [1]. Действительно, на протяжении всей истории человечества окружающая среда была безмолвной жертвой человеческих конфликтов. При этом ухудшение состояния окружающей среды и ее эксплуатация могут быть как следствием, так и причиной вооруженного конфликта.

В Демократической Республике Конго и на Гаити Программа ООН по окружающей среде пришла к выводу, что ущерб, нанесенный окружающей среде, стал основной причиной политических волнений и конфликтов. По оценкам, в 1990-х гг. в ходе вооруженных конфликтов, связанных с эксплуатацией природных ресурсов, погибло около 5 000 000 человек, а четверть из 50 активных вооруженных конфликтов в 2001 году были в значительной степени «мотивированы» добычей ресурсов [2, с. 563].

Ирано-иракская война, события в Кувейте в конце войны в Персидском заливе в 1991 году, а также конфликты в таких африканских странах, как Сьерра-Леоне, Демократическая Республика Конго и Либерия, – все это служит иллюстрацией того, как вооруженный конфликт, (частично) вызванный спорами из-за природных ресурсов, впоследствии может привести к значительному разрушению окружающей среды [3, с. 128]. В последних случаях конфликты разгорались не только из-за природных ресурсов, но и сами ресурсы (например, древесина и алмазы)

становились источником финансирования для противоборствующих сторон, которое использовалось для приобретения оружия.

МГП не умалчивает о вреде, наносимом окружающей среде во время вооруженных конфликтов. В частности, принципы, изложенные в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1977 г., запрещают методы и средства ведения войны, которые могут нанести или способны нанести «повсеместный, долгосрочный и серьезный» ущерб окружающей среде. На момент принятия Дополнительного протокола I 1977 г. эти положения считались важным шагом вперед в признании проблемы ущерба окружающей среде во время конфликтов. Аналогичная формулировка используется в ст. 55 (1) Дополнительного протокола I 1977 г. и статье I (1) Конвенции ЕМОД 1976 г.

В ст. 8 (2) (b) Римского статута, которая касается военных преступлений, в рамках международных вооруженных конфликтов содержатся экологические положения. Пункт (b) (iv) является ключевым, для квалификации по которому необходимо одновременное наличие трех условий: ущерб должен быть 1) широкомасштабным, 2) долгосрочным и 3) серьезным. Однако если ущерб будет отвечать всем этим признакам, он может не признаваться преступлением, если он не является «явно несоизмеримым» с военной необходимостью, что, на наш взгляд, оставляет широкий простор для интерпретации. В то же время существуют значительные пробелы в регулировании экологических преступлений в мирное время.

Масштабное уничтожение окружающей среды может подпадать под другие статьи Римского статута через оценочные признаки: как «другие бесчеловечные действия» (Преступления против человечности (ст. 7)) или «путем лишения средств к существованию» какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы (Геноцид. Ст. 6). Но в целом Римский статут на сегодняшний день предоставляет лишь ограниченные инструменты для привлечения к ответственности за самые тяжелые преступления против окружающей среды.

В этой связи возможно умышленное и масштабное уничтожение окружающей среды в мирное время (например, в результате действий корпораций) рассматривать через призму преступлений против человечности.

В 2021 году независимая группа экспертов по юридическому определению экоцида (IEPLDE) и группа экспертов Института по правам человека «Промис» (UCLA) возобновили дискуссию о расширении юрисдикции Международного уголовного суда (МУС) на наиболее тяжкие случаи ухудшения состояния окружающей среды [4]. При этом предлагается широкая международная криминализация «экоцида» именно через более активное использование и применение «зеленой» сферы применения ст. 21 (3) и 7 (1) Статута.

Идея признать масштабный экологический вред ППЧ – это прямое расширительное толкование и развитие нюрнбергской концепции. Можно

фиксировать анализ ситуаций в ходе его процесса, которые могли бы рассматриваться как экологические преступления периода Второй мировой войны (таких как применение тактики «выжженной земли»), однако не были включены в отдельные обвинения трибунала в Нюрнберге ввиду незавершенности правовой базы.

Устав Нюрнбергского трибунала и последующие Принципы международного права установили, что преступления против человечности – это деяния, совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц. Это нападения, составляющие преступления против человечности, имеют такую степень тяжести, что объектом преступления становятся не только индивиды и их группы, но и сама концепция гуманизма как таковая [5]. Нацистский режим целенаправленно уничтожал человеческое достоинство через тотальную дегуманизацию – сведение людей к «унтерменшам», номерам, расходному материалу. Объектом атаки была сама моральная и биологическая целостность человеческих групп. В современном прочтении – заражение воздуха, воды, почвы в промышленных масштабах – это не побочный эффект, а форма нападения на основы жизни целых регионов. Это атака не просто на физические тела, а на фундаментальные условия, делающие человеческую жизнь вообще возможной и достойной. Как правило, преступления против окружающей среды обладают и широкомасштабностью (и по количеству жертв, продолжительности, географическому охвату), и систематичностью (последовательные, повторяющиеся действия, которые являются следствием корпоративной или государственной политики). Также сознательное причинение сильных страданий или серьезного вреда физическому/психическому здоровью, возможная утрата средств к существованию и культурной идентичности полностью охватывают такую характеристику, как «другие бесчеловечные деяния». В данном контексте Нюрнбергский принцип VI дает нам правовую рамку для квалификации таких действий, как преступления высшего порядка. Он позволяет признать масштабный экологический вред преступлением против человечности как акт превентивной защиты, направленный на то, чтобы поставить заслон на пути тех, кто своей деятельностью ставит под угрозу жизнь человечества.

Также данный принцип позволяет применить механизм индивидуальной уголовной ответственности к лицам, принимающим ключевые решения в корпоративном и государственном секторе, и заложить основу для превентивного воздействия на транснациональную деятельность, несущую глобальные экологические риски. В данном аспекте расширительное толкование встречает определенные правовые сложности. Статья 30 Статута устанавливает общий стандарт субъективного элемента преступлений, предусмотренных Статутом, который применяется во всех случаях, когда рассматриваемое материальное положение не регламентирует преступный умысел (*mens rea*). Единственная прямая ссылка на ущерб окружающей среде в Статуте –

ст. 8 (2) (b) (iv) – требует стандарта прямого умысла и «знания причинно-следственной связи». Таким образом, чтобы выполнить бремя доказывания, Прокурор МУС обязан доказать, что обвиняемый, осознавая контекст и имея умысел на совершение *actus reus*, понимал, что нападение повлечет за собой «явно чрезмерный» экологический ущерб. Хеллер и Лоуренс критикуют стандарт вины, закрепленный в ст. 8(2)(b)(iv) Римского статута, называя его практически невыполнимым: крайне сложно доказать, что обвиняемый заранее осознавал несоразмерность последствий своих действий. Чтобы исправить это концептуальное ограничение, IEPLDE предложил элемент «знания», который требует только «существенной вероятности» ущерба окружающей среде. А современные науки (эпидемиология, токсикология и т. д.) позволяют с высокой долей вероятности устанавливать причинно-следственные связи для масштабных инцидентов.

В заключение следует отметить, что без правового прорыва, совершенного Нюрнбергскими принципами, сама идея привлечения к уголовной ответственности за экоцид оставалась бы лишь философской концепцией. Принципы предоставляют для этой идеи конкретный и испытанный историей юридический механизм.

Список цитированных источников

1. Global perspective Human stories. – URL: <https://news.un.org/en/> (date of access: 15.12.2025).
2. Le Billon, Ph. The political ecology of war: natural resources and armed conflicts / Ph. Le Billon. – Oxford : Oxford University Press, 2021.
3. Peterson, I. The natural environment in times of armed conflict: a concern for international war crimes law? / I. Peterson // Leiden Journal of International Law. – 2009. – Vol. 22, No. 2. – P. 342.
4. Ecocide before the international criminal court: simplicity is better than an elaborate embellishment. – URL: https://www.researchgate.net/publication/368664228_Ecocide_Before_the_International_Criminal_Court_Simplicity_is_Better_Than_an_Elaborate_Embellishment (date of access: 15.12.2025).
5. Международный трибунал по бывшей Югославии. Устав. – URL: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 11.11.2025).

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Толочко О. Н.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, профессор

Проблема реализации индивидуальной уголовной ответственности по международному праву назревала столетиями. Государства за свою историю научились с той или иной степенью эффективности справляться с криминальным насилием, совершаемым на их территориях в мирное время. Однако массовые преступления, обрушиваемые на население вторгающимися иностранными войсками, правовых последствий, как правило, не имели. Эти потери были сравнимы со стихийным бедствием: государственные институты мало что могли противопоставить организованному вооруженному насилию военного времени.

Наиболее остро проблема проявилась в начале XX века. Масштаб театра Первой мировой войны, развитие все более технологичных видов оружия, массовые страдания и гибель людей требовали надлежащей правовой оценки и привлечения виновных к ответственности.

Версальский мирный договор 1919 г. стал первым шагом к формированию правовой процедуры уголовного преследования за эти преступления.

В соответствии со ст. 227 Договора, «Союзные и Объединившиеся Державы предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Договор предусматривал создание специального суда над императором, состоящего из пяти судей, назначенных США, Великобританией, Францией, Италией и Японией. «Суд будет судить по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали. Ему будет надлежать определить наказание, которое по его суждению должно быть применено. Союзные и Объединившиеся Державы обратятся к Правительству Нидерландов с просьбой о выдаче бывшего императора в их руки для того, чтобы он был судим».

Согласно ст. 228 Договора, Германия также признавала за державами-победительницами право привлекать к их военным судам лиц, нарушивших законы и обычаи войны, причем эта норма должна была применяться независимо от какого-либо процесса в суде Германии или ее союзников. Германия также должна была выдавать таких лиц союзникам по их просьбе, после чего они должны быть переданы военным судам

заинтересованных государств (ст. 229). За обвиняемым признавалось право на самостоятельный выбор защитника [1, с. 127–128].

Однако эти планы не были реализованы. Международный трибунал для суда над Вильгельмом II создан не был. Германский кайзер получил политическое убежище в Нидерландах и не был привлечен к уголовной ответственности. Преследование военных преступников тоже застопорилось в связи с упорным нежеланием Германии выдавать запрашиваемых лиц. Вместо этого в самой Германии были проведены показательные «Лейпцигские процессы по военным преступлениям», призванные удовлетворить державы-победительницы, на которые они нехотя согласились. Результаты были неадекватными: лишь 13 из возбужденных по инициативе Верховного суда Германии 1744 процессов были доведены до судебной процедуры. Всего было осуждено 10 человек; 6 были оправданы [2, с. 514–537].

В итоге можно утверждать, что уголовное преследование лиц, совершивших военные преступления в ходе Первой мировой войны, фактически не состоялось. Это по всей вероятности явилось одной из исторических предпосылок немецкого реваншизма и массовых нарушений международного гуманитарного права во Второй мировой войне. С другой стороны, правовой обычай привлечения к ответственности лиц в первую очередь и преимущественно из числа граждан государств, проигравших в войне (и по существу, безнаказанность преступлений, совершаемых комбатантами держав-победительниц), просуществовал до конца XX столетия. Да и в настоящее время вопрос о том, граждане каких государств в итоге окажутся на скамье подсудимых по итогам войны, во многом, к сожалению, решается на поле боя, хотя *ipso facto* военные и иные международные преступления совершаются не только комбатантами проигравшей стороны, но и иными лицами в интересах любых задействованных в конфликте сторон.

Не увенчалась успехом также попытка привлечь к уголовной ответственности виновных в массовых депортациях и убийствах сотен тысяч армян в Турции в 1915 году. Подписанный в 1920 году Севрский договор прямо предусматривал обязанность передать лиц, ответственных за эти деяния, в некий не определяемый конкретно союзнический или международный суд. Однако Севрский договор в силу не вступил, а державы-победительницы не предприняли в этой связи каких-либо совместных действий против Турции.

Также в русле усилий Лиги Наций по борьбе с терроризмом в 1937 году была принята, но тоже не вступила в силу Конвенция о создании Международного уголовного суда. Впоследствии юридические наработки по этой Конвенции были учтены при создании Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов.

Подлинной датой рождения международного уголовного права считается 8 августа 1945 г., когда было заключено Лондонское соглашение об утверждении Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников

европейских стран оси. Основной, совершенно революционной на тот момент идеей Соглашения и утвержденного им Устава стал постулат о том, что преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности влекут за собой индивидуальную ответственность по международному праву. В приговоре от 1 октября 1946 г. Нюрнбергский трибунал прямо указал, что «только посредством наказания физических лиц, совершивших такие преступления, может быть обеспечено соблюдение положений международного права» [3].

Союзники учли предыдущий безуспешный опыт международных усилий. На этот раз будущий трибунал был своевременно обеспечен необходимыми ресурсами. Значительный вклад в формирование доказательственной базы внесла созданная в 1942 году Комиссия Объединенных Наций по вопросам военных преступлений (UNWCC). В итоге обвинение строилось на огромном объеме документальных свидетельств: захваченных немецких архивах, киносъемках из концлагерей, показаниях партизан и иных свидетельских показаниях. Совокупная документация составила 42 тома, которые впоследствии были опубликованы.

Устав Нюрнбергского трибунала включал три категории международных преступлений. Первыми в нем названы *преступления против мира*, современной интерпретацией которых является преступление агрессии как оно понимается в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. *Военные преступления* трактовались как нарушение законов и обычаев войны; их криминализация преследовала цель защиты иностранных граждан – военнопленных, гражданского населения оккупированных территорий и т. д. *Преступления против человечности* включали в себя деяния, совершенные против собственных граждан, и, таким образом, действие международного права было распространено на национальную территорию – в данном случае Германии. Понятие *геноцида*, введенное в оборот в связи с Холокостом, было выделено в отдельную правовую категорию в 1948 году, однако нацистский геноцид против евреев преследовался трибуналом как военное преступление и как преступление против человечности (охватывался терминами «уничтожения» и «преследования»).

Таким образом, предметом Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками 1945–1946 гг. в близкой к современному пониманию трактовке были все четыре ныне действующие категории составов международных преступлений: агрессия, военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

В Уставе трибунала прямо указывалось, что правомерность деяния по национальному праву не может препятствовать преследованию. В соответствии со ст. 7 Устава официальное положение лица не исключало наказания. Совершение деяния во исполнение приказа также не исключало наказания, но в некоторых случаях могло явиться смягчающим его обстоятельством (ст. 8).

Концепция преступлений против мира породила спор среди участников процесса, в то время как *неправомерность* агрессивной войны не вызывала сомнений в связи с нарушением Германией Парижского договора 1925 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакта Бриана – Келлога), – ее *преступность*, т. е. перспективы уголовного преследования высших должностных лиц, требовала дополнительного юридического обоснования. В итоге трибунал заявил, что «торжественный отказ от войны в качестве орудия национальной политики обязательно означает... что лица, которые планировали и вели такую войну, с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершали преступление» [3].

С момента создания Нюрнбергского трибунала и по настоящее время концепция международного преступления предполагает наличие контекста организованного насилия, который превращает обычное преступление в международное. Соответственно, для квалификации военных преступлений требуется состояние вооруженного конфликта, для преступлений против человечности – констатация широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. В случае геноцида контекстный элемент заключается в уничтожении национальной, этнической, расовой или религиозной группы. Контекст организованного насилия закреплен в настоящее время Римским статутом Международного уголовного суда и требуется в соответствии с Элементами преступлений [4].

Эти и другие важнейшие принципы Нюрнбергского процесса составляют сегодня фундамент современного международного уголовного права. Императивные положения о составе международных преступлений, об иммунитетах, о судебной процедуре и многие другие давно утвердились в качестве норм обычного международного права.

Нюрнбергский трибунал сделал то, что не удалось сделать международному сообществу после Первой мировой войны. С тех пор уголовная ответственность за наиболее серьезные нарушения норм международного гуманитарного права прочно заняла место в международно-правовой системе.

Список цитированных источников

1. Версальский мирный договор / полный перевод с франц. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина ; со вступ. ст. Ю. В. Ключникова и предметным указателем. – М. : Изд. Литиздата НКВД, 1925. – XXXI. – 198 с. – (Итоги Империалистической войны: серия мирных договоров; I).
2. Hankel, G. Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg Hardcover / G. Hankel. – Hamburg : Hamburger Edition, 2003. – 550 p.
3. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. / отв. ред. Н. С. Лебедева. – М. : Юрид. литература, 1999. – Т. 8. – С. 561–740.
4. Элементы преступлений // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf (дата обращения: 31.10.2025).

НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АРГУМЕНТАЦИИ ЗАЩИТЫ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Трефилов А. А.

Российская Федерация, Москва
Высшая школа экономики,
доцент департамента уголовного права,
процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук

В 2008 году в России была издана двухтомная книга «Защитительные речи адвокатов на Нюрнбергском процессе» (в общей сложности 21 выступление). Каждый том превышает 400 страниц текста, напечатанного мелким шрифтом. Она привлекла мое внимание, и я решил прочитать ее. Теперь же нам хотелось бы поделиться своими впечатлениями от прочитанного в контексте критического восприятия материала, изложенного в книге.

Адвокат Отто Нельте отмечал: «Задача защиты на этом процессе трудна. Одни относятся к нашему предприятию враждебно, так как они думают, что защитники хотят увести подсудимых от справедливой кары. Другие называют этот процесс зрелищем, на котором подсудимые выступают в роли статистов, чтобы придать этому процессу вид правосудия. У нас нет повода оправдываться, так как мы, будучи верными заповеди нашей профессии, путем участия в нем выполняем задачу, значение которой не нуждается в оправдании. Она состоит в выявлении истины» [1, с. 3].

Зачем обвиняемым дали право на защиту, если их преступления не могут иметь никакого оправдания? В целях обеспечения легитимности данного судебного процесса. Интересно, что права, которыми обладали обвиняемые на Нюрнбергском процессе, не были закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Великобритании, Франции, США того времени [1, с. 6].

За месяц до начала процесса каждому обвиняемому было вручено обвинительное заключение на немецком языке. Каждый обвиняемый имел защитника – немецкого адвоката, в большинстве случаев выбранного по его желанию, причем многие из защитников в прошлом были членами нацистской партии, что не стало препятствием для участия в процессе.

Подсудимым была предоставлена возможность давать объяснения трибуналу, ходатайствовать о вызове свидетелей и истребовании документов, выступить перед судом с последним словом после заключительных речей обвинителей.

Трибуналом был подготовлен список из 44 адвокатов, услугами которых могли воспользоваться обвиняемые по своему выбору. Им было

дано время и возможность посоветоваться с родными относительно выбора защитника.

На заседаниях Нюрнбергского трибунала подсудимых защищали 27 адвокатов, которым помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. Защите была предоставлена «документальная комната» и центр информации, где были сосредоточены книги, газеты, журналы и другие печатные материалы. Сюда же обвинение передавало по шесть экземпляров тех документов, которые будут предъявлены суду в качестве доказательств.

Открывая процесс, лорд Джеффри Лоуренс заявил: «Трибунал весьма удовлетворен мерами, предпринятыми Главными обвинителями для того, чтобы защита получила доступ к многочисленным документам, на которых основывается обвинение, с целью предоставить обвиняемым полную возможность справедливой защиты» [1, с. 9].

На наш взгляд, многие аргументы защиты, высказанные на Нюрнбергском процессе, абсурдны и направлены на то, чтобы виновные ушли от заслуженного наказания:

1. Практически все защитники в своих выступлениях утверждали, что во всем виноват Гитлер. По мнению адвокатов, обвиняемые были лишь техническими исполнителями его воли. Они утверждали: «По такой логике можно осудить секретаршу, которая печатала его приказы» [1, с. 9, 37, 45, 84]. «При Гитлере дело обстояло так: он принимал политические решения, и генералы могли лишь оказать влияние на их военное проведение в жизнь» [2, с. 67]. Данный аргумент является несостоятельным, поскольку каждый субъект самостоятельно отвечает за свои действия на основе принципа личной и виновной ответственности.

2. Практически все защитники утверждали, что исполнение приказа не может влечь за собой ответственность, так как иначе могла последовать смертная казнь за невыполнение приказа. По мнению адвокатов, обвиняемые сделались заложниками обстоятельств. Данный аргумент является несостоятельным, поскольку исполнение преступного приказа не может освобождать лицо от ответственности.

3. Практически все защитники утверждали, что никто не может нести ответственность за действия, которые не признавались преступлением на момент их совершения (*nullum crimen sine lege*). В момент осуществления обвиняемыми геноцида ни в международном, ни в национальном праве не было такого понятия. Этот принцип существовал даже у древних народов [2, с. 67]. Данный аргумент представляется неубедительным, поскольку не может ссылаться на законы то лицо, которое само их нарушает.

4. Многие защитники утверждали, что Вторая мировая война была подготовлена самим ходом истории, многочисленными политическим и экономическими противоречиями между европейскими народами в 1930-е гг. Следовательно, она бы произошла, даже если бы обвиняемые не осуществляли свою государственную, военную, партийную деятель-

ность. Таким образом, по мнению адвокатов, нет причинно-следственной связи между действиями обвиняемых и Второй мировой войной. На это можно возразить словами Ш. Л. Монтескье: «Государство не может быть *несправедливым*, не имея в своем распоряжении рук, посредством которых эти *несправедливости* могли бы совершаться» [3, с. 67].

Итог Нюрнбергского процесса всем хорошо известен. Нацисты предстали перед судом истории и были осуждены к суровым наказаниям. Софизмы и другие ухищрения, применяемые адвокатами, не помогли им уйти от заслуженной кары.

Список цитированных источников

1. Яртых, И. С. Нюрнбергский процесс. Защитительные речи адвокатов / И. С. Яртых. – М., 2008. – Т. 1. – С. 3.
2. Яртых, И. С. Нюрнбергский процесс. Защитительные речи адвокатов / И. С. Яртых. – М., 2008. – Т. 1. – С. 46.
3. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М., 2018. – С. 67.

К ВОПРОСУ О КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ ЮРИСДИКЦИИ И ПРОЦЕДУРЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Шадский О. Г.

Российская Федерация, г. Тамбов

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина,

доцент кафедры конституционного и международного права,

кандидат исторических наук, доцент

Международный военный трибунал, широко известный как Нюрнбергский, стал первым в истории международным судом над руководителями государства за развязывание агрессивной войны и массовые военные преступления. Огромный авторитет и влияние этого события на развитие международного права неоспоримы. Однако иностранными исследователями в его отношении иногда высказываются некоторые критические оценки юридического характера. В нашей статье мы обратимся к ним с целью рассмотрения их обоснованности и влияния на международно-правовую репутацию трибунала.

К Нюрнбергскому трибуналу предъявляются две основные критические претензии. Суть первой состоит в том, что имело место ретроспективное применение закона, поскольку до 1945 года не существовало четкого запрета на агрессивную войну, а понятие «преступления против человечности» впервые ввели в Уставе трибунала. Ни один государственный лидер до этого не был привлечен к ответственности за развязывание войны. Вторая претензия состоит в том, что трибунал проводили СССР, США, Британия и Франция, т. е. страны-победительницы – одна из сторон конфликта. В составе судей не было ни одного представителя нейтральной страны или судьи из Германии. Таким образом, победители судили побежденных [1–3].

Отрицать рациональное зерно в этих претензиях бессмысленно и контрпродуктивно. Однако, на наш взгляд, было бы правильно парировать эти претензии и нейтрализовать их негативное влияние на репутацию трибунала.

Для начала следует отметить, что, несмотря на то, что Нюрнбергский трибунал явился первым в своем роде международно-правовым событием, его легитимность основывалась на нескольких ключевых документах, принятых еще до начала Второй мировой войны. Так, обвинение в преступлениях против мира и планировании и ведении агрессивной войны опиралось на нормы пакта Бриана – Келлога 1928 г. Обвинение в военных преступлениях, подразумевавших нарушения законов и обычаев войны, выразившиеся в массовых убийствах нацистами военнопленных и мирных жителей, разрушении городов без военной необходимости, пытках, медицинских экспериментах, принудительном труде, правовой основой имело нормы Гаагских конвенций

1899, 1907 гг., Женевского протокола о запрете применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. и Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Поэтому ключевые обвинения, сформулированные в Уставе трибунала и охватывавшие все основные преступления нацистского режима, не появились впервые в 1945 году, а имели достаточно долгое, по крайней мере достаточное временное существование, чтобы не квалифицироваться как *ex post facto*.

Вторая претензия имеет весомый юридический характер. Суд действительно проводила победившая сторона конфликта. Однако каковы могли быть альтернативы? Можно ли было доверить суд нейтральной стороне? Была ли такая нейтральная сторона? На наш взгляд, в геополитических условиях 1945 года и с учетом не просто неразвитости, но фактического отсутствия международно-правовых механизмов осуждения нацистской Германии представить, что суд проводила бы юстиция нейтральной страны или какая-то международная организация, например Международный Комитет Красного Креста, невозможно. Более того, конфликт, охвативший большую часть мира, не оставил по-настоящему нейтральных сторон, чьи интересы были бы совершенно не затронуты. Вопрос следует, на наш взгляд, ставить так: можно ли было допустить ситуацию, при которой военно-политическое руководство рейха могло избежать наказания за совершенные преступления в силу отсутствия в международном праве до принятия Устава трибунала всех механизмов для его проведения. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Справедливость восторжествовала даже несмотря на то, что не все правовые аспекты проведения трибунала соответствовали юридическим нормам, которым теоретически он должен был соответствовать.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько данная юридическая проблема повлияла на процедуру проведения трибунала и возможность обеспечения полноценной защиты подсудимых. Во-первых, Нюрнбергский процесс стал революционным не только с юридической, но и с доказательственной точки зрения. Впервые в истории международного права обвинение строилось на массиве документальных свидетельств, а не только на показаниях свидетелей. Документальные доказательства включали в себя сотни тысяч страниц официальных архивов Третьего рейха, среди которых были и протокол Ванзейской конференции 1942 г. об «окончательном решении еврейского вопроса», и приказы о расстрелах, и отчеты айнзатцгрупп, которые содержали подробные цифры расстрелянных евреев в СССР; личные записи нацистов с описанием зверств, такие как дневники губернатора Польши Франка или переписка между Гиммлером и подчиненными об «уничтожении нежелательных элементов»; отчеты IG Farben о производстве удушающего газа «Циклон Б»; документы о принудительном труде от компаний Сименс и Крупп. Широко были представ-

лены вещественные доказательства, такие как банки с «мылом из человеческого жира», образцы газа «Циклон Б», униформа и личные вещи жертв из концлагерей (чемоданы, очки, волосы). Важное место занимали кино- и фотодоказательства: кадры хроники освобождения концлагерей (Освенцим, Бухенвальд, Маутхаузен), фотографии с мест массовых расстрелов (Бабий Яр). Даже кадры официальной нацистской пропаганды неопровержимо свидетельствовали о культивировании милитаризма и доказывали насаждение идеологии ненависти. Показания свидетелей – заключенных концлагерей и жертв медицинских экспериментов свидетельствовали о невероятном уровне насилия по отношению к гражданским и военнопленным. Такой объем неопровержимых доказательств, на наш взгляд, был более чем достаточен для доказательства вины подсудимых, даже если бы судебный корпус оказался максимально к ним лояльным.

Во-вторых, процессуальные моменты организации суда предоставляли все возможности для защиты прав подсудимых, гарантирующие справедливое и беспристрастное судебное разбирательство. На заседаниях суда присутствовали корреспонденты. Печатались письменные ежедневные стенограммы. Каждый обвиняемый имел право быть представленным адвокатом по своему выбору. При этом большинство выбранных немецких адвокатов сами могли подлежать аресту или судебному разбирательству, но им был предоставлен иммунитет от судебного преследования, дабы гарантировать обвиняемым свободный выбор адвоката. Все необходимые офисные помещения для адвокатов предоставлялись бесплатно. Каждый обвиняемый вместе с обвинительным заключением получал немецкие копии всех соответствующих законов, правил и положений. Судебное разбирательство велось на немецком и английском языках одновременно с использованием переводчиков и наушников. Велась звукозапись устного разбирательства, которая использовалась для проверки точности всех переводов и стенографических расшифровок, которые предоставлялись адвокатам для использования или внесения исправлений. Каждый обвиняемый имел право через своего адвоката представлять доказательства в поддержку своей защиты. Ни один документ или вещественное доказательство не мог быть предъявлен обвиняемому, если его немецкая копия не была передана его адвокату как минимум за 24 часа. Методы, применяемые при допросах, всегда подвергались тщательной проверке. Ни разу не было установлено, что обвинение когда-либо применяло силу для получения информации от свидетеля или обвиняемого [4]. Эти и другие правила процедуры, принятые трибуналом, однозначно свидетельствуют о том, что все права обвиняемых были соблюдены в максимально возможной степени.

Таким образом, на наш взгляд, несмотря на некоторую обоснованность претензий, предъявляемых к юрисдикции и процедуре Нюрнбергского трибунала, его правовая основа была внушительной,

а процедура проведения была беспристрастной и соответствовала высочайшим правовым стандартам. Он стал поворотным моментом в мировой истории, повлияв на право, политику и коллективную память человечества. Он совершил юридическую революцию, став первым в истории международным судом над государственными лидерами. Нюрнбергский процесс стал краеугольным камнем современного международного уголовного права, создав прецеденты, которые легли в основу других послевоенных трибуналов и норм статута постоянного международного уголовного суда. На наш взгляд, Нюрнбергский трибунал является тем редчайшим событием, когда требования справедливости преодолели буквальные ограничения формального понимания принципа верховенства права. Союзники не отомстили побежденным, а наказали их в точном соответствии с нормами права, правилами и юридическими процедурами. В конечном итоге Нюрнбергский процесс стал символом победы права над варварством. Он доказал, что зло, даже самого высокого государственного уровня, можно наказать.

Список цитированных источников

1. Tomuschat, C. The Legacy of Nuremberg / C. Tomuschat // Journal of International Criminal Justice. – 2006. – Vol. 4 (4). – P. 830–844.
2. Ramler, S. The Origin and challenges of Simultaneous Interpretation: the Nuremberg Trial Experience / S. Ramler // Interpretation Studies. – 2007. – No. 7. – P. 7–18.
3. Jackson, A. The Nuremberg trial and contributions to the development of international humanitarian law: an appraisal / A. Jackson, G. Nelson // Wukari International Studies Journal. – 2024. – Vol. 8 (9). – P. 14–21.
4. Ferencz, B. Nurnberg Trial Procedure and the Rights of the Accused / B. Ferencz // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1948. – Vol. 39 (2). – P. 144–151.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 2 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ВЛИЯНИЕ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА НА НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Бань Н. Ю.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры международного права

Шилкин П. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
студент

Влияние системы Версальского мирного договора на становление практик Нюрнбергского процесса представляет собой одну из ключевых тем в истории международного права. Для того чтобы понять, почему именно Нюрнберг стал точкой перелома, необходимо проследить длительное развитие правовых представлений о войне и ответственности за ее развязывание, начиная с конца XIX в. и завершая формированием новой модели международной юстиции после 1945 года.

До Первой мировой войны международное право существовало преимущественно как система договорных норм, регулирующих отношения между государствами. Оно представляло собой право исключительно государств, а не индивидов. Война считалась легитимным инструментом политики, и даже Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг., которые пытались ограничить методы ведения боевых действий, не создавали действенных механизмов контроля. Это была эпоха, когда правовые нормы выполнялись только при наличии воли самих государств, поэтому реальной ответственности за развязывание войны или массовые преступления не существовало. Международное право оставалось фрагментарным, а его влияние – ограниченным. Преступления совершались государственными структурами и армиями, но ответственность не возлагалась на конкретных руководителей, что создавало правовой вакуум, в котором даже самые разрушительные деяния не могли быть квалифицированы как преступления в юридическом смысле.

Первая мировая война показала несостоятельность прежней системы. Разрушения были столь масштабны, что международное сообщество впервые заговорило о необходимости осуждать и наказы-

вать не только государство как абстрактную сущность, но и конкретных лиц, принимавших решения. Эти идеи нашли отражение в Версальском мирном договоре 1919 г. и связанных с ним договорах (созданный правовой режим получил название Версальско-Вашингтонской системы).

Важным звеном Версальской системы и ее гарантом была призвана стать новая международная организация – Лига Наций. В ее Устав, вступивший в силу в январе 1920 года, и в ряд резолюций международных органов, созданных под его эгидой, были включены положения, направленные на то, чтобы поставить агрессию вне закона. В Уставе было закреплено обязательство уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги [1, с. 20].

Однако Версальская система не смогла стать новой платформой для международного правосудия. Правовые механизмы, заложенные в договоре, оказались недееспособными, поскольку великие державы не проявили достаточной политической воли к созданию эффективного международного трибунала.

Ярким примером стали Лейпцигские процессы (серия уголовных процессов над германскими военными преступниками во время Первой мировой войны 1921–1927 гг.). Германия получила право самостоятельно судить своих военных преступников, и эта практика завершилась провалом. Из сотен обвинений реальные судебные дела состоялись лишь по нескольким эпизодам, а наказания были символическими. Данный подход продемонстрировал неспособность Версаля обеспечить справедливость и показал весь масштаб слабости международного права. Механизм, при котором государство судит само себя, оказался принципиально нежизнеспособным. Лейпциг стал правовым уроком мировой значимости, ведь он выявил разрыв между декларируемой необходимостью наказания виновных и отсутствием структур, способных реализовать эту необходимость [2].

Проблемы Версальского порядка усиливались еще и тем, что Лига Наций не обладала реальными полномочиями для предотвращения агрессии или наказания нарушителей. Несогласованность великих держав, отсутствие единых санкционных механизмов и разрывы в политических интересах привели к тому, что международное сообщество оказалось неспособным остановить новую волну милитаризма. В это время в Германии формировались правовые и политические идеологии, использовавшие образ Версаля как символ национального унижения. Это способствовало росту радикальных настроений и воспринималось как доказательство того, что международное право представляет собой инструмент давления, а не справедливости.

Именно в такой атмосфере развивались дискуссии, описанные в статье З. Бойера. Он подчеркивает, что после Первой мировой войны существовала готовность реформировать международное право, но эта

готовность так и не была воплощена в полноценные институты. Между теоретическим осуждением агрессивной войны и реальными практиками лежала пропасть [3].

Позиция ведущих капиталистических стран привела к постепенному усилению положения фашистского блока – Германии, Италии и Японии. Безнаказанно А. Гитлер нарушил ряд условий Версальского договора, восстановив всеобщую воинскую повинность в 1935 году и оккупировав в 1936 году Рейнскую демилитаризованную зону. Отсутствие адекватной реакции со стороны стран Запада на такие шаги открыло возможности для дальнейшей агрессии. Развязавшие Вторую мировую войну фашистская Германия и ее союзники грубо нарушили нормы международного права.

После 1945 года международное сообщество оказалось перед необходимостью переосмыслить весь международно-правовой механизм. Нюрнбергский трибунал стал ответом на провалы Версальской эпохи. Его значение заключается в том, что впервые ответственность была возложена не на государство, а на конкретных лиц: политических лидеров, министров, военных командиров, руководителей карательных структур. Концепция индивидуальной уголовной ответственности стала фундаментом новой правовой системы. Впервые агрессивная война была признана преступлением против мира, впервые были сформулированы преступления против человечности, а геноцид был юридически охарактеризован как деяние, нарушающее основу человеческого существования [4].

Нюрнбергский процесс отличался от Версаля не только постановкой вопроса об ответственности, но и методами ее реализации. Он опирался на международную кооперацию четырех держав (СССР, Великобритания, Франция и США), которые создали общий правовой механизм и согласовали процессуальные стандарты. Суд основывался на доказательствах, представленных в виде документов, материалов разведки, кинохроники, протоколов совещаний руководства Третьего рейха. Все это создало новую правовую и историческую культуру, в которой преступления против человечности перестали быть абстракцией и превратились в юридический факт, подкрепленный доказательствами.

Нюрнбергский подход заложил фундамент международного уголовного права второй половины XX в. Именно здесь возникла идея о том, что некоторые преступления настолько тяжки, что они не могут оставаться внутренним делом государства. Формирование доказательной базы по обвинению нацистских структур в преступлениях против человечности осуществлялось на основании преступлений, совершенных на территории Беларуси. Материалы Чрезвычайной государственной комиссии, свидетельства уничтожения деревень, доказательства массовых убийств мирных жителей вошли в состав нюрнбергских документов. Международное право получило новые категории, новые процедуры и новый статус. В дальнейшем эти принципы нашли отражение в Женевских

конвенциях, Конвенции о геноциде, Уставе Международного уголовного суда и многочисленных механизмах, примененных при разбирательствах по Югославии, Руанде и другим конфликтам.

В заключение можно сформулировать следующие основные выводы.

Система международного права, сформировавшаяся после Первой мировой войны, показала свою слабость: отсутствие персональной ответственности, фрагментарность норм и зависимость их исполнения от политической воли государств сделали ее неспособной предотвратить крупный международный конфликт и обеспечить наказание виновных.

Версальский мирный договор закрепил ошибочную концепцию коллективной вины Германии и не создал эффективного судебного механизма. Лейпцигские процессы продемонстрировали практическую несостоятельность идеи самосуда государства над собственными военными преступниками, что окончательно подорвало доверие к межвоенной правовой системе.

Нюрнбергский процесс стал принципиальным поворотом в международном праве. Он впервые утвердил индивидуальную уголовную ответственность за преступления против мира и человечности, создал новые юридические категории и показал возможность реального международного правосудия. Эта модель легла в основу дальнейшего развития международного уголовного права.

Переход от Версаля к Нюрнбергу обозначил смену парадигмы: от наказания государства как абстрактного субъекта к ответственности конкретных лиц. Именно эта трансформация стала фундаментом современной системы международного правопорядка и определила подход к предотвращению и наказанию наиболее тяжких преступлений.

Список цитированных источников

1. Бусел, А. А. Международное публичное право : курс лекций / А. А. Бусел. – Мн. : БИП, 2020. – 48 с.
2. Лейпцигские процессы // Википедия. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейпцигские_процессы_\(1921\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейпцигские_процессы_(1921)) (дата обращения: 17.11.2025).
3. Bohrer, Z. World War I: A Phoenix Moment in the History of International Law? / Z. Bohrer // European Journal of International Law. – 2022. – Vol. 33, № 3. – P. 851–875. – URL: <https://academic.oup.com/ejil/article/33/3/851/6717874> (date of access: 13.11.2025).
4. Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие подтверждение в приговоре Трибунала. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 13.11.2025).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Бакуленко Т. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
международного права

После окончания Второй мировой войны и капитуляции нацистской Германии Международный военный трибунал судил главных нацистских преступников на суде в Нюрнберге за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества. В период с 1946 по 1949 год в Нюрнберге были проведены 12 последующих судов [1, с. 213].

Еще во время войны правительства стран антигитлеровской коалиции заявили о своем намерении наказать военных преступников. Международный военный трибунал должен был вынести приговор виновникам, которые запланировали, выполнили, организовали или приказали осуществить преступления против мира и человечности. Название «международный», данное трибуналу, призвано было подчеркнуть универсальность и всемирное значение его решений [1, с. 199].

Нюрнбергский процесс был первым судом в истории, осуществленным независимой международной судебной инстанцией. Были рассмотрены обвинения против главарей диктаторского режима, государственных и военных деятелей, совершивших преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Судебный процесс состоялся в соответствии с правовыми нормами, у обвиняемых было право на профессиональную защиту. Речь не шла об ускоренном судопроизводстве и о казни без суда по воле победителей, как вначале предлагали некоторые из лидеров антигитлеровской коалиции. Судьями были представители стран-победительниц – СССР, США, Великобритании и Франции.

В Нюрнбергском процессе на практике были реализованы фундаментальные принципы судопроизводства – законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, обеспечения права на защиту, гласности, независимости суда [2].

Подсудимых защищали 27 наиболее видных адвокатов Германии. Они имели право представлять доказательства, заявлять ходатайства, подвергать перекрестному допросу любого свидетеля. В ходе процесса было допрошено вдвое больше свидетелей защиты, чем обвинения. И если на предъявление доказательств обвинения ушло 74 дня, то защита представляла доказательства 133 дня. Из 403 судебных заседаний не было ни одного закрытого, а 250 из 350 мест в зале отдали корреспондентам, которые передавали сообщения о ходе процесса во все страны.

Трибунал постановил, что руководители, организаторы, подстрекатели и помощники в осуществлении преступных действий, участвовавшие в принятии решений или в практическом исполнении их, или имевшие другую связь с преступлениями, несут ответственность не только за свои непосредственные действия, но и за все преступления, совершенные любым другим лицом в порядке осуществления этого плана или заговора. Было введено определение преступных организаций, членство в которых является преступлением. Это решение было принято, чтобы избежать тех случаев, когда подсудимый уклоняется от ответственности на том основании, что нельзя доказать его ответственность за определенные преступные действия. Преступными организациями были объявлены верхушка нацистской партии, СС, Гестапо и СА. Один из советских судей, выражая мнение меньшинства суда, утверждал, что преступными организациями следует признать также правительство Рейха, генеральный штаб Вермахта и его верховное главнокомандование [4, с. 170].

На основе решений Международного трибунала был сформулирован принцип, согласно которому законной войной признается только отражение агрессии. Этот принцип лег в основу современного международного права. Решения Международного трибунала в Нюрнберге стали основой для привлечения к ответственности и других военных преступников в Европе и на Дальнем Востоке. В 1946–1949 гг. в Нюрнберге американцами проводились суды над промышленниками, нацистскими врачами, дипломатами и юристами, над убийцами заложников, над руководителями айнзацгрупп, над ответственными лицами Главного управления по делам расы и колонизации. В Польше прошли процессы по обвинению руководства лагерей уничтожения Аушвиц и Трешлинка. Состоялись и другие судебные слушания, такие, например, как процесс над Адольфом Эйхманом в Израиле.

Огромную роль в организации процесса, в сборе неопровержимых улик преступлений нацистов сыграла советская группа во главе с Главным обвинителем от СССР Романом Руденко – действующим прокурором Украинской ССР, генерал-лейтенантом юстиции. Во многом благодаря Роману Андреевичу Нюрнбергский трибунал стал процессом высокого уровня правовой проработанности. Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и услышал весь мир. Роман Руденко был инициатором доставки в Нюрнберг Фридриха Паулюса – командующего разгромленной под Сталинградом 6-й армии вермахта. В феврале 1943 года Ф. Паулюса привезли в Красногорский лагерь для иностранных военнопленных № 27, а в Нюрнберге он стал главным свидетелем со стороны СССР. Паулюс подтвердил, что лично участвовал в разработке стратегии нападения на Советский Союз – плана «Барбаросса», который был готов к осени 1940 года, то есть задолго до начала Великой Отечественной войны [4, с. 189].

Все обвинения в отношении нацистских преступников, представших перед Нюрнбергским трибуналом, относились к одному из четырех разделов. Первый был связан с планами нацистской партии и ведением агрессивных войн, второй касался преступлений против мира с формулировкой об участии подсудимых в «планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, которые также являлись войнами в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств». Третий раздел именовался «Военные преступления». Четвертый – «Преступления против человечности».

Свидетельства очевидцев, документальные доказательства, представленные обвинением на Нюрнбергском процессе, – это не только источник изучения Холокоста, но и мощное средство в борьбе против геноцида и других преступлений против человечности.

Опыт судебной практики Нюрнберга открыл путь для формулирования и закрепления принципов и норм международного уголовного правосудия. Свое закрепление и признание они нашли в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Спустя четыре года Комиссия международного права утвердила отчет о Принципах международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала [5].

Исторический процесс осуждения нацизма и его фундаментальные выводы должны занимать центральные позиции в международном праве, а значит гарантировать, что варварства, которые вершили приверженцы идеологии Третьего рейха в годы Второй мировой войны, никогда не повторятся.

Нюрнбергский процесс стал беспрецедентным событием в истории, так как после крупных войн обычно собирались конгрессы, на которых решались судьбы мира, но не виновников войн.

О Нюрнбергском процессе написаны сотни трудов, по его материалам изданы многочисленные сборники документов, но и сегодня эта тема вызывает интерес и звучит актуально, а также играет важную роль в системе государственно-патриотического воспитания молодежи.

Список цитированных источников

1. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф. Ф. Мартенс :— М., 2016. — Т. 2. — 432 с. — URL: https://simagp.ru/nurberg/sbor_ner2023_2.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
2. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg. 14 November 1945 10 October 1946. — Nuremberg, 1947–1949. — Vol. 1–42.
3. Фисенко, И. В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве / И. В. Фисенко. — Мн. : Тезей, 2000. — 256 с. — URL: https://simagp.ru/nurberg/sbor_ner2023_2.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
4. Рыбаков, Ю. М. Вооруженная агрессия — тягчайшее международное преступление / Ю. М. Рыбаков. — М. : Юрид. лит., 1980. — 216 с. — URL: https://simagp.ru/nurberg/sbor_ner2023_2.pdf (дата обращения: 17.11.2025).
5. Бахтигареева, А. Р. История возникновения и развития международного уголовного права // Московский журнал международного права. — 1995. — № 2. — С. 104–110. — URL: https://simagp.ru/nurberg/sbor_ner2023_2.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ¹

Вилкова Т. Ю.

Российская Федерация, г. Москва
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина,
и. о. заведующего кафедрой
уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской,
доктор юридических наук, доцент

Обеспечение мира и безопасности человечества является необходимым условием формирования справедливого общества и благополучия России и других государств.

Для обеспечения мира и безопасности требуются усилия всех государств. При этом чрезвычайно важное значение имеет укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления. Это требует продолжения проводимого Российской Федерацией курса на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала, в том числе военно-промышленного. Для этого необходимы согласованные действия всех государственных органов, гражданского общества, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития, обеспечения безопасности государства.

Наибольшую опасность для мира и безопасности человечества представляют собой преступления соответствующей направленности. Привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества, обусловлено необходимостью обеспечения международного мира, безопасности человечества и мирного сосуществования государств, сохранения территориальной целостности Российской Федерации, политической, экономической и социальной стабильности государства, а также осуществления основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь.

---

¹ Доклад подготовлен в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы» (FSMW-2023-0006). Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

В этой связи необходимо подчеркнуть недопустимость пересмотра итогов Второй мировой войны, которые нашли отражение в документах международных и национальных судебных процессов.

Особое значение для обеспечения мира и безопасности человечества имеет Нюрнбергский судебный процесс.

Соглашение об учреждении Международного военного трибунала для суда над главными немецкими преступниками, Устав и Приговор Нюрнбергского трибунала заложили основы для признания правосубъектности индивида в международном праве, оказали влияние на формирование основ современного международного права в целом; сформулировали принципы международного уголовного права и международного уголовного процесса; кодифицировали существовавшие нормы международного права о преступном характере тех или иных деяний и установили конкретные меры ответственности за их совершение, заложили структуру и механизм международной уголовной юстиции, осуществляющей свою деятельность на основе этих принципов международного уголовного судопроизводства; создали международно-правовую базу для суда над военными преступниками, независимо от их ранга и служебного положения.

Последовавшие позднее процессы – Международный трибунал в Токио, Хабаровский судебный процесс над бывшими военными японской Квантунской армии, Полтавский, Брянский, Хабаровский, Рижский процессы, схожие судебные процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, как и Нюрнбергский трибунал, положили начало утверждению норм и принципов современного международного права, касающихся прежде всего наказаний за военные преступления и преступления против мира и человечности.

Между тем деятельность современных органов международного уголовного правосудия и Международного уголовного суда, Международного суда ООН и региональных судебных органов по защите прав человека в настоящее время характеризуется негативной и опасной тенденцией пересмотра политических итогов Второй мировой войны и вынесением политизированных, необъективных решений.

В частности, это проявилось в деятельности Международного уголовного трибунала, учрежденного в мае 1993 года Организацией Объединенных Наций для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Трибунал стал первым после Нюрнбергского трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока международным органом для рассмотрения дел о военных преступлениях, преступлениях против человечности и геноциде. Однако важное отличие состоит в том, что в Нюрнберге и Токио победители судили побежденных, а Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии является органом

международного сообщества, который рассматривает дела о преступлениях независимо от того, на чьей стороне были те, кто их совершили.

Деятельность Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии подвергается критике со стороны России и сербских властей за имеющуюся в его работе необъективность, выливающуюся в гораздо большее число осужденных сербов и более строгие приговоры в их отношении, чем в отношении хорватов, боснийских мусульман и косовских албанцев. Критике подвергается и неоказание необходимой медицинской помощи в период судебного процесса экс-президенту Югославии Слободану Милошевичу, который скончался в следственном изоляторе несмотря на то, что врачи и адвокаты просили судей обеспечить ему необходимое лечение.

Негативные тенденции прослеживаются и в деятельности Международного уголовного суда, который не оправдал возложенных на него надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия. На различных площадках, в том числе в Генеральной Ассамблее и Совете безопасности ООН, отмечалась неэффективная и односторонняя работа суда в рамках рассматриваемых им дел. Обеспокоенность вызвало и отношение Международного уголовного суда к событиям в августе 2008 года, когда во время режима Михаила Саакашвили убийство российских миротворцев породило со стороны Международного уголовного суда обвинения в адрес югоосетинских ополченцев и российских военнослужащих, а расследование действий и приказов грузинских должностных лиц было целенаправленно отдано на усмотрение грузинского правосудия и осталось за пределами внимания прокуратуры Международного уголовного суда. В связи с этим в 2016 году Россия вышла из Римского статута Международного уголовного суда. Обоснованность недоверия к суду была подтверждена позднее, когда 17 марта 2023 г. Международным уголовным судом в Гааге был выдан ордер на арест президента РФ В. В. Путина и уполномоченного по правам ребенка в России М. А. Львовой-Беловой.

Ярким примером тенденции глобального пересмотра политических итогов Второй мировой войны в решениях международных судебных органов стало постановление Большой палаты Европейского суда по правам человека от 17 мая 2010 г. по делу «Кононов против Латвии», которым Большая палата санкционировала ретроспективное применение уголовного закона и создала прецедент фактического уравнивания воинов-антифашистов с гитлеровскими преступниками, что открыло дорогу к глобальному пересмотру политических итогов Второй мировой войны.

В настоящее время российскими государственными органами ведется активная деятельность по борьбе с преступлениями против мира и безопасности человечества, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 353–361 Уголовного кодекса Российской Федерации. Большинство из этих преступлений являются тяжкими и особо тяжкими. В силу особого значения охраны мира и безопасности

человечества предварительное расследование по этим делам осуществляют только следователи Следственного комитета Российской Федерации [1] и органов Федеральной службы безопасности, а судебное разбирательство проводят только верховные суды республик, краевые или областные суды, суды города федерального значения, суд автономной области, суды автономного округа, окружные (флотские) военные суды [2]. Ко многим преступлениям мира и безопасности человечества не применяются сроки давности.

Имеет позитивное значение предупреждение, выявление, пресечение административных правонарушений, таких, как, например, пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций (ст. 20.3 КоАП РФ).

Тенденция глобального пересмотра политических итогов Второй мировой войны тесно связана с совершением рядом государств недружественных действий против России, что потребовало, в частности, проведения специальной военной операции с целью денацификации и демилитаризации Украины, ее нейтрального статуса.

В этой связи особое значение приобрели вопросы привлечения к ответственности украинских силовиков и представителей националистических вооруженных формирований, причастных к совершению преступлений против мира и безопасности человечества, включая геноцид, жестокое обращение с гражданским населением и применение в вооруженном конфликте запрещенных средств и методов, и одновременно – установление уголовно-правовых и уголовно-процессуальных гарантий прав обвиняемых, которые осуществляют деятельность по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности.

В этих условиях возрастает роль дальнейшего сотрудничества государств, приверженных делу мира, в первую очередь – Российской Федерации и Республики Беларусь. Успешная деятельность правоохранительных и судебных органов обоих государств по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений против мира и безопасности человечества, возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел о преступлениях против мира и безопасности человечества должна быть продолжена.

В целях развития международного сотрудничества в указанном направлении следует предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве возможность создания совместных межгосударственных оперативно-следственных групп, дальнейшее развитие обмена опытом по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений против мира и безопасности человечества на ведомственном и межведомственном уровне [3], обмен данными о судебных решениях по уголовным и административным делам указанной направленности, военно-мемориальное сотрудничество [4] и др.

Список цитированных источников

1. Федоров, А. В. Уроки Нюрнберга: преступления против мира и безопасности человечества в практике Следственного комитета Российской Федерации / А. В. Федоров // Юридический мир. – 2021. – № 1. – С. 56–61.
2. Калганов, М. Г. Практика расследования преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма) / М. Г. Калганов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3 (25). – С. 91–94.
3. Салганский, Н. Е. Становление, современное состояние и тенденции дальнейшего развития международного судебно-экспертного сотрудничества Российской Федерации / Н. Е. Салганский // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 69–72.
4. Корсак, А. И. Международное военно-мемориальное сотрудничество в контексте современных реалий / А. И. Корсак // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2024. – № 2. – С. 104–119.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Гладышев В. С.

Республика Беларусь, г. Гомель
Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»,
заведующий кафедрой правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент

Нюрнбергский процесс является одним из ключевых событий в истории международного права и политической жизни XX века. Он стал поворотным моментом, когда мировое сообщество впервые в истории решило привлечь к ответственности не только отдельных лиц, но и руководителей государства за совершение преступлений против мира и человечества. Судебные заседания проходили с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в здании Дворца правосудия в немецком городе Нюрнберге. Выбор места был символичным: именно в Нюрнберге проходили партийные съезды нацистской партии, олицетворявшие мощь Третьего рейха.

Исторические предпосылки Нюрнбергского процесса сформировались еще во время Второй мировой войны. Союзные державы – СССР, США, Великобритания и Франция – понимали необходимость выработки международно-правового механизма, который позволил бы наказать виновных в развязывании агрессивной войны и массовых преступлениях против гражданского населения. Решение о создании Международного военного трибунала было принято на Лондонской конференции в августе 1945 года, результатом которой стала Лондонская хартия. Этот документ определил состав суда, категории преступлений и порядок судебного разбирательства [1, с. 76].

Всего перед судом предстали 24 главных военных преступника, среди которых были высшие руководители нацистской Германии – Герман Геринг, Рудольф Гесс, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Юлиус Штрейхер, Альберт Шпеер и другие. Кроме того, были осуждены шесть организаций, включая СС, СД и Гестапо, признанные преступными. Главными обвинителями выступали представители четырех союзных держав: от СССР – Роман Руденко, от США – Роберт Джексон, от Великобритании – Хартли Шоукросс, от Франции – Франсуа де Ментон. Судебные заседания велись на четырех языках – английском, французском, русском и немецком с обеспечением синхронного перевода.

Обвинительное заключение включало четыре основных пункта:

- 1) заговор с целью совершения преступлений против мира;

- 2) преступления против мира, включая планирование и развязывание агрессивных войн;
- 3) военные преступления – нарушение законов и обычаев войны;
- 4) преступления против человечности, выражавшиеся в уничтожении и порабощении мирных граждан. Судебное разбирательство стало уникальным примером документального исследования преступлений, совершенных в ходе войны. Были представлены тысячи доказательств – письменных документов, фотографий, киносъемок, свидетельств очевидцев, в том числе узников концлагерей [2, с. 112].

Значение Нюрнбергского процесса выходит далеко за пределы судебного прецедента. Он стал моральным и юридическим рубежом, определившим понятия «преступления против человечности» и «агрессивная война». Эти термины закрепились в международном праве, став важнейшими принципами послевоенного мира. Кроме того, процесс оказал огромное влияние на формирование Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Устава ООН, в которых нашли отражение идеи ответственности и верховенства права.

Современная действительность подтверждает неизменную актуальность уроков Нюрнберга. История XX и XXI вв. показывает, что стремление к наказанию виновных в тяжких преступлениях остается основой международной справедливости. Принципы Нюрнберга напоминают, что мир и безопасность возможны только при уважении человеческого достоинства, при осознании личной ответственности каждого за свои действия, независимо от обстоятельств и приказов.

Таким образом, Нюрнбергский процесс не только осудил прошлое, но и сформировал моральные и правовые ориентиры для будущего. Нюрнбергский процесс по праву считается одним из величайших достижений человечества в сфере права и справедливости. Он стал не только судом над преступниками Второй мировой войны, но и важнейшим этапом в развитии международных отношений и правовых норм. Главный его результат заключается в том, что впервые в истории была установлена персональная уголовная ответственность высших государственных деятелей за развязывание войны и совершение преступлений против человечности. Этот шаг стал юридическим и моральным прорывом, показав, что никакие должности, заслуги или приказы не могут оправдать участие в преступлениях против мира.

Процесс стал символом победы законности и разума над жестокостью и беззаконием. Он наглядно продемонстрировал, что даже в сложнейших международных условиях возможно установить справедливость, если государства объединяются ради общих принципов гуманизма и правды. Нюрнберг положил начало формированию новой системы международного правопорядка, основанного на верховенстве права, уважении человеческой личности и недопустимости агрессивных войн.

Важно подчеркнуть, что Нюрнбергский процесс имел не только юридическое, но и глубокое моральное значение. Он стал уроком для

будущих поколений, напоминанием о том, к каким последствиям приводит пренебрежение гуманистическими ценностями. В современном мире, где конфликты и насилие по-прежнему угрожают стабильности, идеи Нюрнберга служат моральным ориентиром для государств, политиков и граждан. Память о суде над нацизмом остается важнейшей частью исторического сознания человечества и средством предотвращения новых трагедий [3, с. 142].

Подводя итог, можно сказать, что значение Нюрнбергского процесса заключается в его универсальности. Он утвердил главную идею: никто не имеет права нарушать основы человечности без последствий. Этот принцип должен оставаться незыблемым и сегодня, когда человечество сталкивается с новыми вызовами и угрозами. Только при сохранении духа Нюрнберга, основанного на правде, ответственности и справедливости, возможно построить мир, свободный от войн и насилия.

Список цитированных источников

1. Лобанов, С. А. Нормативные и институциональные основы ответственности за военные преступления: международно-правовое исследование : монография / С. А. Лобанов. – М. : Изд-во «Юрайт», 2018. – 382 с. – URL: www.biblio-online.ru/book/8A5982D0-0AA2-45A1-B58AA36E78617CA8 (дата обращения: 10.09.2025).
2. Лондонская хартия Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. // Сб. междунар. документов. – М., 1990. – URL: www.biblio-online.ru/book/9A6739D0-0AA2-65A1-B67AA34E857492CA9 (дата обращения: 10.09.2025).
3. Смирнов, А. Нюрнбергский процесс: история и значение / А. Смирнов. – М. : Наука, 2015. – 410 с. – URL: www.biblio-online.ru/book/7A4956D0-0AA3-31A1-B34AA11E34512CA5 (дата обращения: 10.09.2025).

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ МЕДИЦИНУ

Громько В. В.

Республика Беларусь, г. Гомель
Гомельский филиал
Международного университета «МИТСО»,
преподаватель кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
магистр права

Нюрнбергский процесс – это одно из важнейших событий в истории международного права, проведенное после окончания Второй мировой войны для привлечения к ответственности нацистских лидеров и участников преступлений войны. Помимо политических и военных аспектов, особое значение имеет «дело докторов» – судебное разбирательство над врачами и учеными, участвовавшими в бесчеловечных экспериментах. Этот процесс стал фундаментом для формирования этических стандартов в медицине и оказал существенное влияние на развитие международных норм в области медицинской этики [1].

В период с марта 1941 года по январь 1945 года на территории концентрационных лагерей Аушвиц и Равенсбрюк проводились научные исследования, направленные на разработку методов стерилизации. Эксперименты включали применение рентгеновского излучения, хирургических вмешательств и химических препаратов. Основной целью данных исследований являлось создание протокола массовой стерилизации, характеризующегося высокой эффективностью при минимальных временных и ресурсных затратах.

С июля 1942 по декабрь 1943 года в Равенсбрюке проводились эксперименты по заражению заключенных смертельно опасными бактериями, включая стрептококк, газовую гангрену и столбняк. Для создания условий, схожих с боевыми ранениями, у подопытных искусственно нарушали кровообращение в конечностях, сужая сосуды. Инфекции вводились в раны с помощью посторонних материалов, таких как древесные опилки и осколки стекла. Лечение проводилось с использованием сульфаниламидов и других препаратов, чтобы оценить их терапевтический эффект. В этом же лагере проводились исследования по восстановлению костной, мышечной и нервной тканей, а также трансплантации костей путем удаления фрагментов этих тканей у заключенных.

В концентрационном лагере Бухенвальд проводились опыты по изучению действия различных ядов. Эти вещества тайно подмешивались в пищу заключенных. Часто жертвы умирали от отравления либо их убивали сразу после эксперимента для проведения вскрытия. Ближе к концу войны в этих экспериментах стали применять отравленные

пули. В результате исследований, направленных на оценку эффективности вакцин против тифа и других заболеваний, в Бухенвальде погибло более 90 % участников.

Помимо концлагерей, нацисты осуществляли программу «Т-4», представлявшую собой систематическое уничтожение людей, которых они считали «недостойными жизни». Жертвами становились пациенты психиатрических клиник, инвалиды, люди с различными заболеваниями (шизофрения, эпилепсия, энцефалит, умственные расстройства и другие), а также дети неарийского происхождения. Ответственность за эту чудовищную программу нес личный врач Гитлера доктор Карл Брандт.

После войны, в 1946–1947 гг., состоялся первый судебный процесс по «делу докторов», где главным обвинителем был американский бригадный генерал Тефорд Теглоф. На скамье подсудимых оказались руководители медицинских служб Вермахта, Люфтваффе, Ваффен-СС и гражданской медицины, а также рядовые врачи и медсестры, включая Карла Брандта, Зигфрида Хандлозера, Паула Ростока, Оскара Шрёдера, Карла Генцкена и еще 18 человек.

Судебный процесс был сосредоточен на обвинениях в принудительных медицинских опытах, эвтаназии, стерилизации и убийствах заключенных. Перед началом слушаний все обвиняемые отрицали свою вину. Представители высшего эшелона немецкой медицинской системы пытались снять с себя ответственность за действия своих подчиненных, ссылаясь на исполнение приказов. Один из врачей заявил, что, будучи государственным служащим с 43-летним стажем, он был воспитан в духе беспрекословного подчинения приказам и законам, поэтому Декрет об эвтаназии воспринимался им как закон. Он утверждал, что действовал не со злым умыслом, а из сострадания к «несчастливым созданиям», стремясь облегчить их страдания, когда другие методы были невозможны. Медсестра же объяснила свое участие в этих событиях тем, что была вынуждена подчиняться указаниям врача, следуя своей профессиональной клятве. Она признала, что, хотя сейчас ей говорят о том, что клятва обязывала лишь к молчанию, а не к убийству, кто-то должен был выполнять эти приказы, и ей было поручено это сделать, поскольку врач ей доверял.

Все преступления, перечисленные в обвинительном заключении, нашли свое подтверждение. Карлу Брандту вменили особую ответственность за эксперименты над людьми, а также за членство в СС. Брандт был приговорен к смерти за военные преступления, преступления против человечности и участие в преступных организациях. Таковую же меру наказания получили еще шесть преступников, среди которых Карл Франц Гебхардт, Вольфрам Зиверс, Иоахим Мруговский, Вальдемар Ховен. Смертные приговоры были приведены в исполнение 2 июня 1948 г.

Вместе с вынесением обвинительного приговора, который не подлежал обжалованию, американские судьи сформулировали так называемый Нюрнбергский кодекс, где были обозначены этические нормы для

проведения медицинских экспериментов в будущем. Основным постулатом стало обязательное получение «информированного добровольного согласия», а также отсутствие у участников физических и психических страданий и повреждений [2].

Этот кодекс, состоящий из десяти пунктов, называют «десятью заповедями» современных медиков и ученых – именно он лег в основу современной деонтологии. Через год после окончания Нюрнбергского «дела врачей» на Второй Генассамблее Международной медицинской ассоциации была принята Женевская декларация, ставшая современным вариантом клятвы Гиппократова. Один из ее пунктов гласит: «Я буду проявлять абсолютное уважение к человеческой жизни с момента зачатия и никогда, даже под угрозой, не использую своих медицинских знаний в ущерб нормам гуманности».

Нюрнбергский процесс над «ангелами смерти» стал ключевым событием, которое задавало новые этические стандарты для медицины. Он продемонстрировал, что врачи, отвечающие за здоровье и жизни людей, могут стать участниками преступлений против человечества, если нарушают моральные принципы и юридические нормы. Этот процесс послужил важным уроком и отправной точкой для развития этической ответственности медицины и международного права.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергские процессы. – URL: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/about/end-of-war-aftermath/nuremberg-trials.html> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Нюрнбергский судебный процесс: ангелы смерти на скамье подсудимых. – URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/gedenkdaten/nuernberger-aerzt-prozesse-1930778> (дата обращения: 17.11.2025).

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ И ПОЛИТИКИ ГЕНОЦИДА**

Лапанович С. Ф.

Республика Беларусь, г. Минск

Академия Министерства внутренних дел

Республики Беларусь,

доцент кафедры теории и истории государства и права,

кандидат исторических наук, доцент

Великая Отечественная война была ключевым событием в истории белорусского и других народов бывшего СССР в XX веке. На захваченных территориях нацисты установили жесточайший оккупационный режим, который поставил на грань выживания весь советский народ. Учитывая гигантские человеческие жертвы и материальные потери, именно белорусский народ стал одним из самых пострадавших в этой страшной войне, что подтверждено выводами специального расследования. В 2021 году Генеральным прокурором Республики Беларусь принято решение о возбуждении уголовного дела по фактам совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями в ходе Великой Отечественной войны и послевоенный период на территории БССР и других государств геноцида белорусского народа. Следствием доказано, что в годы нацистской оккупации на территории Беларуси убито не менее 3 млн мирных граждан, или каждый третий житель Беларуси, было угнано в немецкое рабство более 380 тыс. человек (включая детей), многие из которых погибли от невыносимых условий эксплуатации, разрушено свыше 200 городов, сожжено более 12,3 тыс. сел и деревень [1, с. 9]. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» «совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа».

Уже в ноябре 1942 года в Советском Союзе была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Чрезвычайная комиссия рассмотрела и изучила 54 тыс. актов и свыше

250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о преступлениях нацистов и их союзников (в советской историографии – фашистов). На территории БССР эта работа проводилась с начала 1944 года [2, с. 250]. Сообщения и акты Чрезвычайной комиссии стали одним из важнейших доказательств обвинения в Нюрнберге, а сотрудник комиссии был включен в состав советской делегации на процессе. Как отмечает Н. С. Лебедева, собранные комиссией материалы позволили уже в 1943 году провести судебные процессы над военными преступниками в Харькове и Краснодаре, и позже, в 1945–1946 гг., – в Минске, Ленинграде, Смоленске и в других городах [3, с. 19–67].

На территории Советского Союза важнейшую роль в расследовании злодеяний нацистских преступников и их сообщников сыграли (во взаимодействии с Народным комиссариатом государственной безопасности (НКГБ)) органы внутренних дел, которые были структурным подразделением Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Началом восстановления деятельности милиции в Беларуси можно считать осень 1943 года, когда были освобождены от нацистов юго-восточные районы республики. Освобожденные территории лежали в руинах, в лесах скрывались остатки разгромленных нацистов. В таких условиях непосредственному возобновлению работы территориальных органов милиции и госбезопасности на освобожденной территории республики предшествовала предварительная работа, для которой были привлечены оперативно-чекистские группы [4, с. 48–49]. Оперативно-чекистские группы были созданы в годы войны для помощи партизанам, действовавшим на занятой врагом территории СССР. Создавались и новые оперативно-чекистские группы, которые одновременно с передовыми частями Красной армии прибывали в освобожденные от гитлеровских войск районы. Их задача – принимать самые неотложные меры по восстановлению разрушенного хозяйства, оказывать помощь войскам Красной армии, обеспечивать общественный порядок, брать на учет всех прислужников нацистов, проводить сбор трофейного оружия и т. д.

Работа по восстановлению деятельности милиции активно продолжалась по мере освобождения территории республики в 1944 году в ходе операции «Багратион». С учетом потерь военного времени в данный период одной из самых острых проблем органов милиции являлся недостаток квалифицированных кадров.

Сложные социально-экономические условия послевоенного времени стали одной из главных причин появления высокого уровня преступности. Результатом послевоенной разрухи был очень низкий материальный уровень жизни советских граждан, большая часть населения на территориях, попавших под нацистскую оккупацию, была доведена до нищенского существования.

Отрицательно на оперативную обстановку в республике повлияли и последствия массовой миграции (переселения) мирного населения, которая была вызвана разными причинами. Правоохранительные органы

внимательно отслеживали процесс репатриации (возвращения) как советских граждан, оказавшихся в нацистском плену или угнанных на работу в Германию, так и бывших военнопленных. Определенная часть мирных жителей возвращались в западные районы СССР из эвакуации, куда направлялись в начальный период войны. В 1945 году началась демобилизация солдат Красной армии, процесс которой завершился в основном лишь в 1948 году.

Обострению криминогенной ситуации содействовали детская безнадзорность и беспризорность: в разрушенных городах и деревнях дети и подростки бродяжничали, голодали, многие из них могли вовлекаться в преступную деятельность. Росту уголовной преступности способствовало в том числе наличие большого количества боевого трофейного оружия, находившегося у населения. Нередко это оружие попадало в руки преступников, которые использовали его в противозаконных действиях и террористических актах [5].

Структура органов милиции после их восстановления в республике изменилась незначительно по сравнению с довоенным периодом. НКВД БССР состоял из нескольких управлений и отделов. Ключевая роль в системе НКВД принадлежала Главному управлению милиции как по задачам, возложенным на органы милиции, так и по количественному составу. По конкретным направлениям деятельность осуществляли отделы Главного управления милиции: политический, уголовного розыска, по борьбе с хищениями социалистической собственности, службы и боевой подготовки; государственной автомобильной инспекции; оперативный, виз, регистрации и загс, паспортный стол, отделение научно-технических средств. Кроме того, в Главное управление милиции входили отделения пропаганды и агитации, культурно-просветительной работы, а также редакция газеты «На страже Октября» [5].

В число отделов, входивших непосредственно в НКВД БССР в качестве самостоятельных единиц, следует назвать отделы кадров, профилактики преступлений, перевозок, технического обслуживания, борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Имелся в наркомате и отдел контрразведки «Смерть шпионам», образованный в годы войны для борьбы с диверсантами, шпионами, вражеской агентурой. Крупным подразделением наркомата было пожарное управление, а также штабы противовоздушной обороны и истребительных батальонов. Впоследствии возникло еще одно управление – по борьбе с бандитизмом (УББ) [5].

Отметим, что деятельность милиции осуществлялась по нескольким направлениям, часть из которых имела специфический характер. Круг основных задач НКВД включал борьбу с бандитизмом и повстанческими формированиями, охрану госграниц, борьбу с уголовной преступностью и хищением социалистической собственности, охрану общественного порядка и личной безопасности граждан, организацию проведения паспортной системы, обеспечение изоляции преступников и их трудовое

использование, содержание, охрану и трудовое использование военнопленных и интернированных, охрану железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, организацию пожарной охраны и местной противовоздушной обороны, борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, выполнение оборонных, народно-хозяйственных и специальных заданий правительства. Народным комиссаром внутренних дел республики был назначен генерал-лейтенант внутренних войск С. С. Бельченко [5].

С середины 1943 года, когда в распоряжение органов внутренних дел начали большими массами поступать вражеские пленные, возникает такое новое направление в деятельности органов правопорядка, как оперативные и следственные мероприятия по выявлению и привлечению к ответственности военных преступников. В начале января 1944 года Управлению по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР (в 1944–1951 гг. – Главное управление военнопленных и интернированных (ГУПВИ)), республиканским НКВД и УНКВД краев и областей была разослана директива № 28/00/186сс «О выявлении среди военнопленных участников зверств». Она предписывала мобилизовать внимание всего оперативного состава лагерей военнопленных на выявление оперативным и следственным путем среди военнопленных (особенно немцев) участников совершения зверств в отношении советских граждан в оккупированных районах СССР и документировать их преступную деятельность. Все добытые материалы о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков поступали в оперативно-чекистский отдел (ОЧО) ГУПВИ НКВД СССР [5].

Переход к мирному строительству вызвал изменения в структуре управления. После окончания Второй мировой войны СССР как странопобедительница вышел на международную арену и стремился расширить свое политическое и идеологическое влияние. Возникла необходимость унификации (пусть и формальной) советских правительственных органов с международными аналогами. 18 марта 1946 г. V сессия Верховного Совета СССР приняла Закон о преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР, а народных комиссариатов – в министерства. НКВД СССР преобразовывается в Министерство внутренних дел (МВД) СССР. 26 марта 1946 г. НКВД БССР был переименован в Министерство внутренних дел БССР [6, с. 21].

Список цитированных источников

1. Швед, А. И. О ходе и результатах расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа / А. И. Швед // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 5–11.
2. Лапановіч, С. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб.-метадапаможнік / С. Ф. Лапановіч ; Уст. адук. Акад. М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь. – 2-е выд., дап. і перапрац. – Мн. : Акадэмія МУС, 2025. – 300 с.

3. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева ; отв. ред.: А. И. Полторак. – М. : Изд-во «Наука», 1975. – 238 с.
4. Краско, Г. Г. Формирование системы органов государственной безопасности БССР в 1943–1980-е годы / Г. Г. Краско // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 48–53.
5. Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность / В. А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. И. А. Шуневича. – Мн. : Беларусь, 2017. – Т. 1. – 191 с.
6. Лапанович, С. Ф. Причины и обстоятельства преобразования Народного комиссариата внутренних дел СССР в Министерство внутренних дел СССР в 1946 г. / С. Ф. Лапанович // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2022 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Мн., 2022. – С. 20–21.

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЖЕРТВАМИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Латышев А. В.

Российская Федерация, г. Москва
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
доцент школы исторических наук,
кандидат исторических наук

По разным оценкам, от 4 до 6 млн военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны попали во вражеский плен [1, с. 22]. Расходятся и оценки числа погибших, называются цифры вплоть до 4 млн. Но несомненен огромный масштаб смертности советских военнопленных, особенно в 1941 году. Принятые национал-социалистским руководством Германии директивы о бесчеловечном обращении с пленными красноармейцами свидетельствуют о предумышленной политике их массового уничтожения [2]. Советские военнопленные – вторая после евреев по численности группа жертв нацизма. Их массовая смертность в лагерях военнопленных в конце 1941 года предшествовала Ванзейской конференции с ее «окончательным решением еврейского вопроса», показав техническую возможность уничтожения масс людей в лагерных условиях. Принудительный труд советских военнопленных в немецкой экономике, ужасные условия их содержания, убийства в лагерях военнопленных и отправка части пленных в концлагеря и лагеря смерти – все это стало частью обвинений, выдвинутых против руководства Германии в Нюрнберге, а на последующих судебных процессах – и против исполнителей преступных приказов.

Однако, несмотря на доказанность и всеобщее признание военных преступлений против них, советские военнопленные официально не признаны жертвами национал-социализма и жертвами войны вообще. В своем докладе мы хотим кратко остановиться на трех причинах такого положения дел: политика памяти и общественные настроения в послевоенной Германии, двусмысленное отношение к попавшим в плен в СССР, принятие ветеранским сообществом героизации бывших в плену в качестве единственного способа легитимации своего военного опыта.

Как указывают исследователи исторической памяти, в послевоенной ФРГ господствовал миф о «чистом вермахте», который отделялся от преступлений СС и нацистской партии [3, с. 106–108]. Не в последнюю очередь этому способствовало то, что на Нюрнбергском процессе германская армия не была признана преступной организацией. В итоге через студенческую революцию 1968 года, новую восточную политику канцлера В. Брандта и «спор историков» западные немцы шли по долгому пути признания участия армии в истреблении евреев и других преступлений против мирного населения. Инициативы отдельных

сообществ по увековечиванию памяти о советских военнопленных как о жертвах нацизма (самая известная – «Цветы для Штукенброка» [4]) не меняли общего отношения – военнопленные являются участниками войны, их страдания неизбежны, немцев нельзя упрекать в жестокости с ними обращении. Общественность ФРГ сильнее волновали судьбы соотечественников, попавших в советский плен. Хотя последние немецкие военнопленные покинули СССР еще в конце 1950-х, большие потери Германии в конце войны вместе с развалом системы их учета привели к тому, что родственники пропавших без вести, а на деле погибших солдат считали их взятыми в плен и удерживаемыми в лагерях в Сибири [5, с. 136–173].

Выход в ФРГ исследования, показавшего преднамеренный характер истребления советских военнопленных [2], не изменил отношения к ним общества. Отрицание на политическом уровне продолжилось и после объединения ФРГ и ГДР, на оставшихся в живых бывших пленных не распространялись программы 1990-х гг. по компенсациям жертвам нацизма из стран бывшего соцлагеря. Не последнюю роль в этом играло нежелание крупного бизнеса нести моральную и материальную ответственность за трудовое использование пленных, часто имевшее характер «истребления трудом». Только в 2011 году президент Бундестага впервые включил в своей речи советских военнопленных в число жертв, и лишь в 2015 году их включили в программу выплат, правда, назвав их не компенсациями, а «добровольными выплатами» [3, с. 114–115].

Помимо этого, Германия никогда не испытывала встречного давления со стороны СССР. Согласно пропаганде военного времени, советский воин не мог попасть живым в руки врага. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. в ст. 193-22 устанавливал высшую меру наказания за «сдачу в плен... не вызывавшуюся боевой обстановкой». Но признавалось возможным и происходящее вопреки воле воина «попадание» в плен. Разницу пытались нащупать юристы, но фактически она (пере)определялась органами госбезопасности в ходе массовых фильтраций вернувшихся из плена после боев на Халхинголе, Советско-финской войны, в ходе и по завершении Великой Отечественной войны [6, с. 365–382]. Успешное прохождение фильтрации не защищало от маргинального положения в послевоенном обществе, проявлений недоверия, ограничений на вступление в партию, занятие ряда должностей [7, с. 102–128].

С середины 1950-х гг. репрессии прекратились, был предпринят ряд мер для нормализации их положения в обществе. Вскоре после XX съезда КПСС, в июне 1956 г., секретное постановление ЦК запустило кампанию по восстановлению доброго имени бывших пленных. Их начали вновь принимать в партию, перестали отказывать в приеме на работу, около 70 тысяч получили ордена и медали. Бежавшему из плена на угнанном немецком самолете летчику М. П. Девятаеву Верховный Совет СССР присвоил звание Героя Советского союза. Положительный

образ пленных создавали фильмы «Судьба человека» С. Бондарчука (1959 г.) и «Чистое небо» Г. Чухрая (1961 г.) [8, с. 177–210].

Однако кампания носила кратковременный и ограниченный характер. До конца советской эпохи на памятниках и мемориалах на местах массовых казней погибшие военнопленные, как и евреи и другие группы жертв, скрывались под общей формулировкой «мирные советские граждане». Призыв ФРГ к ответственности за массовое истребление пленных привел бы к раскрытию беспрецедентного в военной истории числа попавших в руки врага, ставящему вопросы о причинах поражений начала войны, компетентности руководства и адекватности советской системы как таковой. Итогом стало то, что в СССР военнопленные также не выделялись в особую категорию жертв войны. В постсоветское время в России посчитали более важным признать в 1995 году бывших пленных, подвергшихся процедуре фильтрации, жертвами сталинских политических репрессий [9, с. 96].

При этом героизация была для пленных единственной возможностью публично говорить о своем военном опыте, быть полноправной частью ветеранского сообщества и фронтового поколения. Единственный образ пленного-жертвы был создан в первые послевоенные годы – в биографии генерала Д. М. Карбышева главным пунктом была его страшная, мученическая смерть в Маутхаузене. В 1950–1980е гг. в мемуарах, художественной литературе и научных исследованиях писали о массовых убийствах пленных и их лишениях в неволе, но только в связке с активным сопротивлением лагерному режиму. Упоминание подпольной коммунистической организации, готовившей массовое вооруженное восстание узников лагеря, стало обязательным пунктом любого рассказа о плене. Внимание было сосредоточено на тех, кто находился в концлагерях за пределами СССР и кто оказывал активное сопротивление [10, с. 1–56]. Однако даже при наличии такой биографии широкое общественное признание не было гарантировано. Пленные вводились государством в пантеон героев войны избирательно – так, не был награжден организатор единственного успешного массового восстания и побега из лагеря смерти Собибор А. А. Печерский [8, с. 177–210].

Изучение переписки бывших пленных друг с другом и с их публичными представителями (писателями С. С. Смирновым, Е. А. Долматовским и др.) оставляет впечатление произошедшей интернализации. Героический, жизнеутверждающий нарратив, созданный в рамках советской политики памяти, был принят пленными как внутренняя установка. Пережившие ужасы плена, ветераны принципиально отказывались идентифицировать себя как жертв войны, выдвигая на первое место свое сопротивление нацизму, каким бы скромным оно ни было. Это настроение было свойственно не только увидевшим свет текстам пленных, но и написанным не для печати («в стол») или созданным уже в постсоветское время.

Таким образом, проблема официального признания советских военнопленных жертвами нацизма имеет комплексный характер. Главной причиной является традиция, выросшая из нежелания большей части немецкого послевоенного общества и политического класса признавать широкое участие военных в убийствах, а гражданских – в трудовой эксплуатации военнопленных, экстраординарность масштабов убийств и их системный характер. В то же время и СССР не ставил вопрос об официальном признании пленных жертвами. Тщательно выстраиваемая политика памяти о войне концентрировалась на массовом героизме, а не на страданиях людей, а прояснение количества убитых пленными грозило подорвать доверие ко всему нарративу о войне. Наконец, сами бывшие пленные, объединенные в сообщества по месту окружения или пребывания в плену, в массе своей не собирались ставить вопрос о признании себя жертвами, поскольку мыслили себя героями войны и всегда боролись не за особое положение, а за уравнивание в реальных правах и символическом статусе с другими советскими ветеранами.

Список цитированных источников

1. Земсков, В. Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности / В. Н. Земсков // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 22–32.
2. Штрайт, К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / К. Штрайт. – М. : Русская панорама, 2009. – 482 с.
3. Стратиевский, Д. Бывшие советские военнопленные: позднее признание, проблемы исторической памяти и компенсационных выплат / Д. Стратиевский // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4 (11). – С. 105–118.
4. Васильев, А. В. Мемориал / А. В. Васильев. – М. : Молодая гвардия, 1986. – 284 с.
5. Grunewald, S. From Incarceration to Repatriation: German Prisoners of War in the Soviet Union / S. Grunewald. – New York : Cornell University Press, 2024.
6. Говоров, И. В. Филтрация советских репатриантов в 40-е гг. XX вв. Цели, методы, итоги / И. В. Говоров // Cahier du Monde Russe. – 2008. – Т. 49, № 2–3. – С. 365–382.
7. Edele, M. Soviet veterans of the Second World War / M. Edele. – New York, 2008. – P. 102–128.
8. Аристов, С. Соппротивление советских военнопленных в нацистских концентрационных лагерях и центрах уничтожения: история и память / С. Аристов, И. Васильев, М. Мацкевич, М. Эдельштейн ; под ред. С. Аристова. – М. : РОССПЭН, 2022. – 303 с.
9. Наумов, В. П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий / В. П. Наумов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 2. – С. 96–113.
10. Ерин, М. Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования / М. Е. Ерин. – Ярославль : Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2005. – 178 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВДА БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Лемешевский О. О.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры юридических дисциплин

Дубровский А. Р.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
курсант

Нюрнбергский процесс – это поворотный момент в истории. Он представлял собой не только судебное преследование злодеев нацистского режима, но и символ неоспоримой власти закона. Процесс показал, что справедливость должна восторжествовать, какие бы злодеяния ни творились. Суд создал фундамент для мира, где права человека защищены не только законами одной страны, но и всем международным сообществом.

Именно Нюрнберг стал ключевым пунктом, где право взяло верх над фашистским произволом, а принципы справедливости и человечности были кодифицированы на международном уровне, утвердив верховенство закона как фундамент в будущем построении нормативных правовых актов в вопросах защиты прав человека, заложив основы построения правовых и национальных ценностей для будущего всего человечества. Одних документов на суде было представлено около 4 тыс. В качестве доказательств приняли советскую и американскую кинохронику из освобожденных лагерей смерти Освенцима и Дахау. Советский Союз доставил в Нюрнберг плененного в Сталинграде фельдмаршала Паулюса. Он свидетельствовал о подготовке нападения на СССР.

Нюрнбергский процесс установил исторический прецедент верховенства закона над произволом власти. Он не только масштабировал достоинство правосудия, но и создал правовые рамки для привлечения к ответственности за преступления против человечности – независимо от должности обвиняемых. Заложенные им принципы стали незыблемым фундаментом международной правовой системы, а его уроки остаются горько актуальными и сегодня, напоминая, что справедливость не должна иметь срока давности [1].

Сегодня, даже спустя более 70 лет после Нюрнбергского процесса, многие темы, затронутые в рамках этого суда, остаются актуальными для современного международного права. В свете продолжающихся преступлений против человечности важно помнить об этом важном событии

и всегда стремиться к соблюдению норм и стандартов в области права и справедливости.

На сегодняшний день в мире продолжают совершаться преступления против человечности и увеличивается количество попыток пересмотра мирового правопорядка, сложившегося по результатам проведения Нюрнбергского процесса. И наша задача как будущего поколения нашей Республики Беларусь не дать пересмотреть историю и не дать навязать те принципы и ценности, которые принимаются руководством стран Запада на сегодняшний день.

Ведь именно историческая память, опыт минувших лет является тем щитом, который не дает нашим людям забыть злодеяния нацистов, не дает ни при каких условиях оправдать нападение на Советский Союз. Эти слова крайне актуальны в наше время, ведь если взглянуть на положение дел в Украине, то можно отметить, что именно издевательство «совокупного Запада» над исторической памятью сломила одну из стран, которая боролась с фашизмом. В боях не на жизнь, а на смерть бок о бок стояли русские, белорусы, украинцы, армяне, грузины и многие другие. Трагедия 2 мая 2014 г. в Одессе – лишь один из малых элементов преступлений ярых украинских националистов. Многие из них – выходцы из радикальных футбольных «ультрас», кто-то был ярым националистом еще при предыдущей украинской власти, а некоторые на волне госпереворота 2014 года активно проявили свои взгляды.

Один враг, одна цель и десятки миллионов потерь ради будущего всех народов. На Украине пропала память – пропала страна, чиновники прославляют Бандеру, в школах пропагандируют нацизм, украинцы стреляют в украинцев за то, что вторые прославляют «бессмертный полк» и отмечают День Победы.

Именно здесь на помощь приходят принципы Нюрнберга, глядя на которые, можно отметить, что наказание, как и 1 октября 1946 г. (окончание Нюрнбергского процесса), понесут все виновные в преступных деяниях руководители и военнослужащие.

Знаковой датой отмечен 2024 год – 80-й годовщиной освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков, 2025 год – 80-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На территории Республики Беларусь существовало более 560 лагерей смерти, свыше 2 млн людей было убито. Фашистские захватчики людей расстреливали семьями, сжигали живьем, отправляли в газовые камеры, проводили испытания. Нацисты разрушали города и села, варварски грабили музеи и многое другое. Нюрнбергский процесс пытался стать тем справедливым судом для наказания всех причастных к страданиям белорусского народа, ведь наша страна больше всех пострадала в ходе Великой Отечественной войны. Нет ни одной страны в мире, где в годы войны умер каждый третий ее житель таким зверским способом [2; 3].

Именно Нюрнбергский процесс является историческим событием мирового значения, который подчеркнул важность преступлений против человечности и судеб миллионов людей. Важность защиты прав человека была подтверждена, и Нюрнбергский процесс до сих пор остается актуальным в свете современных нарушений прав и норм. Акты судопроизводства над злодеями нацистского режима показали, что даже высокопоставленные чиновники не могут избежать ответственности за свои деяния. Нюрнбергский процесс заложил основы для развития международной правовой системы, и его значение остается неоспоримым в области защиты прав и справедливости перед законом [4].

Великий Нюрнбергский процесс – это кульминация исторического возмездия, которая должна остаться в сердце каждого гражданина Республики Беларусь. Наша земля, ставшая ареной жесточайшего геноцида и сожженных деревень, знает цену этой фактической и правовой Победы над фашизмом. Это не просто судебное заседание прошлого – это фундамент нашего настоящего и заслон от угроз будущего. Помнить Нюрнберг – это помнить, что зло было не просто остановлено, но и осуждено по всем законам человечности и справедливости. Эта память – наш моральный долг и наш щит будущего.

Список цитированных источников

1. Принципы Нюрнбергского процесса: [сайт]. – Мн., 2025. – URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 01.11.2025).
2. Пресс-служба Президента Республики Беларусь [сайт]. – Мн., 2025. – URL: <https://president.gov.by/ru> (дата обращения: 02.11.2025).
3. Генеральная прокуратура Республики Беларусь [сайт]. – Мн., 2025. – URL: <https://prokuratura.gov.by> (дата обращения: 03.11.2025).
4. Бондарь, А. А. Роль Нюрнбергского процесса в формировании системы международного уголовного права // А. А. Бондарь. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 03.11.2025).

ШАГИ К ТРИБУНАЛУ НАД МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Лобанок А. К.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, профессор

Есть события, которые оставляют в истории глубокий след и долгое время служат уроком не только для тех, кто был их современником, но и для новых поколений. К их числу относятся события, связанные с мюнхенским соглашением 1938 г.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене главы правительств Великобритании и Франции Чемберлен и Даладье подписали соглашение с фашистскими диктаторами Германии и Италии Гитлером и Муссолини о передаче значительной части Чехословацкой республики гитлеровской Германии. Вошедшее в историю как символ позорного предательства, мюнхенское соглашение имело трагические последствия для всего мира.

Мюнхенский сговор стал кульминационным моментом в политике «умиротворения» фашистских агрессоров, проводившейся правящими кругами Англии и Франции при поддержке США. Цель этой политики заключалась в том, чтобы добиться сговора с агрессивными государствами, и в первую очередь с фашистской Германией, за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отвести от себя угрозу агрессии и направить ее на Восток – против Советского Союза. Характеризуя позицию западных держав того времени, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев говорил: «Антисоветская направленность гитлеровской политики активно поддерживалась реакционными кругами Запада... Они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, лелея надежду, что он двинет свои полчища на Восток, против страны социализма. Сговор в Мюнхене, выдавший фашистской Германии Чехословакию, был наиболее позорным проявлением этого коварного замысла империалистов» [1, с. 228].

Западные державы полагали, что в Мюнхене ценой предательства Чехословакии им удалось договориться с Гитлером. Однако последующие события опрокинули эти расчеты. Ослепленные антисоветизмом, правящие круги западных держав фактически расчистили гитлеровской Германии путь к развязыванию Второй мировой войны и оказались сами перед лицом фашистской агрессии. Это был первый шаг к трибуналу, что подтверждают ведущие западногерманские исследователи истории Второй мировой войны и фашистской диктатуры (К. Д. Брахер, Г. А. Якобсен, М. Мессершмид, А. Хилльгрубер, Л. Грухман,

П. Э. Шрамм, В. Хубач, В. Дайст, Ю. Ферстер, И. Гофманн, Э. Клинк, Р. Д. Моллер, В. Герлиц, П. Центнер и др.) [1, с. 230].

С конца 50-х гг. против попыток оправдать фашистскую агрессию в Европе активно выступила группа прогрессивных историков либеральной и демократической ориентации во главе с Г. А. Якобсеном, В. Хубачем и А. Хилльгрубером. В 1961–1965 гг. они опубликовали многотомный военный дневник верховного командования вермахта, трехтомный дневник Гальдера, военные приказы Гитлера в 1939–1945 гг., составили хронику военных событий и комментарии к ним. Они убедительно показали, что война Гитлера против СССР планомерно подготавливалась, была войной грабительской, захватнической, войной на уничтожение целых народов. Это была также идеологическая и расовая война против славян и других этнических общностей. [2, с. 122].

Только преступления в Беларуси могли стать международным процессом. Оккупировав Беларусь, агрессоры развернули разграбление ее хозяйственных ресурсов, уничтожение культурных учреждений и ценностей, планомерно осуществляли политику геноцида. Только сумма непосредственного материального ущерба, причиненного Беларуси, равнялась 35 бюджетам 1940 г. Минск, Гомель, Витебск, Могилев и другие крупные города были разрушены на 70–90 % [3, с. 216].

Нацисты осуществляли заранее разработанную, утвержденную нацистским государством политику, направленную на порабощение и физическое истребление населения оккупированных областей, превращение Беларуси в германскую колонию.

При отступлении германские войска полностью опустошали оставляемые территории. В 1941–1944 гг. в Беларуси, как это документально засвидетельствовано после окончания войны по неполным данным Чрезвычайной государственной комиссии, гитлеровцы истребили свыше 2 млн 400 тыс. человек гражданского населения. На белорусской земле погибли также свыше 800 тыс. военнопленных, среди которых было значительное число лиц из Беларуси, призванных в армейские ряды. Около 400 тыс. жителей республики были вывезены на принудительные работы [3, с. 217].

Список цитированных источников

1. Беларусь: страницы истории / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; редсовет А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : Белорусская наука, 2011. – 408 с.
2. Брежнев, Л. И. Ленинским курсом : речи и статьи : в 5 т. / Л. И. Брежнев. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 1. – 544 с.
3. Космач, Г. А. Историки ФРГ о боевых действиях вермахта на территории Беларуси в 1941–1944 гг. / Г. А. Космач. – Мн., 1995.

ГОСУДАРСТВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРИОРИТЕТЫ СУВЕРЕНИТЕТА

Копыткова Н. В.

Республика Беларусь, г. Гомель
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент

Одним из направлений сотрудничества государств является сфера международного уголовного правосудия. Выработанные Нюрнбергским процессом правовые принципы оказали существенное влияние на формирование современного уголовного правосудия и международной уголовной юстиции.

Международное уголовное правосудие необходимо прежде всего для привлечения к ответственности виновных в совершении тяжких международно-опасных деяний. Впервые такие преступления были предусмотрены Уставом Нюрнбергского трибунала 1945 г., а в настоящее время их квалификация дана в Статуте Международного уголовного суда (далее – МУС). Так, согласно ст. 5 Статута юрисдикция суда распространяется на следующие преступления: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии [1]. Следует заметить, что суд не осуществлял юрисдикцию относительно преступления агрессии, так как принятый государствами в 1998 году Статут МУС не содержал определения этого преступления. В июне 2010 года государства – участники Статута внесли дополнительную статью 8-бис, содержащую определение преступления агрессии, которая вступила в силу в марте 2013 года. За основу определения была взята формулировка ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала «Преступления против мира». Таким образом, в настоящее время действует договорная международная норма относительно определения агрессии, которая стала обязательной прежде всего для государств – участников Статута МУС.

Подписывая и ратифицируя Статут МУС, государства берут на себя обязательство сотрудничать с судом и развивать законодательство, обеспечивающее такое сотрудничество. Однако многие страны, такие как США, Китай, Индия, Израиль, были недовольны идеей создания МУС как органа, ограничивающего суверенитет государства и имеющего неоправданно широкую компетенцию. Некоторые страны, например Киргизия, Россия, Узбекистан, поставили свои подписи под Статутом, но не ратифицировали его. Азербайджан, Беларусь и Казахстан изначально не подписывали этот международно-правовой документ.

Перед государствами, стоящими на пути решения вопроса об участии в Статуте МУС, как правило, встает вопрос о соответствии

Статута Основному Закону страны – Конституции. Одна из основных причин неучастия Республики Беларусь в Статуте кроется в противоречии его норм Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции) относительно передачи государством граждан Республики Беларусь международному судебному органу. Согласно ст. 89 Римского статута суд может обратиться с просьбой об аресте и передаче лица любому государству, на территории которого находится это лицо. Однако ч. 3 ст. 10 Конституции гласит: Гражданин Республики Беларусь не может быть выдан иностранному государству, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Согласно ст. 8 Республика Беларусь не допускает заключение международных договоров, которые противоречат Конституции [2].

Следующая причина касается иммунитета ряда должностных лиц. Так, ч. 1 ст. 27 позволяет применять положения Статута «в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения». Согласно ч. 1 ст. 89 Конституции «Президент обладает неприкосновенностью, его честь и достоинство охраняются законом». В соответствии со ст. 102 депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики пользуются неприкосновенностью при выражении своих мнений и осуществлении своих полномочий. Следует заметить, что иммунитет – это не безнаказанность, а гарантия защиты от необоснованного преследования. Нормы Статута позволяют привлечь к уголовной ответственности высших должностных лиц государства, в том числе избранных народом, лишь на основании ордера, выданного прокурором МУС. Это означает, что их можно отстранить от власти решением какой-то международной структуры с попранием всех конституционных норм. Бесспорно, в этой ситуации на первый план выходит политика, а не принципы международного права. Отрицание иммунитета лиц, наделенных властными государственными полномочиями, несомненно, представляет угрозу безопасности страны. Как справедливо замечает профессор О. Н. Ведерникова, «в таком случае МУС следует рассматривать не как орган правосудия, а как правовой инструмент обеспечения глобального управления мировым порядком, призванный придать видимость законности политическому господству ведущих стран мира [3].

Согласно Конституции, Президент Республики Беларусь осуществляет помилование осужденных (ст. 84), Национальное собрание принимает законы об амнистии, в частности Палата представителей рассматривает проекты законов об амнистии, а Совет Республики их одобряет (ст. 97, 98). В то же время положения Римского статута не предусматривают ни помилования, ни амнистии. Часть 1 ст. 110 Статута безапелляционно гласит: «Государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом».

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ст. 8 Конституции). Одним из важнейших принципов, из которого исходит государство в своей внешней политике, Конституция называет принцип невмешательства во внутренние дела (ст. 18). Как известно, содержание этого основополагающего принципа международного права предполагает запрет на любое вмешательство, нарушающее суверенитет государства. Полагаю, что отдельные нормы Статута противоречат этому принципу. МУС имеет комплементарный характер и призван дополнять национальные системы уголовного правосудия (ст. 1 Статута). Конституционное законодательство Республики Беларусь содержит четкий перечень судебных органов, осуществляющих уголовное правосудие, среди которых международные судебные органы не упоминаются. Однако, решая вопросы преемственности дела, МУС вправе оценить судебную систему государства и вынести вердикт о его неспособности возбудить конкретное уголовное дело, что вытекает из содержания ст. 17 Статута. Таким образом, Статут допускает изъятие уголовных дел из юрисдикции национальных судов, несмотря на то, что государство, в частности Республика Беларусь, обладает верховенством и полнотой власти, в том числе судебной, на своей территории (ст. 1 Конституции). Полагаю, что вышеуказанные положения ст. 17 Статута нужно расценивать как вмешательство во внутренние дела государства.

Нюрнбергский процесс положил начало разработки принципов международного уголовного судопроизводства и, в частности, заложил основы для формирования принципа универсальной юрисдикции. Универсальная юрисдикция – это вид экстерриториальной уголовной юрисдикции, дающей право государству или международному судебному органу привлекать к уголовной ответственности индивидов без привязки к месту совершения преступления либо гражданству обвиняемого или потерпевшего. Принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала, напрямую не закрепляют принцип универсальной юрисдикции, однако Принцип II указывает на то обстоятельство, что если национальное законодательство не предусматривает наказание за международное преступление, то это не означает, что лицо освобождается от ответственности [4]. Универсальная юрисдикция может применяться как государствами, так и международными судебными органами. Постоянно действующий международный уголовный суд также признает универсальную юрисдикцию, что подтверждается его уставом и практикой. Таким образом, следуя этому принципу, МУС привлекает к ответственности граждан государства независимо от законодательства этого государства, что приводит к нарушению принципа уважения суверенитета государств.

Несмотря на то, что в современном международном праве нет договорной нормы, дающей определение универсальной юрисдикции,

этот принцип все же получил свое развитие в законодательстве отдельных государств. Однако признание универсальной юрисдикции приводит к конфликту с конституционными нормами государства и к изъятию важных составляющих национального суверенитета. Безусловно, виновные в совершении серьезных международных преступлений должны быть наказаны, но, как показывает практика, применение этого принципа часто оказывается политизированным и избирательным.

Таким образом, для государства существуют сложные препятствия (как на национальном, так и на международном уровнях) в решении вопроса полноправного участия в международных судебных органах. В частности, необходимо разрешить ряд коллизий между конституционными нормами государства и положениями уставов международных уголовных судов, а также разработать внутренний механизм реализации принципа универсальной юрисдикции правоохранительными органами государств. Кроме того, необходим международный диалог по выработке определения понятия универсальной юрисдикции и условий ее применения как на региональном уровне, так и в рамках ООН.

Список цитированных источников

1. Статут Международного уголовного суда. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 10.11.2025).
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19402875> (дата обращения: 08.11.2025).
3. Ведерникова, О. Н. К вопросу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда / О. Н. Ведерникова. – URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=1815> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 11.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ворошкевич С. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры международного права,
магистр

Кулеш А. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры международного права,
кандидат исторических наук, доцент

Для преодоления кризисов и осуществления значимых преобразований в стране, когда остро ощущается потребность в общности, единстве и солидарности, решающее значение приобретает понимание общей исторической судьбы. Историческая память, представляя собой опыт предыдущих поколений, трансформируется в современность, выполняя функцию нравственного компаса и ценностного ориентира, который формирует коллективную память и сознание. Прочность коллективной памяти, ее единообразное восприятие различными поколениями и ее фундаментальные положения являются ключевыми для построения и поддержания социального и ментального единства нации. Это также основа для формирования личной и коллективной идентичности.

Коллективная память складывается и функционирует благодаря тем факторам и элементам, которые присущи определенным социальным группам. Историческая память как часть коллективной памяти становится «местом силы», в котором различные социальные процессы объединяются в единое целое, то есть прошлое формирует настоящее и будущее. Без прошлого нет будущего [1, с. 96].

Отметим, что историческая память является основой единства нации, ее устойчивости, национальной безопасности, консолидацией поколений. Известными проводниками формирования исторической памяти выступают важнейшие социальные институты: государство, семья, образование.

В эпоху тотальной цифровизации историческая память в цифровых каналах связи превратилась в необходимое условие обеспечения государственных и общественных интересов. Как справедливо отмечают эксперты, «цифровизация общества, еще недавно ассоциировавшаяся с «глобальной деревней» или «глобальным метрополисом», обнажает свои темные стороны. То, что футурологи называли электронным/цифровым будущим, на деле превратилось в поле битвы – не танков и самолетов, а алгоритмов, больших данных и ценностно-информаци-

онных нарративов. В этой новой реальности традиционные инструменты дипломатии и даже физической силы не позволяют в полной мере достичь целей. И тогда на первый план выходит «цифровое доминирование» [2].

В последние годы наблюдается системная информационная кампания, осуществляемая представителями западных государств, искажающая содержание и итоги победы советского народа в Великой Отечественной войне, результаты Нюрнбергского процесса, формирование принципов современного международного уголовного права в свете решений Нюрнбергского трибунала.

Глобальной проблемой современности в контексте сохранения исторической памяти являются технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), нередко деструктивно воздействующие на сознание молодых людей. Генеративные инструменты работают по принципу компиляции найденных в сети Интернет материалов с перефразированием текста. Исследователь С. С. Ипполитов пишет, что студенты в своих работах, сгенерированных иностранными нейросетями, часто приводят суждения вроде следующего: «Советские киноленты склонны рисовать однозначно негативный портрет противника. Фашисты и нацисты представлены как безличные злодеи без попыток глубокого понимания их мотиваций или человеческих качеств» [3, с. 217]. Известно, на каких ресурсах нейросеть, обладающая признаком самообучения, позаимствовала тезисы, фальсифицирующие исторические факты, как показано в вышеприведенном примере. Отсутствие четкого законодательного регулирования нейросетевого инструментария порождает негативные последствия в виде фальсификации, подмены понятий, разрушения национальной идентичности, исторической и правовой культуры граждан, в том числе подрастающего поколения.

Особое разрушительное давление оказывается именно на молодое поколение, которое является носителем коллективной памяти. Идет самая настоящая информационная война – битва за умы молодого поколения. В этой жестокой гонке за правду центральное место при отражении различных исторических фактов в цифровом пространстве, в том числе в процессе использования новейших технологий, должен занимать принцип справедливости.

Следующий цифровой вызов, с которым сталкивается общество, – это обсуждение исторических процессов на онлайн-платформах, в мессенджерах, пабликах и иных видах цифровой коммуникации. Нередко исторические события интерпретируются по-разному в зависимости от культурного и политического контекста обсуждения, а это способно привести к конфликтам и «поляризации» среди пользователей, придерживающихся различных взглядов. В этой связи видится необходимым и важным обеспечить конструктивный диалог между различными субъектами и не допустить распространения исторических мифов, фальсификаций, нелестных высказываний, оскверняющих историческую

память. По справедливому утверждению Главы белорусского государства А. Г. Лукашенко, «нет благороднее миссии, чем сохранение исторической памяти во имя светлого будущего» [4].

Важным вопросом также является влияние цифровых технологий на историческое образование и правовое просвещение населения. Цифровые новации открывают новые возможности для обучения истории, при этом, на наш взгляд, важно сделать акцент на использовании новых современных методов донесения исторической правды до населения, способствуя пониманию сложных исторических процессов и критическому осмыслению информации.

В рамках данного исследования считаем целесообразным обратить внимание на ключевые положения законодательных актов нашего государства, регламентирующих историческую повестку. Так, согласно ч. 2 ст. 15 Конституции Республики Беларусь, «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [5]. В преамбуле Основного Закона расставлены акценты на сохранении государственного суверенитета, национальной самобытности нашего народа, его многовековой истории, культурных и духовных традиций, утверждении устоев правового государства и социально справедливого общества.

В Концепции правовой политики, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, одним из идеологических императивов выступает патриотизм, сквозь призму которого филигранно проходит «сохранение исторического прошлого страны и в первую очередь – исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [6]. Кроме того, комплекс правовых мер по сохранению исторической памяти и пресечению фальсификации истории закреплен в 2021–2022 гг. в законах «О недопущении реабилитации нацизма» [7] и «О геноциде белорусского народа» [8].

Таким образом, историческая память в эпоху перманентного развития цифровых технологий претерпевает фундаментальные трансформации, актуализирующие разработку новых методологических подходов. Как отмечается на экспертном уровне, цифровые новации – наше будущее, однако оно будет безопасным при разработанном правовом регулировании и выверенном с точки зрения доктринальных подходов к вопросам цифровизации государства и общества, особенно в контексте сохранения исторической памяти.

По нашему мнению, следует усилить действующие и предусмотреть новые подходы к восстановлению правдивых исторических фактов, продолжить информационную работу с населением, в том числе в рамках Единых дней информирования, оперативно выявлять и блокировать ресурсы, создающие угрозу национальной безопасности и деструктивно влияющие на сознание граждан, расширить практику проведения круглых столов, семинаров, диалоговых площадок, направленных на усиление роли исторической правды в современных цифровых реалиях.

Список цитированных источников

1. Ашманов, И. С. Жизнь внутри пузыря / И. С. Ашманов. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 208 с.
2. Эксперт: цифровой суверенитет – глобальное выживание в эпоху кризиса доверия // Интернет-портал СНГ. – URL: <https://e-cis.info/news/566/132067/> (дата обращения: 18.11.2025).
3. Ипполитов, С. С. Искусственный интеллект как деструктивный фактор в гуманитарном образовании, исторической науке и творческих индустриях: к постановке проблемы / С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. – 2024. – № 3. – С. 215–228.
4. Об исторической памяти // Офиц. сайт Президента Респ. Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/ob-istoricheskoy-pamyati> (дата обращения: 18.11.2025).
5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.
6. О Концепции правовой политики Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 : в ред. от 14 марта 2024 г. № 96 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.11.2025).
7. О недопущении реабилитации нацизма : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.11.2025).
8. О геноциде белорусского народа : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2022 г. № 146-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 18.11.2025).

НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Кустовский М. Н.

Республика Беларусь, г. Минск

Международный университет «МИТСО»,

профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин,

кандидат исторических наук, доцент

В каждой нации имеются правила поведения в различных ситуациях, но в разнообразных по форме обычаях, традициях и правилах поведения присутствует общий, универсальный смысл. Это проблема критериев добра и зла, добродетели и пороков, проблема смысла жизни и назначения человека, проблема свободы воли. Базовые представления устанавливают, как следует относиться к тем или иным явлениям, что такое добро и зло, справедливость, каково их содержание и место в человеческом обществе. Пытаясь провести границу между добром и злом, люди со временем сформировали нормы морального поведения. В контрасте с добром зло служит обобщенным выражением представлений об аморальном, перечащем нормам нравственности. Если в установлении меры юридической ответственности сказываются назначенные правовые границы, то в отношении нравственной ответственности таких рамок не существует. И все же это не означает, что мера моральной ответственности не имеет под собой беспристрастных оценок, таких как степень вреда, причиненного деянием, и уровень ответственности нарушителя моральных норм.

Столкновение добра и зла реально можно было увидеть в Нюрнберге. Всякая война – это насилие, смерть, жертвы, кровь, жестокость. Сама ее натура предполагает борющимся сторонам истребление и смерть. Вторая мировая война принесла беспрецедентные факты безжалостности, геноцида, массового, поставленного на конвейер истребления людей. Уничтожение целых народов по этническому признаку стало в нацистской Германии государственной идеологией. Скорбный опыт Второй мировой войны принудил всех еще раз посмотреть на отдельные проблемы, стоящие перед мировым сообществом, и понять, что любой человек, и в первую очередь, обладающий властью, должен нести ответственность за наше время и будущее.

Нюрнбергский процесс, ставший самым крупным в истории человечества судебным разбирательством, подвел итоги Второй мировой войны. В первый раз интернациональное сообщество сплотилось с целью наказания агрессора и для этого образовало трибунал для расследования его злодеяний. Нюрнбергский процесс во всеуслышанье заявил, что моральный эталон существует. Нюрнберг засвидетельствовал, напомнил о существовании общечеловеческого этического образца, преступать который не следует. Говорилось о том, что запре-

щается нарушать нормы человечности, какими бы благими намерениями агрессоры ни руководствовались. Возможно допустить мысль, что случайно к власти пришли совершенно неадекватные люди и не было выборов 1933 года. Из воспоминаний капеллана Гереке, присутствовавшего на процессе: «Наше заблуждение относительно нацистов заключалось в восприятии их как людей «отдельной породы», что таких среди нормальных людей не бывает и что, избавившись от них, мы могли бы вздохнуть свободно. Выводы тюремных психологов подтверждают мое убеждение, что подсудимые в Нюрнберге в основном были такими же, как и другие смертные» [1]. По-настоящему беспокоит, что есть люди (и их достаточно много), которые, даже видя свои преступные деяния, никогда не раскаиваются в их совершении и при условии их освобождения будут творить зло и дальше, пребывая при этом в совершенном психическом здоровье. На стене одного барака концлагеря Дахау было написано: «Им нет прощения, ибо ведали, что творили». Вот еще одно свидетельство: «Агрессия Гитлера против России отличалась невиданной в истории варварской жестокостью. Это была расчетливая, обдуманная жестокость, лишившая немцев какой бы то ни было морали в глазах народов Восточной Европы» [2, с. 9].

В связи с этим возникает законный вопрос о мере моральной ответственности за совершенные злодеяния. Ее особенность заключается в том, что общество в любой конкретной обстановке определяет, в какой форме и в какой мере осудить совершившего злодеяние, т. е. реализует моральный выбор. Но на практике при определении наказания возникает своеобразная коллизия. За что судить того или иного человека, ведь он просто выполнял приказ вышестоящего начальства. Проще говоря, иногда мы загораживаемся «объективными обстоятельствами», чтобы сбросить с себя моральную ответственность за происходящее в обществе. Подобное поведение мы видели в Нюрнберге, когда нацистские преступники таким образом оправдывали свои злодеяния. Служит ли это нравственным оправданием? На практике отзвуки этих концепций находят отражение в попытках снять с себя ответственность, чтобы не нести наказание за определенные действия. Решением международного трибунала определено, что если ты все же исполняешь преступный приказ, то обязательно будешь привлечен к ответственности в соответствии с законом. Принцип личной ответственности каждого солдата – не только юридически обоснованная опция, вытекающая из решений Нюрнбергского процесса, но и в немалой степени ее моральная составляющая. Один человек, совершая преступления, не испытывает никакого раскаяния за свои преступные действия; другой, совершив преступление, будет раскаиваться, казнить себя до конца своей жизни. Мораль постоянно обязана присутствовать. Даже когда ее не соблюдают, люди обязаны знать, что этот нравственный критерий есть. В нашем случае нацистские преступники до последних дней своей жизни были искренни в своих поступках и абсолютно уверены в правоте своих

преступных злодеяний. Покаяния от них так и не дождались. Такое поведение свидетельствует о том, как идеология, моральные нормы, привитые нацистской пропагандой, могут оказывать сильное влияние на умы людей.

Уроки Нюрнберга составляют как итоги Международного трибунала, так и результаты последовавших за ним двенадцати Нюрнбергских процессов. Поскольку Нюрнберг находился в американской зоне оккупации, по соглашению между союзниками процессы проводились американским военным трибуналом. Среди них особое место занимает процесс над нацистскими врачами-убийцами. Он проходил 9 декабря 1946 г. – 20 августа 1947 г. в том же зале Нюрнбергского дворца правосудия, в котором судили главных военных преступников Третьего рейха. Значение этого процесса определяется не только и, может быть, не столько тем, что к нему были привлечены 20 наиболее одиозных нацистских врачей-преступников, два чиновника от медицины и один юрист, сколько созданием по его итогам Нюрнбергского медицинского кодекса, впервые после Гиппократова сформировавшего действующие и поныне принципы медицинской этики [3, с. 7].

Сегодня можно услышать мнение: а есть ли необходимость ворошить прошлое? Какой смысл в том, чтобы через 80 лет вспоминать ужасы войны, не проще ли забыть трагедию, постигшую человечество. Да, война была давно. Как будто все сказано, нацизм осужден, но надо признать, что нацистская идеология и практика в мире не искоренена полностью и имеет свойство возвращаться. Нюрнберг – это не просто прошлое, а злободневная, современная тема. Нравственный смысл исторической правды о процессе и приговоре Нюрнбергского суда служит предупреждением всем, кто хочет предать забвению его решения, стереть память о нем и сделать вид, что подобного суда не было. Нюрнберг предупредил преступников всех мастей о неотвратимости возмездия за тягчайшие преступления против мира и человечества, окончательно осудив идеологию и практику нацизма.

Список цитированных источников

1. Нюрнберг, скрытый сюжет: свидетельства священников, исповадовавших нацистских преступников. – URL: <https://www.miloserdie.ru/article/nyurnberg-78-let-nazad-i-segodnya/> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Лессер, Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933–1945 / Й. Лессер; пер. с англ. А. И. Анваера. – М.: Изд-во «Центрполиграф», 2010. – 287 с. – (За линией фронта. Военная история).
3. Уроки Нюрнберга. – URL: <http://www.2021-1-770-ru.pdf> MEDIKAL CLINICS (miloserdie.ru (дата обращения: 14.11.2025)).

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРИЧИН И УСЛОВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В БЕЛАРУСИ

Немкевич И. В.

Республика Беларусь, г. Гомель
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент

Вступление в жизнь новых поколений заставляет представителей историко-правовой науки не ослаблять внимания к задаче выработки у нашего общества устойчивого иммунитета к попыткам фальсификации этой трагической и героической страницы отечественной истории, каким бы «флагом» эти попытки ни маскировались. Приговор, вынесенный мировым сообществом преступной идеологии и практике нацизма, не может быть ни предметом забвения, ни предметом «модернизации», ни предметом «войны памяти». Неслучайно утвержденная 25 апреля 2024 г. решением Всебелорусского народного собрания Концепция национальной безопасности Республики Беларусь называет противодействие реабилитации нацизма в числе основных направлений нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной безопасности (глава 8).

Одним из примеров циничной и подлой фальсификации отечественной истории являются попытки оправдать «жесткие меры» оккупационного режима фактами сопротивления установленному нацистами «новому порядку» и необходимостью защиты «освободителей» от подрывных действий «бандитов». Квалифицированная и адекватная реакция на подобные попытки должна, на наш взгляд, включать достижение полной и убедительной ясности в вопросе о действительных причинах установленного оккупантами режима террора и геноцида.

В основу криминологического анализа причин и условий массового совершения актов геноцида немецко-фашистскими оккупантами в Беларуси должны быть положены принципы международного права, содержащиеся в Уставе Международного военного трибунала в Нюрнберге и выраженные в его приговоре. Нюрнбергский процесс 1945–1946 гг. стал первым в истории международным судом, признавшим агрессию тягчайшим уголовным преступлением, доказавшим органическую связь преступлений геноцида с идеологией фашизма и политическим режимом нацистского государства. Справедливо и заслуженно были наказаны не только непосредственные исполнители преступных планов и приказов, но и высшие государственные и военные деятели фашистской Германии, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, в разработке и принятии таких планов, приказов

и инструкций. Трибунал признал преступными организациями не только террористические структуры СС, гестапо, СД, но и руководящий состав нацистской партии. Трагические события новейшей истории лишь подчеркивают справедливость и значимость юридического анализа, проведенного в середине XX века.

Таким образом, политика грабежа, террора и геноцида была органически связана с природой фашизма и идеями, изложенными в нацистском манифесте – книге «Майн кампф». Обосновывая тезис о необходимости уничтожения Советского Союза любыми методами, А. Гитлер призывал отбросить в сторону всякие представления о гуманности. «Потомки не спросят нас, – заявил он, – какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились» [1, с. 104]. Военная доктрина нацистской Германии требовала придания войне на Востоке характера расовой войны на уничтожение. Фюрер подчеркивал: «На Востоке жестокость является благом для будущего» [Цит. по: 1, с. 118]. Для высшего государственного руководства и генералитета подобные заявления фюрера служили не только важнейшей идеологической установкой, но и практическими указаниями для составления приказов и инструкций по осуществлению военных действий против СССР и установлению оккупационного режима на захваченных территориях. Красноречиво свидетельствует об этом, например, следующий фрагмент из приказа командира 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Гёпнера, подписанного накануне вторжения. «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа, – говорилось в приказе. – ...Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью» [Цит. по: 1, с. 118].

Развертывание войны на уничтожение призваны были обеспечить принятые накануне вторжения в СССР приказы и инструкции Верховного главнокомандования вермахта. 13 марта 1941 г. были приняты «Руководящие указания по специальным вопросам в дополнение к директиве № 21» («Инструкция об особых областях к директиве № 21»), 28 апреля 1941 г. – «Положение о действиях полиции безопасности и СД в составе сухопутных сил», 13 мая 1941 г. – распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандования В. Кейтеля «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск». 1 июня 1941 г. уполномоченный по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарь Бакке подписал инструкцию о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации (так называемые «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»).

«Инструкция об особых областях к директиве № 21» передавала власть на оккупированной территории командованию немецкими Вооруженными силами и наделяла рейхсфюрера СС Гиммлера специальными

полномочиями, означавшими установление системы террора. «Правила», включенные в распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск», должны были обеспечить условия для массового использования мер террора в качестве основного метода «замирения покоренных областей». Оккупанты освобождались от дисциплинарной и уголовной ответственности за преступления против местного населения: «возбуждение преследования за действия, совершенные военными служащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [2, с. 28–29].

Действия же «враждебных гражданских лиц» изымались из подсудности судам; всю судебную власть в отношении местного населения документ передавал в руки любого немецкого офицера. Заподозренные элементы, предписывала инструкция, «...должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает, должны ли они быть расстреляны» [2, с. 28]. Массовые репрессии в отношении целых населенных пунктов должны были «немедленно» применяться распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона. «Сохранять» же заподозренных «для предания их суду» категорически воспрещалось. От исполнителей запланированной политики террора и геноцида требовалось заблокировать в себе любые предохранители гуманности: «Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкой западноевропейской меркой» [2, с. 30–31]. В инструкции о поведении должностных лиц статс-секретарь Бакке разъяснял: «В течение столетий русский человек испытывает нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему, не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспособляя его к немецкому жизненному стандарту» [2, с. 34]. Документ обязывал «с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [2, с. 32].

Третья статья Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него включает в число наказуемых деяний не только действия лиц, совершающих геноцид, но и заговор с целью совершения геноцида, а также прямое подстрекательство к нему [3, с. 460]. Рассмотренные документы с очевидностью соответствуют такой квалификации. Террористическая практика оккупационного режима в Беларуси не была ни импровизацией, ни «эксцессом исполнителя».

Тот факт, что все упомянутые выше установки, приказы и инструкции были утверждены фашистским правительством и верховным главным командованием немецкой армии еще до нападения, свидетельствует о заблаговременно продуманной государственной политике фашистской Германии. Данное обстоятельство является главным и достаточным доказательством ничтожности «аргумента» о вынужденных жестких мерах «замирения» и реагировании на акты сопротивления «новому порядку».

Аморальность и политическая провокативность попыток возложить ответственность за агрессию и террор на сами жертвы таких преступлений самоочевидны. «Нам не оставили выбора» – этот «аргумент» в хрестоматии для агрессоров был внесен организаторами преступлений немецко-фашистских оккупантов. Обсуждая на совещании с руководителями фашистского рейха 16 июля 1941 г. «мотивировку перед миром» действий оккупантов, Гитлер инструктировал рейхсмаршала Геринга, фельдмаршала Кейтеля, рейхслейтера Розенберга и других: «Мы снова будем подчеркивать, что мы были вынуждены занять район, навести порядок и установить безопасность» [2, с. 47]. При этом «все необходимые меры – расстрелы, выселения и т. д.» должны оправдываться тем, что «мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и т. д.» [2, с. 47–48]. Реализуя установки фюрера, фельдмаршал Кейтель в своем приказе 16 сентября 1941 г. уточнял задачи оккупационных властей: «Следует постоянно помнить и всячески подчеркивать в пропагандистских мероприятиях, что самые решительные меры освободят также местное население от коммунистических преступников и поэтому принесут ему пользу» [4, с. 27]. В отказе местного населения безропотно принять уготованный им геноцид организаторы последнего едва ли не с радостью усматривали фактор, облегчающий оккупационным властям реализацию их преступных целей. Так, на совещании 16 июля 1941 г. Гитлер объяснял присутствовавшим: «Русские в настоящее время отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас» [2, с. 48]. Циничный рационализм «классиков» агрессии и террора не может не поражать...

В базу современного масштабного расследования факта геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, на наш взгляд, должны быть включены и документы высшего политического и военного руководства нацистской Германии, доказывающие намеренный и спланированный характер преступлений оккупантов.

Список цитированных источников

1. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Мн. : Беларуская навука, 2019. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / отв. ред.: Н. Б. Нестерович. – 567 с.
2. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944гг.) / сост. : Г. Ф. Заставенко (рук.) [и др.] ; под общ. ред. Е. А. Болтина и Г. А. Белова. – 3-е изд. – М. : Экономика, 1985. – 328 с.
3. Щербаков, В. В. Права человека: сб. междунар.-прав. документов / В. В. Щербаков. – Мн. : Белфранс, 1999. – 1146 с.
4. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Мн. : Беларусь, 1965. – 464 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Олейник В. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
начальник цикла правовых дисциплин
кафедры идеологической работы и социальных наук

Защита культурных ценностей в период вооруженного конфликта является весьма актуальным вопросом в современных условиях глобального противостояния сторонников концепций однополярного и многополярного мироустройства, а также в связи с противодействием уполномоченных органов государств международному терроризму и экстремистским организациям. Однако впервые в международном гуманитарном праве нормы, регулирующие защиту культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, появились в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. и заменившей ее IV Гаагской конвенции 1907 г., к которым наша страна присоединилась 6 июня 1962 г.

Так, ст. 27 Положения о законах и обычаях сухопутной войны, являющегося приложением к Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., гласит: «При осадах и бомбардировках должны быть приняты все необходимые меры к тому, чтобы щадить, насколько возможно, храмы, здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности, исторические памятники под условием, чтобы таковые здания и места не служили одновременно военным целям. Осаждаемые обязаны обозначить эти здания и места особыми видимыми знаками, о которых осаждающие должны быть заранее поставлены в известность» [1, с. 28].

Дальнейшее развитие вопрос защиты культурных ценностей во время вооруженного конфликта получил в связи с принятием Договора о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (Пакт Рериха, или Вашингтонский договор) от 15 апреля 1935 г., «который был первым международно-правовым документом, специально посвященным охране культурных ценностей» [2, с. 168].

Данный Договор установил, что «исторические памятники, музеи и учреждения, служащие целям науки, искусства, образования и культуры, должны считаться нейтральными и пользоваться в качестве таковых уважением и защитой воюющих сторон» [1, с. 35]. Таким образом, можно прийти к выводу, что защита культурных ценностей в период вооруженного конфликта получила освещение в международном праве еще до начала Первой мировой войны, а также в межвоенный период.

Вместе с тем, поскольку «военные действия часто приводят к уничтожению невозместимых культурных ценностей, что и происходило во время крупномасштабных бомбардировок Второй мировой войны» [3, с. 112], можно сделать вывод об отсутствии достаточно эффективного механизма принуждения воюющих сторон к соблюдению вышеуказанных правовых норм в ходе мировых войн.

Имевшие место нарушения действовавших в первой половине XX века норм международного гуманитарного права послужили основанием для того, чтобы в ходе Нюрнбергского процесса рассматривались и получили однозначную юридическую оценку многочисленные факты массового уничтожения, повреждения, а также похищения и вывоза с оккупированных территорий с целью их дальнейшего незаконного присвоения культурных ценностей поработанных народов, совершенные нацистскими преступниками и их пособниками.

Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси было установлено, что «наряду с захватом сырья и готовой продукции производился в широких масштабах захват произведений искусства и т. д. во всех захваченных странах.

29 января 1940 г. подсудимый Розенберг был назначен Гитлером главой центрального исследовательского института по вопросам национал-социалистской идеологии и воспитания, после чего организация, известная под названием «Эйнзатцштаб Розенберга», проводила свои операции в очень широких масштабах. Предназначенная первоначально для создания научно-исследовательской библиотеки, она превратилась в систему, использовавшуюся для захвата культурных ценностей. 1 марта 1942 г. Гитлер издал еще один декрет, дававший Розенбергу полномочия обыскивать библиотеки, жилые дома и культурные учреждения с тем, чтобы изымать материалы из этих учреждений, точно так же, как и сокровища искусства, принадлежавшие евреям. Подобные директивы были изданы также в отношении тех ценностей, владельцев которых нельзя было точно установить. Декрет предусматривал сотрудничество верховного командования вооруженных сил и указывал, что деятельность Розенберга на Западе должна проводиться им как рейхслейтером, а на Востоке – как имперским министром.

Впоследствии деятельность Розенберга была также распространена на все оккупированные территории. В отчете Роберта Шольца, начальника специального штаба изобразительного искусства, говорилось: «За период с марта 1941 года по июль 1944 года специальный штаб изобразительного искусства направил в империю 29 больших партий грузов, в том числе 137 товарных вагонов, груженных 4100 ящиками с произведениями искусства».

В отчете Шольца упоминается 25 коллекций картин, содержавших наиболее ценные произведения искусства из художественной коллекции, захваченной на Западе, и врученных Гитлеру в качестве подарка.

39 томов, подготовленных эйнзатцштабом, содержали фотографии картин, тканей, мебели, канделябров и многих других предметов искусства и иллюстрировали стоимость и размеры созданной коллекции. Во многих оккупированных странах частные коллекции были расхищены, библиотеки и частные дома – разграблены. Музеи, дворцы и библиотеки на оккупированных территориях СССР систематически подвергались разграблению. Эйнзатцштаб Розенберга, особый батальон Риббентропа, имперские комиссары и представители военного командования захватывали культурные и исторические ценности, принадлежавшие народам Советского Союза, и отправляли их в Германию. Таким образом имперский комиссар Украины вывез все картины и произведения искусства из Киева и Харькова в Восточную Пруссию. Редкие издания книг и произведений искусства из Петергофа, Царского Села и Павловска были вывезены в Германию. В своем письме к Розенбергу от 5 октября 1941 г. имперский комиссар Кубе заявил о том, что ценность произведений искусства, вывезенных из Белоруссии, исчисляется миллионами рублей. О масштабах грабежа видно также и из письма, посланного отделом Розенберга фон Мильде-Шреден, в котором говорится о том, что в течение лишь октября 1943 года было вывезено в империю около 40 товарных вагонов, нагруженных культурными ценностями» [4, с. 625–626]. Виновные лица, в том числе Герман Вильгельм Геринг, Альфред Розенберг, Альфред Иодль и другие, понесли заслуженное наказание – были приговорены к смертной казни через повешение.

Признавая значение таких утрат для культурного наследия человечества, международное сообщество приняло в 1954 году Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей (далее – Конвенция 1954 г.) и два протокола к ней – в 1954 и 1999 гг. [3, с. 112]. Участники данной Конвенции обязались подготовить еще в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта, под которым понимается одна из форм разрешения внутригосударственных и межгосударственных противоречий посредством ограниченного применения средств вооруженной борьбы противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт) или военной силы государствами (международный вооруженный конфликт), при которой Республика Беларусь не переходит в состояние войны, принимая меры, которые они считают необходимыми.

Конвенция 1954 г. и Протокол I к этой Конвенции были ратифицированы и вступили в силу для нашей страны 18 марта 1957 г. Протокол II к Конвенции 1954 г. (далее – Протокол 1999 г.) вступил в силу для Республики Беларусь 9 марта 2004 г. и «распространяет применимость Конвенции на немеждународные вооруженные конфликты» [3, с. 155]. Как указывает белорусский специалист по охране и интерпретации культурного наследия Е. Н. Балыко, «протокол 1999 г. расширяет рамки защиты

культурных ценностей, предусмотренные Конвенцией. Здесь разъясняются понятия обеспечения сохранности и уважения культурных ценностей» [5, с. 22].

Конвенция 1954 г. определила, что «культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте «а»;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах «а» и «б», так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей» [1, с. 38–39].

Большинство из вышеперечисленных правовых актов международного характера включены в Перечень основных международных договоров, относящихся и (или) касающихся международного гуманитарного права, участницей которых является Республика Беларусь, являющийся приложением к Инструкции о порядке применения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах и транспортных войсках, утвержденной постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 6 мая 2009 г. № 24 «О применении норм международного гуманитарного права». Также Республика Беларусь является участницей Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. и Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. [2, с. 290].

Таким образом, можно прийти к выводу, что решения, принятые по результатам Нюрнбергского процесса, послужили основанием для дальнейшего развития международного гуманитарного права, в том числе в сфере защиты культурных ценностей в период вооруженного конфликта, а также для совершенствования законодательства Республики Беларусь, и в этом, бесспорно, содержится несомненная и очень важная заслуга Международного военного трибунала.

Список цитированных источников

1. Международное право. Ведение военных действий : сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. – 4-е изд., доп. – М. : Международ. Комитет Красного Креста, 2004. – 372 с.
2. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко / под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Мн. : Тесей, 1999. – 308 с.
3. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право. Общий курс : справ. издание / Н. Мельцер. – Женева : Международ. Комитет Красного Креста, 2019. – 417 с.
4. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. / отв. ред. Н. С. Лебедева. – М. : Юрид. литература, 1999. – Т. 8. – С. 561–740.
5. Балыко, Е. Н. Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов / Е. Н. Балыко // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 апр. 2016 г. : в 3 ч. – Мн. : ВА РБ, 2017. – Ч. 1. – С. 21–23.

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК СРЕДСТВО ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пастушеня А. Н.

Республика Беларусь, г. Минск

Международный университет «МИТСО»,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин,

доктор психологических наук, профессор

Изучение истории своей страны, в том числе в контексте мировых исторических событий, направлено на формирование социально-гражданских компетенций, национальной культуры личности, действенного патриотизма в виде принесения Родине добра своим трудом и общественно полезной деятельностью, проявлением готовности к ее защите и преодолению трудностей. Одним из оснований этих качеств личности является историческое мировоззрение, представляющее систему взглядов на прошлое, настоящее в генезисе происходивших и происходящих преобразований, определяющих современное состояние страны в связях с мировыми событиями, а также предпосылки ее будущего. Такое мировоззрение опирается на понимание исторической причинности в развитии общества, государственных институтов, положения внутри страны и на международной арене. Кроме формирования мировоззрения, изучение истории способно оказывать влияние на становление личностных позиций, выражающих любовь к Родине, национальную самоидентификацию, что обуславливает уважение интересов страны и ее народа, недопустимость их попрания во благо личных интересов, а также проявление самоотдачи в тяжелые для страны времена. Признавая важное значение изучения истории своей Родины в становлении гражданско-патриотической позиции личности, нельзя считать, что это происходит автоматически. В этом процессе определяющую роль играет не только содержание преподаваемого исторического знания, но и правильная психолого-педагогическая организация и методика образовательного процесса, присущая ему атмосфера, включающая эмоциональную составляющую и складывающиеся взаимоотношения между обучающимися и преподавателями. Для отлаживания содержательной и методической составляющих процесса изучения истории, несущего воспитательно полезный результат, необходимо понимание, в чем такие составляющие заключаются, какие возможны их влияния на внутренний мир обучающихся и какие эффекты они вызывают в формировании личностных качеств.

Прежде всего отметим, что изучение истории выражается в восприятии повествований об исторических событиях и этапах, охватывая разносторонние характеристики страны, жизни общества, отдельных категорий людей и выдающихся личностей. В этой связи

необходимо отметить, что общим условием для положительного восприятия исторического содержания и оказываемого влияния выступает интерес к таким повествованиям, который поддерживается, с одной стороны, его насыщенностью интересным материалом, с другой – увлекательным стилем преподавания, с третьей – педагогическим контролем и текущим оцениванием знаний изучаемого материала, с четвертой – мотивацией самовыражения при активном и успешном участии в интерактивных формах занятий, которое организуется педагогом и подкрепляется преобладающе положительным стимулированием. Это общее условие продуктивного для конечного образовательного результата изучения истории создается общей методически правильной организацией занятий, интересным содержанием учебного материала и мастерством преподавателя, включая педагогически эффективный индивидуальный стиль.

Обратимся к анализу составляющих исторического материала, их восприятию обучающимися и тем формирующим эффектам, которые они могут вызывать.

1. Наиболее значимое влияние на формирование уважения к своей стране, гордости за принадлежность к своему народу с его историей оказывает познание исторических фактов, свидетельствующих о положительных достижениях своей страны, ее народа, в том числе в защите от посягательств. Такие исторические факты оказывают прямое положительное влияние на формирование уважительного отношения к прошлому своей страны и через него – на отношение к ней в настоящем. Их выявление, освещение и обсуждение с детализацией является важным звеном в содержании исторического знания и в формировании патриотических чувств и связанных с ними личных позиций.

2. Исторические данные, повествующие об укладе жизни народа, его различных социальных групп в определенные исторические периоды, может формировать впечатление о разумности его организации, изобретательности в создании орудий и предметной организации жизнедеятельности, эффективности труда, о достоинстве существовавших традиций, нравственности во взаимоотношениях людей, а также других составляющих образа жизни. Освещение этой стороны исторических периодов в положительном контексте способствует формированию благоприятных оценочных представлений о прошлом, уважительного отношения к предшествующим поколениям своего народа, своим предкам, что подпитывает гордость за свои национальные корни и предрасположенность сохранять их суть.

3. Исторические данные, раскрывающие тяжелые периоды и события в жизни страны, обусловленные войнами и иными внешними факторами, несут сложное влияние на сознание и чувства обучающихся. Они предрасполагают к переживанию сочувствия к жившим в то время соотечественникам и неприязни к тем, кто виновен в их страданиях. Вместе с тем историческая информация о страданиях предков, как

и любая иная аналогичного содержания информация, при ее доминирующем постоянстве воспринимается с адаптацией к ней и сглаживанием переживаний. Поэтому она должна носить оптимальный объем и уравниваться информацией о стойкости людей в годы тяжелых испытаний, сохранении ими высоких человеческих качеств, силы воли, проявления самопожертвования в борьбе, а также примерах ее успешного осуществления и побед.

4. Формирующее значение имеет освещение в историческом познании деятельности, жизненного пути, личных качеств выдающихся представителей народа, включая его лидеров, внесших вклад в благополучие страны, а также обычных людей, добросовестно трудившихся и выполнявших гражданский долг. Эта составляющая исторического знания является весьма действенной в формирующем влиянии, поскольку дает возможность актуализировать психологические механизмы рефлексивного анализа и восприятия примера исторического героя как должного самопроявления, который достоин уважения и подражания.

5. В познании национальной истории имеют место периоды, в которых были присущи отрицательные явления для положения народа и страны в целом, вызванные внутренними причинами, связанными, в частности, с гражданским противостоянием, деградацией власти, стагнацией экономического положения страны, репрессиями и др. Их освещение, выражая историческую правду, призвано нести поучительный пример, который необходимо учитывать для избежания повторения, а также предусматривать взвешенную объективную оценку результатов и последствий таких периодов, в которых, как правило, есть не только отрицательные явления, но и положительные.

6. Важный вклад в историческое воспитание вносит изучение событий, обусловивших прогрессивное развитие определенных сторон в жизни страны, возвышение национального самосознания, утверждение социальной справедливости. Такие события связаны с разного рода успехами и достижениями, включая научные, экономические, производственные, политические и другие, а также с восстановлением социальной справедливости и участием страны в международных событиях прогрессивного характера. Одним из таких событий, повлиявших на прогрессивное развитие международного права и уголовной юстиции, а также на общественное правосознание, явился Международный трибунал (Нюрнбергский процесс) в отношении руководителей нацистской Германии, совершивших преступления против мира, человечности и военные преступления. Изучение этого события вносит вклад в формирование личной правовой идеологии, выражающей веру в неизбежность воздаяния за совершаемые злодеяния.

Изучение отмеченных видов исторических явлений с реализацией психолого-педагогических рекомендаций, ориентированных на повышение результативности воспитательной составляющей учебной

деятельности, охватывающей как преподавание, так и самостоятельную работу обучающихся, требует осмысления и использования психолого-педагогических технологий в этом процессе. Особое значение имеют технологии, касающиеся содержания познавательной деятельности обучающихся. В качестве таковых можно предложить использование заданий:

- по осмыслению и формулированию сути определенных исторических событий, периодов и иных явлений, а также их причин и условий, что способствует кристаллизации исторических знаний, их выстраиванию в взаимосвязанную совокупность и более прочному запоминанию;

- определению роли определенных личностей в истории страны, что обуславливает формирование оценочного исторического мышления;

- образному моделированию (как это могло выглядеть) исторических явлений, в том числе уклада жизни людей в определенной эпохе, их трудовой занятости, участия в социальных движениях, в защите Родины, а также исторически значимых событий и их последствий, которое обеспечивает эмоционально-образное усвоение материала и формирование чувственных отношений к историческим явлениям;

- рефлексии сознания людей, являвшихся участникам и свидетелями исторических событий – какие они могли иметь мнения, интересы, отношение к рассматриваемым социальным явлениям и субъектам, какие испытывать побуждения, переживания, благоприятные для углубления исторических знаний и взглядов;

- историческому моделированию причин и условий определенных событий и тенденций в национальной истории, возможностей избежания негативных явлений и трагических периодов, а также объяснению факторов имевших место прогрессивных явлений в стране и положении народа, которое развивает историческое мышление.

РОЛЬ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В УСТАНОВЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

Прудникова Т. А.

Республика Беларусь, г. Могилев
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова,
старший преподаватель кафедры юриспруденции

Нюрнбергский трибунал, созданный в 1945 году, сыграл ключевую роль в установлении ответственности за преступления, совершенные нацистским режимом во время Второй мировой войны. Этот судебный процесс стал первым в истории, когда высокопоставленные военные и политические лидеры были привлечены к уголовной ответственности за военные преступления, преступления против человечности и преступления против мира.

Одной из основных задач Нюрнбергского трибунала было не только наказание виновных, но и создание прецедента для международного права. Судебные разбирательства позволили детально рассмотреть механизмы, с помощью которых нацистский режим осуществлял свои преступления, и выявить системные аспекты, способствовавшие реабилитации нацизма. В ходе процесса были представлены доказательства, которые продемонстрировали, как идеология нацизма пронизывала все сферы жизни общества, включая политику, экономику и культуру.

Нюрнбергский трибунал также стал важным шагом в формировании международного права, установив принципы индивидуальной уголовной ответственности. Это означало, что не только государства, но и отдельные лица могут быть привлечены к ответственности за свои действия, что стало основой для будущих международных судов, таких как Международный уголовный суд. Кроме того, Нюрнбергский трибунал способствовал процессу рефлексии и осмысления исторической памяти о Холокосте и других преступлениях нацистов. Он стал символом борьбы с безнаказанностью и важным шагом к предотвращению повторения подобных трагедий в будущем.

Таким образом, Нюрнбергский трибунал не только установил юридическую ответственность за преступления нацизма, но и заложил основы для дальнейшего развития международного права и защиты прав человека, что делает его значимым событием в истории человечества.

В современных условиях использование законодательных средств для предупреждения реабилитации нацизма основывается на положениях международно-правовых актов, в том числе о преступлениях с использованием информационных технологий, и нормах уголовного права зарубежных государств.

Во-первых, в пп. 18 и 19 резолюций Генеральной Ассамблеи ООН 73/157 от 17 декабря 2018 г., 74/136 от 18 декабря 2019 г. и 75/169

от 16 декабря 2020 г. В связи с активизацией «борьбы с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», государствам рекомендовано принять надлежащие конкретные меры, в том числе в законодательной области и в сфере образования, в соответствии с их международными обязательствами в области прав человека, с тем чтобы предотвратить пересмотр итогов Второй мировой войны и отрицание преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны [1, с. 192].

Это особенно важно в свете конкретных данных о том, что каждый третий белорус, по сути, заплатил ценой своей жизни за становление мира на европейском континенте, укрепление международной безопасности и образование ООН в 1945 году.

Во-вторых, ст. 6 Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о преступлениях в сфере компьютерной информации, об инкриминировании расистских актов и совершенного ксенофоба при помощи информационных систем (CETS № 189) от 28 января 2003 г. в ряду преступлений непосредственно называет «умышленное и противоправное распространение или обеспечение доступа для общественности через компьютерную систему материала, который полностью отрицает или чрезвычайно умаляет отрицательные последствия, одобряет или оправдывает действия, являющиеся геноцидом или преступлениями против человечества, как определено международным правом и как это признано окончательными и обязательными решениями Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, образованного в соответствии с Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г., или любого другого международного суда, образованного согласно соответствующим международным документам и юрисдикция которого признана стороной. На сегодняшний день Дополнительный протокол ратифицирован в 30 государствах – членах Совета Европы, а также в трех государствах, не входящих в его состав».

Что касается региональных подходов в этом направлении, полагаем возможным упомянуть Рамочное решение Совета Европейского союза 2008/913/JHA от 28 ноября 2008 г. «О борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии с помощью уголовного права», которое призывает европейские страны к установлению наказания за совершение умышленно публичной аполгии, публичного отрицания или публичной грубой банализации преступлений, определенных в ст. 6 Устава Международного военного трибунала, в отношении группы лиц или члена подобной группы, определенной по признаку расы, цвета кожи, религии, родства по восходящей линии, национального или этнического происхождения, когда такое поведение осуществляется способом, который создает риск подстрекательства к насилию или ненависти

по отношению к группе лиц или члену подобной группы (абз. d) подп. 1 п. 1 ст. 1).

Подробно анализируя практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) относительно негативизма, Г. А. Нелаева, Н. В. Сидорова и Е. А. Хабарова резюмируют, что «даже с учетом ст. 10 «Свобода выражения мнения» Конвенции Совета Европы от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» ЕСПЧ в настоящее время практически автоматически применяет ст. 17 «Запрет злоупотреблений правами» Конвенции к делам, связанным с отрицанием, и объявляет соответствующие жалобы в Суд неприемлемыми [2, с. 35].

Соответственно, европейскими юристами признается, что привлечение к уголовной ответственности за подобные действия не может оспариваться правом на свободу слова.

Несмотря на ведущую роль бывших советских республик в завершении Второй мировой войны, в рамках СНГ по существу отсутствуют согласованные государствами положения по вопросам ответственности за публичную реабилитацию нацизма, за исключением общей отсылочной к национальному законодательству нормы ст. 21 модельного закона «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 мая 2012 г.

Важно заметить, что Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г., в отличие от ранее упомянутой Конвенции Совета Европы о преступлениях в сфере компьютерной информации, не выделяет отдельно действия, связанные с реабилитацией нацизма, а признает в качестве уголовно наказуемого распространение с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет или иных каналов электрической связи материалов, признанных в установленном порядке экстремистскими.

Таким образом, установление уголовной ответственности за публичную реабилитацию нацизма основывается на международном опыте противодействия искажению конкретных исторических фактов, носит предупредительный характер и направлено на усиление информационной безопасности граждан, общества и государства.

Список цитированных источников

1. Мартыненко, И. Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма : опыт Республики Беларусь / И. Э. Мартыненко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – № 1. – С. 191–202.
2. Нелаева, Г. А. Криминализация отрицания Холокоста и других международных преступлений: обзор европейской и российской практики / Г. А. Нелаева, Н. В. Сидорова, Е. А. Хабарова // Международное правосудие. – 2020. – № 1. – С. 33–49.

РОЛЬ СССР В НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Туркенич С. В.

Республика Беларусь, г. Гомель

Гомельский филиал

Международного университета «МИТСО»,

старший преподаватель кафедры правоведения

и социально-гуманитарных дисциплин,

магистр права

Советский Союз сыграл фундаментальную роль в становлении, подготовке и проведении Нюрнбергского процесса – самого крупного судебного разбирательства XX века над ключевыми фигурами нацистской Германии. Роль СССР охватывала все этапы: от инициирования идеи трибунала до предоставления доказательной базы и участия в судебных заседаниях [1].

Главная заслуга создания Международного военного трибунала принадлежит именно Советскому Союзу: еще в 1942 году СССР официально выдвинул идею о неотвратимости наказания для зачинщиков войны, и в последующем настаивал на совместном подходе к наказанию преступников. Поправка СССР к Декларации Объединенных Наций от 1943 г. определила коллективную ответственность для главных военных преступников, что было зафиксировано в дальнейших межгосударственных соглашениях.

Советские дипломаты и юристы, прокуроры и следователи провели масштабную работу по разоблачению нацистских преступлений, сбору материалов о злодеяниях на оккупированных территориях СССР, включая геноцид, депортации, массовые расстрелы и разрушения культурных, исторических объектов. Советская сторона подготовила внушительные тома документов, свидетельских показаний, аналитических справок, представила фотоматериалы и кинодокументы о концентрационных лагерях Майданек, Освенцим, что оказало ключевое влияние на суд трибунала [2].

Советская делегация акцентировала внимание на ключевом вопросе – агрессии против Советского Союза как финальной цели нацистских захватнических планов, демонстрируя этапы подготовки, такие как «План Барбаросса» и другие документы. Помощник главного обвинителя от СССР Н. Д. Зоря подчеркивал: «Захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира». При этом советское обвинение требовало сурового и справедливого наказания для главных инициаторов войны, отличаясь принципиальным, последовательным и документально подкрепленным подходом [3].

Работники прокуратуры СССР, РСФСР, УССР, БССР принимали активное участие в подготовке и проведении процесса, разрабатывали

тексты обвинительных актов, участвовали в формулировании приговора, допросах подсудимых. Демонстрация советских документальных кинофильмов о концлагерях сильно повлияла на международное сообщество и жюри трибунала, окончательно переломив ход процесса и мнение судей.

Роль советской прокуратуры в Нюрнбергском процессе была фундаментальной и отличалась высоким профессионализмом, масштабом работы, а также сильным идейно-нравственным акцентом. Именно представители советской прокуратуры внесли уникальный вклад в формулирование обвинения, разработку доказательной базы и представление позиции СССР на суде международного трибунала.

Советская делегация включала выдающихся юристов, среди которых особое место занимал Роман Андреевич Руденко – главный обвинитель от СССР, который, несмотря на относительно молодой возраст, проявил себя блестящим профессионалом, обладавшим глубокими знаниями международного права и огромной организационной энергией. В состав советской группы входили также Арон Трайнин, Лев Шейнин, Константин Горшенин и ряд других видных юристов. Для координации работы основных обвинителей стран-союзников был учрежден специальный комитет, в который входили представители всех сторон, включая СССР, – это обеспечивало согласование позиций и оперативное принятие решений [4].

Работа советских прокуроров началась с масштабного сбора и анализа доказательств: специально созданная следственная часть советской делегации оперативно обработала огромный массив документов, раскрывающих военные преступления нацистов против советских граждан, подготовила материалы по массовым расстрелам, уничтожению военнопленных, насильственному угону людей для рабского труда, разрушению городов и культурных памятников. Особое значение имело обнаружение планов нападения («Барбаросса»), которые стали ключевыми доказательствами целенаправленного развертывания агрессии против СССР.

В ходе процесса советские прокуроры демонстрировали и использовали кинохронику, фотографии, отчеты о геноциде, разрушениях и масштабных злодеяниях, продемонстрировав международному сообществу документальные подтверждения преступлений нацистов. Советская сторона подробно оголила планы гитлеровского руководства по уничтожению Ленинграда, организации массового истребления военнопленных и мирного населения Москвы, представив доказательства вопиющих нарушений международного права и договоров [5].

Вся работа советских специалистов отличалась идеологической цельностью, обоснованностью и юридической выверенностью. Именно с подачи советских прокуроров обвинение против подсудимых было сформулировано по всем разделам ст. 6 Устава трибунала –

преступления против мира, против человечности и военные преступления. Это было принципиально важно для закрепления в международном праве новых стандартов ответственности, невозможности оправдания зверств ссылками на государственную волю и так называемые «приказы».

Советские прокуроры не только собирали и представляли доказательства, но и принимали активное участие в формировании итогового приговора, политико-правовой оценки преступлений, а также в создании базиса для последующего развития международного уголовного права [6].

Таким образом, роль советской прокуратуры в Нюрнбергском процессе состоит в организации сбора и анализа доказательств преступлений против советских граждан, формулировке обвинительных актов и активном участии в судебных заседаниях, демонстрации всему миру последствий нацистской политики геноцида и агрессии, развитии международных правовых стандартов и закреплении закона ответственности, непосредственном участии в выработке итогового приговора и формировании послевоенного юридического наследия.

Советский Союз заложил основы современной международно-правовой системы, обеспечив закрепление принципа индивидуальной уголовной ответственности и невозможности оправдания преступлений ссылками на волю государства. Эффект Нюрнберга оказал влияние на последующие международные процессы, юридические нормы, развитие гуманитарного права. СССР стал главным хранителем памяти и заветов трибунала, а в современном мире уроки Нюрнберга сохраняют актуальность в борьбе за историческую истину и против ревизии итогов Второй мировой войны.

Список цитированных источников

1. Лебедева, Н. С. СССР и Нюрнбергский процесс / Н. С. Лебедева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sssr-i-nyurnbergskiy-process> (дата обращения: 14.11.2025).
2. Смирнов, П. А. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и формировании международного права / П. А. Смирнов. – URL: <https://agprf.org/articles/role-sssr-in-nyurnberg-process> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Нюрнбергский процесс и роль СССР в его проведении и развитии международного права. – URL: <https://sverdlovo-adm.ru/news/nyurnbergskiy-process-i-rol-sssr-v-ego-provedenii-i-v-razvitii-mezhdunarodnogo-prava/> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Советская группа прокуроров: Трайнин А. Н., Шейнин Л. Р., Горшенин К. П., Руденко Р. А. [и др.]. – URL: <https://ww2abc.com/2023/10/sovetskiye-prokurory-nyurnberg/> (дата обращения: 14.11.2025).
5. Международный военный трибунал в Нюрнберге глазами журналистов. – URL: <https://spec.tass.ru/nyurnberg-tribunal-journalists> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Роль прокуратуры СССР в Нюрнбергском процессе 1946 года. – URL: <https://j3.sbnray.ru/news/rol-prokuratury-sssr-v-nyurnbergskiy-process-1946> (дата обращения: 14.11.2025).

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Фазлиев А. М.

Российская Федерация, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры отечественной истории и архивоведения,
кандидат исторических наук, доцент

Бродовская Л. Н.

Российская Федерация, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры отечественной истории и архивоведения,
кандидат исторических наук, доцент

Буравлёва В. В.

Российская Федерация, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры отечественной истории и архивоведения,
кандидат исторических наук, доцент

Реформа российского образования проходит в условиях переосмысления тех исторических процессов, которые происходят в мире, что, в свою очередь, привело к тому, что оценки многих событий настоящего и прошлого Европы, США и всего мирового сообщества претерпели кардинальное изменение, в том числе и в России. «Переоценка» привела к серьезным изменениям в позициях части историков и политических деятелей понимания Второй мировой и Великой Отечественной войн. В качестве наглядного примера можно привести изменение в оценке роли Советского Союза. И сегодня все громче звучат голоса тех, кто не согласен с тем, что именно Советский Союз и советский народ внес наибольший вклад в общую победу над фашизмом. Поэтому особое значение приобретает освещение проблем Второй мировой и Великой Отечественной войн в курсе «История России». Это связано с тем, что в университетских аудиториях сидят студенты не только из различных регионов Российской Федерации, но и различных стран. Поэтому одной из главных задач, которая решается в процессе преподавания курса «История России» (и не только его), является социокультурная адаптация студентов, приехавших из различных стран и регионов, и освоение ими тех образов истории, которые зафиксированы в учебной литературе, рекомендованной для изучения в высшей школе. А то, какие исторические события описаны в учебниках, а также их оценки не только создают образовательный базис, но являются основой формирования исторической памяти, так как «...образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории» [1, с. 46].

В год 80-летия окончания Второй мировой войны остро стоит вопрос освещения в российских учебниках Нюрнбергского военного трибунала как итога войны, так как «вакцина» от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых странах Европы теряет силу. Вопреки извлеченным из Второй мировой войны урокам, в Европе снова набирает силу национализм [2]. Фактически на Западе идет активный процесс политизации и фальсификации истории военного и послевоенного периодов, в том числе пересмотр итоговых документов Нюрнбергского процесса. А ведь именно в Нюрнберге в 1945 году была полностью определена вина гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны, дана объективная оценка нацистской идеологии и ее зверским преступлениям против человечности. Важно твердо знать и помнить, что решений Нюрнбергского трибунала никто не отменял!

О том, что изучение Нюрнбергского военного трибунала позволит школьникам и студентам лучше понять всю опасность нацизма, говорил в 2020 году председатель Российского исторического общества, директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин. Его поддержала вице-спикер Госдумы Ирина Яровая. 19 апреля 2021 г. она направила обращение к профильным ведомствам с предложением включить в школьную программу изучение приговора Нюрнбергского трибунала, так как молодежь нынче мало знакома с самим текстом приговора и разделом «Агрессия против СССР». Она убеждена, что изучение материалов, которые содержатся в исторических документах, не подлежащих пересмотру и интерпретации, уберегло бы молодые умы от манипуляций, связанных с искажением итогов Второй мировой войны [3]. Ирина Яровая разработала закон о повышенной ответственности за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны [4].

К 75-летию со дня начала судебного процесса над нацистами Росархив на сайте проекта «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения Советского Союза в годы ВОВ 1941–1945 годов» разместил материалы о Нюрнбергском трибунале. Впервые в свободном доступе представлены свыше 3500 страниц из фонда Нюрнбергского трибунала, 300 фотографий фотокорреспондента Евгения Халдея. Портал «Злодеяния. Возмездие. Память» включает всю доступную информацию, посвященную Нюрнбергскому процессу, Токийскому процессу и другим послевоенным судам над нацистскими преступниками (более 2000, вплоть до 1953 года) [5].

Но в 2015 году в новой линейке российских школьных учебников истории упоминания о Нюрнбергском процессе были практически исключены. Например, в учебнике коллектива авторов под руководством О. Волобуева «История России. Начало XX – начало XXI века» о нем вскользь упоминается лишь в одном предложении: «Германию решено

было подвергнуть денацификации, демилитаризации, демонополизации, демократизации (четыре «Д»). Нацистская партия должна быть запрещена, военные преступники преданы суду, а Германия возрождена как демократическое государство».

В учебнике «История. Всеобщая история. Новейшая история. 1914 г. – начало XXI в.» (учебник для 10–11-х классов общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни / Н. В. Загладин, Л. С. Белоусов; под науч. ред. С. П. Карпова. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019, входит в актуальный Федеральный перечень учебников) Нюрнбергскому трибуналу уделен целый абзац в параграфе «Итоги и уроки Второй мировой войны. Создание ООН». Отмечено, что «Впервые в мировой истории лидеры государств-агрессоров и исполнители их приказов понесли личную ответственность за преступления против человечества. С ноября 1945 по октябрь 1946 года в городе Нюрнберге, где ранее проводились съезды национал-социалистов, состоялся Международный военный трибунал – судебный процесс над лидерами нацистской Германии. Из них к смертной казни было приговорено 12 человек, признанных военными преступниками, три – к пожизненному заключению, четыре – к различным срокам тюремного заключения».

В учебнике В. Р. Мединского и А. В. Торкунова для 10 класса впервые дается более полная информация о Нюрнбергском процессе, его значении, о наказании главных военных преступников. Показано, что Уставом трибунала было определено, что подсудимым – высшим политическим и военным руководителям Германии будут предъявлены обвинения в соответствии с особой квалификацией. Во-первых, преступления против мира – планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров. Во-вторых, военные преступления – нарушение законов и обычаев войны, убийства, истязания военнопленных или убийства заложников. В-третьих, преступления против человечности – убийства и другие жестокости в отношении гражданского населения до или во время войны или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам [6, с. 459–462]. Не лучше обстоит дело и с вузовскими учебниками. Нюрнбергский процесс вообще не упоминается в целом ряде учебников [7]. Наказание главных военных преступников кратко освещается в рамках итогов Второй мировой войны в учебнике МГУ [8, с. 553–554] и учебном пособии МГИМО [9, с. 375–376].

Нюрнбергский процесс дал санкцию на преследование военных преступников независимо от сроков давности. С 2018 года в нашей стране реализуется масштабный проект «Без срока давности», запущенный «Поисковым движением России» и поддержанный Президентом России В. В. Путиным. Цель проекта – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР и военных преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, противостояние попыткам реабилитации нацизма в Евросоюзе,

Канаде и Японии. Одной из основных задач проекта стало историческое просвещение школьников и студентов.

19 апреля в России отмечают памятную дату – День единых действий в память о геноциде советского народа нацистами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. В этот день, 19 апреля 1943 г., был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». Этот указ стал правовым основанием большой работы по установлению и расследованию преступлений нацистов против советского народа, которая велась с ноября 1942 года Чрезвычайной государственной комиссией. Обвинение в Нюрнберге впервые ввело в официальный документ новый термин «геноцид». В ходе выступления прокуроров документы, представленные трибуналу Чрезвычайной государственной комиссией СССР, зафиксировали использование гражданских лиц в качестве «живых щитов», деятельность айнзацгрупп, работу газвагенов и расстрельных отрядов, убийство заложников и массовые казни, включая Бабий Яр, Хатынь. Советская прокуратура передала судьям образцы обработанной человеческой кожи и мыла, изготовленного из человеческих тел. С трудом осознавая происходившее, судьи начали подозревать советских юристов в преувеличениях: так, судья Паркер не мог поверить в то, что охранники расстреливали детей в концлагерях. Он полагал, что такое было просто невозможно. После просмотра 45-минутной кинохроники из лагерей Паркер три дня не вставал с постели. «*New York Times*» отметила, что видео, представленное советской стороной, развеяло предположения о том, что истории о немецкой оккупации на Востоке были преувеличены. Все четыре делегации прокуроров подробно остановились на холокосте, но советское дело стало самым широким, самым подробным и самым откровенным рассказом о катастрофе еврейского населения Европы.

Учебники – это не только особая форма научной литературы, но и педагогический инструмент формирования из учеников граждан своей страны. Включение в школьные и вузовские учебники истории нашей страны подробного анализа Нюрнбергского процесса будет способствовать созданию условий для формирования представления и понимания вечных человеческих ценностей, приобщению к великим историческим событиям мировой истории, позволит учащимся дать самостоятельную нравственную оценку событий. В учебниках должна найти отражение тема исторической значимости Нюрнбергского процесса и показана актуальность принятых на процессе решений и для нашего времени: совершение военных преступлений в современном мире, проблемы терроризма и экстремизма. Подробности Нюрнбергского процесса долго замалчивали, они не изучались в школах и вузах. А сегодня мы можем их изучать, осмысливать, сопереживать.

Список цитированных источников

1. Эткинд, А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца / А. Эткинд // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 46.
2. Интервью Путина В. В. сербской газете «Политика» // Политика. – 2014. – 15 окт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46806> (дата обращения: 06.11.2025).
3. Третьякова, М. Школьники почти ничего не знают о Нюрнбергском трибунале / М. Третьякова // Парламентская газета. – 2021. – сент. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/shkolniki-pochti-nichego-ne-znayut-o-nyurnbergskom-tribunale.html?ysclid=mhhpvmkol6387357218> (дата обращения: 06.11.2025).
4. О внесении изменений в статью 354-1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 5 апр. 2021 г. № 59-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.11.2025).
5. Милитера («Военная литература») [сайт]. – URL: <http://nurembergtrial.histrf.ru/> (дата обращения: 06.11.2025).
6. Мединский, В. Р. История России 1914–1945 годы. Базовый уровень : учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. – М., 2023. – С. 45–462.
7. Барсенков, А. С. История России. 1917–2009 / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. – 3-е изд., расш. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 846 с. ; Кузнецов, И. Н. История : учебник для бакалавров / И. Н. Кузнецов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Дашков и Ко, 2015. – 576 с.
8. Орлов, А. С. История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – С. 553–554.
9. История России : учеб. пособие : в 4 т. / под общ. ред. М. А. Липкина, В. И. Уколовой. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. – Т. 3 : 1914–1945 годы / М. Ю. Мяков, Н. А. Могилевский, Н. А. Копылов, О. Г. Обичкин . – С. 375–376.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ № 3 «НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЛОКОСТ. ФАШИЗМ ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА»

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО УСТАВА И РЕГЛАМЕНТА

Алексейчикова Е. Н.

Республика Беларусь, г. Могилев
детский сад № 46 г. Могилева,
заведующий

Рытова Н. Н.

Республика Беларусь, г. Могилев
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова,
доцент кафедры юриспруденции,
кандидат исторических наук, доцент

Международный военный трибунал, созданный в результате подписания межправительственного соглашения о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси между СССР, США, Великобританией и Францией 8 августа 1945 г. [3], стал первой организацией по рассмотрению дел о военных преступлениях, совершенных в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Деятельность данного органа базировалась на его Уставе и Регламенте. Местоположением трибунала, согласно ст. 22 Устава стал г. Берлин, а первый процесс должен был состояться в Нюрнберге [4, л. 13]. И действительно, первый судебный процесс над военными преступниками проходил в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. [1]. Основной целью работы трибунала было «быстрое наказание главных военных преступников стран оси» [4, л. 5]. Трибунал рассматривал судебные дела как в отношении отдельно взятых лиц, так и преступных организаций, в последнем случае лица, входящие в состав такой организации, могли быть привлечены к суду военного, национального или оккупационного трибунала [2, л. 17; 4, л. 9].

Под юрисдикцию трибунала попадали такие преступления, как **преступления против мира** («планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого

из вышеизложенных действий» [4, л. 7]), **военные преступления** («нарушение законов или обычаев войны: убийства, истязания или увод в рабство или других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления» [4, л. 7]), **преступления против человечности** («убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления преступления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» [4, л. 7]).

В состав трибунала входили четыре члена и их заместители. Каждая страна – СССР, США, Франция и Великобритания – назначала по одному члену и одному заместителю. Заместители наравне с членами трибунала должны были присутствовать на всех заседаниях трибунала, а в случае болезни или невозможности члена выполнять свои обязанности занимали его место. Прерогатива замены члена или заместителя трибунала принадлежала только странам, подписавшим уставные документы. Обвинители, подсудимые или адвокаты не имели права отозвать кого-либо из членов или заместителей трибунала. При этом осуществить замену члена трибунала во время судебного процесса можно было только его заместителем и никем иным. Заседание трибунала считалось правомочным, только если в его работе принимали участие все четыре представителя (члены или их заместители) [4, л. 5].

Перед началом судебного заседания члены трибунала выбирали председателя. Он избирался с согласия всех остальных членов трибунала, а также определялась очередность председательствования на последующих судебных заседаниях. Если заседание трибунала проходило на территории одной из четырех стран, подписавших договор, то председателем должен был стать представитель данной страны. Председатель обязан был руководить судебным процессом, разрешать вопросы, возникающие в ходе его работы (удовлетворять или отклонять ходатайства сторон, объявлять перерывы и т. д.) [2, л. 20–21]. Кроме того, голос председателя являлся решающим при равенстве голосов при принятии решения. В целом же все решения трибунала должны были приниматься большинством голосов. Однако данный принцип не распространялся при вынесении решения об обвинении и определении наказания преступнику. В данном случае решение считалось принятым, если его поддержало большинство членов трибунала [4, л. 6].

С целью обеспечения работы трибунала также создавался Секретариат, состоящий из Генерального секретаря, назначаемого

трибуналом, четырех секретарей (назначаемых членами трибунала) и помощников, определяемых секретарями и утверждаемых трибуналом. Кроме того, работу Секретариата и самого трибунала обеспечивали переводчики, коменданты, стенографы и иные лица, кандидатуры которых также в обязательном порядке утверждал трибунал [2, л. 22]. Генеральный секретарь осуществлял общее руководство Секретариатом, отвечал за хранение вещественных и документальных доказательств, удостоверял оригиналы документов, поступавших на рассмотрение, через него в трибунал поступали все заявления и ходатайства [2, л. 23].

Кроме Международного военного трибунала, было предусмотрено создание Комитета по расследованию и обвинению. В его состав входили главные обвинители, назначаемые США, СССР, Францией и Великобританией, по одному от каждой страны. Комитет определял план работы каждого из вышеуказанных должностных лиц; выявлял лиц, которые должны были быть привлечены к суду; утверждал обвинительный акт и круг документов, передаваемых в суд. Также Комитету предписывалось разработать регламент работы трибунала и передать его на утверждение трибуналу [4, л. 10]. Решения по привлечению того или иного лица к суду и определение формы наказания должны были решаться главными обвинителями Комитета на основании большинства голосов. При равенстве голосов отдавался приоритет предложению, вынесенному стороной, предложившей привлечь то или иное лицо к суду. В состав Комитета входили и главные обвинители. Они обязаны были проводить расследование, собирать доказательства и предъявлять его в суде, проводить допрос свидетелей и подсудимых, подготовить обвинительный акт для утверждения Комитетом, выступать в качестве обвинителей во время судебного заседания; назначать уполномоченных для выполнения указанного круга обязанностей и выполнять иные необходимые действия [4, л. 11].

Уставом также был определен порядок работы в судебном заседании. Заседание должно было начинаться с оглашения обвинительного акта и опроса подсудимых, далее следовала вступительная речь обвинителя. Далее трибунал выяснял о наличии у стороны обвинения и защиты каких-либо ходатайств. За этим должен был следовать допрос свидетелей обвинения и защиты, рассмотрение доказательств. Во время судебного заседания трибунал имел право задавать любые вопросы свидетелям и обвиняемым. В конце заседания адвокат должен был произнести защитную речь, а обвинитель – обвинительную. Далее предоставлялось последнее слово подсудимому, и заключительным моментом становилось вынесение приговора [4, л. 14].

При рассмотрении дел в судебном заседании главные обвинители не должны были доказывать общеизвестные факты. Трибунал также без доказательств имел право принимать официальные правительственные документы, доклады, подготовленные ООН, в том числе акты

и документы, подготовленные при расследовании военными комитетами одной из стран, подписавших договор [4, л. 13].

Устав трибунала предусматривал возможность заочного рассмотрения дел, т. е. без участия обвиняемых. Это допускалось или в случае, когда обвиняемого не смогли найти, или если трибунал признавал заочное рассмотрение дела возможным в интересах правосудия [4, л. 9].

Интересным является вопрос о правах подсудимых. Каждому подсудимому обеспечивалось право на защиту. Лицо, привлеченное к суду, имело право самостоятельно осуществлять свою защиту либо выступить с ходатайством о привлечении адвоката. При этом отмечалось, что осуществлять защиту подсудимого имел право человек, имеющий право осуществлять адвокатскую деятельность в стране обвиняемого. Если подобного ходатайства в Секретариат не поступало или заявленный адвокат по тем или иным причинам не мог осуществлять защиту обвиняемого, то защитника назначал трибунал [2, л. 18]. Защиту обвиняемого мог осуществлять только один адвокат, если иное не было определено трибуналом.

Обвиняемые, вне зависимости, находились ли они под стражей или нет, получали переведенные на их родной язык документы: обвинительное заключение, Устав, разъяснения о праве на защиту в суде (им даже предоставлялся список адвокатов) и иные документы, которые прилагались к обвинительному заключению [2, л. 17].

Группы и организации, признанные трибуналом преступными, оповещались посредством публикации информации об этом в средствах массовой информации. Интересным является тот факт, что в отношении лица, входящего в состав группы, признанной Международным военным трибуналом преступной, могло быть вынесено двойное наказание: наказание, определенное Международным военным трибуналом, и дополнительное наказание, установленное национальным, военным или оккупационным трибуналом [4, л. 9]. Таким образом, одно и то же лицо могло быть дважды привлечено к суду по одному и тому же делу и в его отношении дважды могли быть установлены санкции.

Интересным является тот факт, что в соответствии с Уставом для привлечения к участию в судебном заседании трибунала свидетеля или подсудимого требуется получение согласия страны, подписавшей соглашение и уставные документы трибунала [4, л. 11], т. е. США, Великобритания, Франция или СССР получили право отказать предоставить в суд либо свидетеля, либо обвиняемого, находящихся у них под стражей. Между тем в межправительственном соглашении было указано, что стороны, подписавшие документ, обязаны предпринять все усилия для того, чтобы направить для участия в судебных заседаниях трибунала «всех главных военных преступников» [3, л. 2].

Таким образом, деятельность Нюрнбергского трибунала была регламентирована двумя основными документами – Регламентом

и Уставом. Эти документы определили порядок работы Международного военного трибунала, цели и задачи, стоящие перед ним, порядок назначения должностных лиц, а также права и обязанности участников процесса.

Список цитированных источников

1. Потеружа, И. И. Нюрнбергский процесс / И. И. Потеружа // Белорусская энциклопедия. – URL: <https://belarusenc.by/temy/belarusinsecwar/8809/> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Регламент Международного военного трибунала. 8 авг. 1945 года // Гос. архив Рос. Федерации. – Ф. Р-7445. Оп. 1. Д. 2603. Л. 17–24. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/08-08-1945-reglament-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временного правительства Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. 8 августа 1945 года // Гос. архив Рос. Федерации. – Ф. Р-7445. Оп. 1. Д. 2603. Л. 1–4. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/08-08-1945-mezhpravitelstvennoe-soglashenie-sssr-usa-velikobritanii-i-francii-o-sudebnom-presledovanii> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Устав Международного военного трибунала 8 августа 1945 года // Гос. архив Рос. Федерации. – Ф. Р-7445. Оп. 1. Д. 2603. Л. 5–16. – URL: <https://victims.rusarchives.ru/08-08-1945-ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala> (дата обращения: 14.11.2025).

ОБ УСИЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ НАЦИСТСКИХ СИМВОЛОВ

Асаёнок Б. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

В настоящее время в Республике Беларусь создана и функционирует действенная система противодействия экстремистским проявлениям, в том числе касающимся героизации фашистских преступников, отрицания геноцида белорусского народа и многим другим сфер. Своевременное выявление, пресечение и привлечение к ответственности лиц, пропагандирующих нацистскую и иную с ней связанную символику, позволяет эффективно предупреждать зарождение самых первых признаков нацистской идеологии, не дожидаясь их преобразования в общественно опасное политическое движение.

В этой связи следует обратить внимание на то, что частью 1 ст. 19.10 «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) предусмотрена административная ответственность за следующие противоправные действия: «пропаганда или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения» [1].

Как мы ранее уже указывали, представляется недостаточным привлечение к административной ответственности за противоправные деяния, имеющие своим предметом нацистскую символику. Дело в том, что вместе с символикой национал-социалистической рабочей партии Германии нередко может использоваться экстремистами и националистами различных стран и такая символика, которая была в употреблении у вспомогательных формирований, которые нацисты во время Второй мировой войны создавали на оккупированных территориях из маргинализированных представителей местного населения. В том числе речь идет о создании полицейских батальонов, вспомогательных подразделений СС, молодежных трудовых отрядов и других формирований фашистских пособников. Для «придания» этим формированиям якобы «национальной окраски» разрабатывалась соответствующая символика, которая использовалась в сочетании с нацистской символикой [2].

Но одно лишь расширение перечня запрещенных символов нам представляется мерой недостаточной. Указание в ч. 2 ст. 19.10 КоАП на признак повторности как на основание привлечения к усиленной административной ответственности мы считаем мерой, не соответствующей степени общественной опасности этих экстремистских проявлений. Адекватной мерой здесь мы видим привлечение виновных физических лиц к уголовной ответственности при повторном совершении такого правонарушения в течение года после привлечения к административной ответственности за такое же правонарушение.

Мы разделяем позиции тех ученых, которые считают, что административная преюдиция до настоящего времени не является глубоко проработанным институтом в юридической (в частности, в уголовно-правовой) доктрине. Сам факт повторного совершения административного правонарушения, не обладающего признаком общественной опасности, не делает правонарушителя преступником. Законодатель лишь по отдельным наиболее серьезным административным правонарушениям в качестве специфичного метода уголовно-правового воздействия применяет административную преюдицию. И это применение следует считать оправданным.

Так, уголовное законодательство содержит ряд составов с административной преюдицией в статьях в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь:

статья 198-1 «Нарушение законодательства о средствах массовой информации»;

статья 201 «Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности»;

статья 228-1 «Незаконное перемещение товаров через таможенную границу»;

статья 296 «Незаконные действия в отношении холодного оружия»;

статья 297 «Незаконные действия в отношении газового, пневматического или метательного оружия» и некоторые другие [3].

Сама административная преюдиция представляет собой привлечение к уголовной ответственности за повторное совершение в течение одного года после аналогичного привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения. Вместе с тем порядок реализации административной преюдиции имеет определенные особенности в действующей правоприменительной практике. Так, к примеру, фактом привлечения к административной ответственности зачастую считается вынесение постановления о наложении административного взыскания. Вторым фактом совершения аналогичного административного правонарушения вводится в действие норма Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающая в качестве условия административную преюдицию. При этом оба факта совершения аналогичных административных правонарушений в течение одного года «работают в единой связке», то

есть представляют собой элементы единого (одного и нераздельного по элементам) состава преступления. Если после возбуждения уголовного дела по составу с административной преюдицией лицо освобождается от уголовной ответственности или уголовного наказания, то факт первого административного правонарушения, запустившего механизм административной преюдиции, также считается поглощенным отменой уголовно-правовой санкции. Нам представляется это не в полной мере корректным. Более уместным нам представляется такое толкование применения состава с преюдицией, при котором освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания действует только на повторно совершенное (одно) административное правонарушение. Но не распространяется на первое из совершенных административных правонарушений, поскольку там уже имело место привлечение к административной ответственности. И если далее было совершено третье аналогичное правонарушение в течение года с привлечением к административной ответственности, то оно также должно считаться совершенным с административной преюдицией.

Именно таким образом мы видим и привлечение к уголовной ответственности за незаконные действия с нацистской символикой по ст. 19.10 КоАП. Представляется, что незаконные действия в отношении нацистской и иной аналогичной символики также ставят под угрозу общественные отношения в сфере общественного порядка и общественной безопасности и создают условия для того, чтобы безнаказанно культивировались виды человеконенавистнической идеологии, функционировали формирования, направленные на ее реализацию.

Список цитированных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15 апр. 2026 г. № 138-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).

2. Асаёнок, Б. В. О совершенствовании законодательства Республики Беларусь по вопросам противодействия пропаганде нацистской и иных схожих идеологий / Б. В. Асаёнок // Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 нояб. 2023 г. / редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – С. 62–63.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).

УЗНИКИ МИНСКОГО ГЕТТО

Бань Н. Ю.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры международного права

Дубин И. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
студент

80-летие Победы – это не только повод для торжества, но и важная дата для осмысления исторической памяти и уроков прошлого. Геноцид на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны затронул миллионы жизней, что требует внимательного исследования и анализа.

Термин «геноцид» (от греч. *genos* – род, племя и *caedo* – убиваю) впервые был предложен в 1944 году уроженцем Волковыска польско-еврейским юристом Рафаэлем Лемкиным для обозначения организованного плана уничтожения национальных групп как таковых. Данный термин лег в основу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г/ [1, с. 178].

Геноцид не имеет срока давности. Генеральная прокуратура Республики Беларусь в 2021 году возбудила и расследует уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны. Выявлены десятки мест захоронений жертв геноцида. Получены многочисленные свидетельские показания, существенно дополняющие картину преступлений.

5 января 2022 г. Президентом Александром Григорьевичем Лукашенко был подписан Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», который был принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

У каждого народа, как и у отдельного человека, есть своя судьба и свое прошлое. Оно составляет его историю. Судьба еврейского народа в годы Второй мировой войны складывалась трагически.

В Национальном архиве Республики Беларусь есть уникальная возможность ознакомиться с документами, в которых раскрываются все ужасы и масштаб геноцида, развязанного нацистскими оккупантами на территории Беларуси в годы Второй мировой войны. Особенно трогательна трагедия еврейского народа, испытавшего на себе Холокост. Этим термином обозначают преследование и массовое истребление нацистами евреев, которые жили в Германии, странах-союзниках и на оккупированных ими территориях. Тут действовали нюрнбергские расовые законы, согласно которым предусматривалась

изоляция лиц еврейского происхождения в гетто и концентрационных лагерях для дальнейшего уничтожения [1, с. 179–180].

История показывает неотделимость жизни семьи от истории государства. Следовательно, историю Великой Отечественной войны можно дополнить фактами из жизни одной еврейской семьи Гоберман – узников Минского гетто.

История создания Минского гетто и условия нахождения в нем поражают своими масштабами и кровожадностью. Оно было одним из самых крупных на оккупированной территории СССР. Число узников превышало 100 000 евреев, выжить смогли лишь немногие. Минское гетто просуществовало дольше других и было уничтожено одним из последних. Дата 19 июля 1941 г. отпечаталась в сердцах сотен тысяч людей страхом, болью потерь, издевательствами и несломленной надеждой на жизнь. В этот день оккупационная власть приняла решение о создании на территории Минска гетто для реализации программы уничтожения евреев. Весь квартал, отведенный для евреев, подлежал изоляции от остальной части города путем возведения стены сухой кладки. Евреи могли покидать район лишь в составе групповой колонны и находиться за пределами своего района лишь для выполнения работ, предписанных им Минской городской управой. Неповиновение этому приказу каралось смертной казнью.

Площадь Минского гетто составляла около двух квадратных километров и была огорожена по периметру колючей проволокой в пять рядов. Расстрел стал спутником существования евреев. Под его угрозой евреям запрещалось выходить из-за проволоки, общаться с населением г. Минска, торговать и покупать товары питания. К 1 августа 1941 г. было закончено переселение евреев и было создано Минское гетто. Так называемое Большое гетто располагалось на 39 улицах и переулках вокруг Юбилейной площади в районе Нижнего рынка и еврейского кладбища. Просуществовало оно по 21 октября 1943 г. [2].

Семья Гоберман – это олицетворение судеб тысяч евреев, прошедших и навсегда оставшихся в стенах Минского гетто, их надежды и веры. Война навсегда изменила жизнь трех поколений этой семьи.

В июле 1941 г. Рая Давидовна Гоберман и ее семья попали в гетто [3]. Так как всех евреев переселяли в отдельный район, взять все необходимое из дома просто не представлялось возможным. Началась жизнь, полная страха и боли.

По мере того, как происходило заселение в гетто, нацисты старались разделить всех мужчин-евреев по группам в зависимости от профессий, которыми они владели. Их собирали на площади и производили отбор. По рассказам оставшихся в живых родственников семьи Гоберман, на второй день пребывания в гетто муж Раи Давидовны, врач по профессии, при регистрации и распределении был отобран в группу, в которую собрали врачей, бухгалтеров, водителей.

Приблизительно 45–50 человек. На следующий день им нужно было явиться на площадь для получения направления на работу.

Рая Давидовна с супругом надеялись, что именно профессия мужа обеспечит им безопасность. Ведь врачи особенно нужны в период военных действий для сдерживания заболеваемости и оказания первой помощи пострадавшим. Однако назавтра группу погрузили в машины и вывезли на окраину города, где расстреляли. Никому не удалось спастись. Только спустя некоторое время Рая Давидовна узнала о том, что нацисты намеренно ликвидировали евреев, работников умственного труда, первыми. Им нужна была рабочая сила. Поэтому печникам, плотникам, электрикам удалось избежать расстрела в первые дни жизни в гетто. Каждый день появлялись новые правила и приказы немецкого руководства. Так, все евреи на своей одежде должны были иметь лату – желтую звезду Давида. Это было их опознавательным знаком. На глазах у Раи Давидовны пожилого мужчину, у которого лата была плохо пришита, привязали за ноги к автомашине и возили по улицам. Немцы были заинтересованы в ликвидации евреев, поэтому расстрелы происходили по любому поводу: не снял шапку при приветствии, не остановился во время приветствия и т. д.

Чтобы добыть хоть какую-то еду для себя и дочери, Рая Давидовна делала вылазки в другие районы г. Минска. Это было очень опасно, но других вариантов добыть хоть что-то и спасти семью от голодной смерти не было. Ей удавалось обменивать вещи, например теплую шапку или юбку, на хлеб или картошку. Однако в одну из таких вылазок ее опознали как еврейку и расстреляли прямо на месте. После ее смерти присматривать за дочкой Эльвирой, которой на тот момент было около 1,5–2 лет, стала прабабушка Эстер, которая родом была из Ракова Воложинского района Минской области.

Для истребления еврейского населения нацисты устраивали погромы. В свою очередь, евреи, чтобы спастись, стали сооружать у себя в домах гетто «малины». «Малина» – это место, которое могло находиться на кухне, в коридоре, в комнате. Обычно представляло из себя погреб либо пространство между стенками, которые строили с несколькими входами. При очередной облаве все, кто был в доме, спрятались, а прабабушка Эстер накрыла лаз ковриком сверху. Это было обязательное условие для спасения. Она осталась сидеть на кровати. Когда немцы зашли в дом, прабабушка сказала, что ослепла. Ценой своей жизни прабабушка Эстер защитила своих родных.

Из семи ее членов смогли выжить только трое. Остальные не смогли пережить ужасы, издевательства, голод и холод за колючим забором Минского гетто, несмотря на силу духа, смелость и отвагу. Каждый прожитый день был маленькой победой в схватке со смертью.

Таким образом, через историю семьи Гоберман можно проследить трагедию евреев на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, и более конкретно – трагедию еврейского населения Минского

гетто – самого крупного гетто на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, молодое поколение имеет достаточно поверхностные знания, касающиеся истории Минского гетто. Сегодня важно донести до сознания молодых людей значимость изучения исторических фактов о Холокосте на территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Сохранению памяти о жертвах Холокоста и нацистских преступлениях может способствовать такая деятельность, как сооружение новых памятников жертвам геноцида, публикация архивных материалов о зверствах нацистских преступников, создание художественных произведений о войне и ее жертвах, проведение научных конференций и мероприятий соответствующей направленности. Это будет не только данью памяти пострадавшим, но и предупреждением подобных действий в будущем.

Список цитированных источников

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вучэб. дапаможнік для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі / І. А. Марзалюк [і інш.] ; пад агул. рэд. І. А. Марзалюка. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.
2. Минское гетто // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Минское_гетто (дата обращения: 11.11.2025).
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Беляева А. В.

Республика Беларусь, г. Могилев
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова,
преподаватель кафедры теории права
и социально-политических дисциплин

Иммиграционное законодательство США в военные и первые послевоенные годы сохраняло ограничения на въезд в страну иностранных беженцев. Только начало холодной войны подтолкнуло Вашингтон к ослаблению установленных норм.

Во-первых, США проводили политику привлечения в страну видных ученых из нацистской Германии. Программа получила название «Операция «Скрепка». В ее рамках вплоть до 1990 года в США было переселено 1600 человек, получивших право на работу с предоставлением вида на жительство и гражданства в последующие годы [1, с. 6]. Одним из самых известных ученых, перемещенных в США из Германии, стал В. фон Браун – один из отцов американской космической программы, который в Германии использовал принудительный труд заключенных концлагерей на строительстве ракет.

Во-вторых, в услугах бывших коллаборационистов из советского блока было заинтересовано ЦРУ, которому необходимы были шпионы. Вследствие этого ЦРУ активно помогало бывшим преступникам с процессом иммиграции в США, чтобы обойти ограничения при проверке.

Эти случаи имели стратегическое значение, но не были самыми распространенными причинами иммиграции для нацистских преступников и коллаборационистов. В конце войны, когда армии союзников освобождали оккупированные Германией территории и вместе с этим освобождали концентрационные лагеря, их работники массово бежали со своих постов, чтобы избежать наказания. Особенно это касалось стран Восточной Европы. В отличие от немцев и австрийцев выходцам из них было легче смешаться с перемещенными лицами, а затем сфабриковать биографии. Добравшись до контролируемых США и Великобританией оккупационных зон, такие лица обнаруживали, что, выразив антикоммунистические политические взгляды, они могут получить право на эмиграцию. В ходе начавшейся холодной войны помощь политическим беженцам стала США частью имиджа: страна защищала тех, кто бежал от коммунистического угнетения.

Формально процедуры проверки документов должны были исключать бывших нацистов и коллаборационистов из числа тех, кому был разрешен въезд в США. Однако из-за ухудшения отношений с СССР

у американской стороны не было возможности получить многие документы, позволяющие выявить военных преступников, так как они хранились у советской стороны. Также американским чиновникам не хватало опыта и знаний для определения таких лиц. Кроме того, их основное внимание было сосредоточено на том, чтобы не впустить в США приверженцев коммунистических идей.

По оценкам историка А. Райана, около 10 000 военных преступников смогли иммигрировать в США, хотя указанная цифра называется завышенной [2]. Большинство из них были из Латвии, Литвы, стран бывшей Югославии и Украины. Многие принадлежали к фольксдойче – этническим немцам, рожденным и выросшим за пределами Германии.

В последующем правительство США признало совершенные ошибки и попыталось исправить них. Под растущим политическим давлением со стороны еврейской диаспоры США в 1979 году при Министерстве юстиции было создано Управление специальных расследований, целью которого было выявление из страны нацистских преступников. Деятельность Управления включала сбор, проверку и представление в суд свидетельских показаний и документальных доказательств преступлений, совершенных в годы Второй мировой войны, и подразумевала множество сложностей, так как доказательства были рассредоточены по всему миру, а значительная их часть находилась за «железным занавесом». В связи с этим Управление было наделено широкими полномочиями, позволившими ему предпринимать все необходимые шаги для выполнения поставленной цели. Нужно также отметить, что Управление специальных расследований подавало иски в гражданские, а не уголовные суды, так как лишение гражданства и депортация являются вопросами гражданского права, а американское законодательство того времени не предусматривало уголовного наказания за преступления, совершенные на иностранной территории, если только они не были направлены против граждан США. Первоначальные зацепки поступали из текущих дел Службы иммиграции и натурализации, от еврейских организаций, также занимавшихся поиском военных преступников, и от частных лиц, случайно встретивших своих бывших учителей.

Еще в 1970-е гг. в США прошел суд о лишении американского гражданства и депортации в СССР предполагаемого нацистского преступника Ф. Федоренко, который был инициирован Службой иммиграции и натурализации. Ф. Федоренко обвинялся в том, что был охранником в лагере смерти Трешлинка, однако был оправдан за недоказанность участия. В апелляционном суде удалось выиграть дело, что дало возможность продолжить расследование, к которому подключилось Управление специальных расследований при Минюсте. 21 июня 1981 г. в связи с появлением в деле новых доказательств Верховный суд отменил оправдательный вердикт. Ф. Федоренко был взят

под стражу, лишен гражданства и впоследствии выслан в СССР, где его вновь судили и приговорили к смертной казни, которая состоялась в 1987 году.

К середине 1984 г. Управление специальных расследований подало 40 исков против военных преступников, проживавших в то время в США [2]. Большинство дел касались лиц, занимавших невысокие должности, чаще всего охранников концентрационных лагерей. Во многих случаях обвиняемые покидали США добровольно, чтобы избежать процедуры депортации. Были также случаи, когда натурализованные лица соглашались отказаться от американского гражданства, но им разрешалось остаться в стране из-за слабого здоровья. В ряде случаев депортация осложнялась отсутствием страны, согласной принять депортируемого. В 1980-е гг. по меньшей мере семь мужчин, против которых велось расследование, покончили жизнь самоубийством.

Широкую огласку получило в американской и международной прессе дело Ивана (Джона) Демьянюка, разбирательство по которому затянулось на десятки лет. Изначально он был арестован по обвинению в том, что именно он был печально известным охранником-садистом, известным как «Иван Грозный», в лагере Треблинка. Хотя доказательства были противоречивы, в 1981 году И. Демьянюк был признан виновным и лишен американского гражданства, а позднее было признано, что он подлежит депортации и экстрадиции в Израиль. Здесь он был признан виновным в военных преступлениях и приговорен к смертной казни. Однако, пока проходило рассмотрение апелляции на приговор, распался Советский Союз и стало возможно получить доказательства того, что И. Демьянюк не работал в Треблинке, следовательно, не мог быть «Иваном Грозным», но тем не менее работал в ряде других лагерей. Команда защиты И. Демьянюка в США использовала эти новые доказательства, чтобы отменить решение о лишении гражданства и экстрадиции. Кроме того, сторона защиты выдвинула ряд обвинений в адрес Управления специальных расследований, в частности – в сокрытии доказательств, в преднамеренном представлении фальсифицированных доказательств и в ненадлежащем воздействии на свидетелей.

В связи с этими обвинениями Управление было подвергнуто семи отдельным расследованиям в поисках доказательств нарушения требований прокуратуры или этики, которые проводились тремя отдельными следственными органами в период с 1987 по 1993 год. Все они пришли к выводу, что никаких преднамеренных правонарушений не было. Однако в дальнейшем судом было принято решение о том, что, поскольку гражданские иски, касающиеся денатурализации и депортации, были основаны на утверждениях о преступной деятельности со стороны обвиняемого, отныне Управление специальных расследований должно будет предоставлять доказательства более строгие, как в случаях уголовного судопроизводства.

Несмотря на эти обстоятельства, Управление продолжило работу над делом И. Демьянюка и в 1999 году подало новый иск, на этот раз основанный на подлинной личности обвиняемого. Его во второй раз лишили гражданства, но благодаря многочисленным апелляциям и другим юридическим ухищрениям стороны защиты депортация в Германию смогла состояться только в 2009 году, а завершение судебного процесса затянулось до 2011 года. Он был признан виновным, но И. Демьянюк снова подал апелляцию и умер до ее рассмотрения.

За период своего существования Управление специальных расследований при Министерстве юстиции США провело расследование в отношении около 1700 лиц, подозреваемых в причастности к нацистским военным преступлениям.

Таким образом, нацистские преступники после Второй мировой войны оказывались в США по ряду причин. Точное их число неизвестно. И хотя большинство из них прожило (или проживают), не будучи разоблаченными, часть из них все же была выявлена.

Список цитированных источников

1. Hunt, L. Secret Agenda: The United States Government, Nazi Scientists, and Project Paperclip, 1945 to 1990 / L. Hunt. – New York : ST. Martin's Press, 1991. – 340 p.
2. Feigin, J. The Office of Special Investigations: Striving for Accountability in the Aftermath of the Holocaust / J. Feigin, M. Richard. – URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/documents/confidential-report-provides-new-evidence-of-notorious-nazi-cases?ref=us#p=1> (date of access: 19.11.2025).

**ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ВОСПИТАТЕЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РАМКАХ СПЕЦКУРСА
«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА
(В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)»**

Баталко Т. И.

Республика Беларусь, г. Витебск

Витебский филиал

Международного университета «МИТСО»,

доцент кафедры правоведения

и социально-гуманитарных дисциплин,

кандидат исторических наук, доцент

Нам выпала судьба жить в переходную эпоху, которая характеризуется поиском новых мировоззренческо-нравственных идеалов. Поэтому так важно для нас осмысление имеющихся ценностей (в том числе и отношение к подвигу дедов и отцов, к Великой Победе) – сценариев будущего развития страны. Не случайно глава белорусского государства А. Г. Лукашенко в обращении к ветеранам в дни празднования Великой Победы так определил главную задачу в патриотическом воспитании молодых белорусов: формирование понимания роли и места Великой Отечественной войны не как отдаленного от нас события, но как живого, хотя и слишком трагического урока.

В своей истории наша страна пережила немало вооруженных конфликтов, но именно в XX столетии возникает массовый социально-психологический феномен «человека воюющего». О том, как это явление отразилось в народном сознании и повлияло на судьбу нескольких поколений наших соотечественников, написаны тома исследований различных жанров. Главная их тема – человек в экстремальных условиях войны, его мысли, чувства, поведение. Психология боя и солдатский фатализм, героический порыв и паника, особенности фронтового быта, взаимоотношения рядового и офицерского состава, взаимодействие и соперничество родов войск, роль идеологии и пропаганды, символы и мифы войны, солдатские суеверия, формирование и эволюция образа врага, феномен участия женщин в боевых действиях, – вот далеко не полный перечень проблем, которые впервые в исторической литературе раскрываются на примере войн нашей страны в XX веке.

Обращение к такому специфическому явлению, как война, требует рассмотрения важного методологического принципа, имеющего первостепенное значение при изучении личности в экстремальных обстоятельствах.

В учебные планы вузов Беларуси включен спецкурс по Великой Отечественной войне советского народа. Как правило, его преподавание ведется на первом курсе всех специальностей и форм обучения. Первую

лекцию мы начинаем с обращения к студентам с вопросом: чем отличается Вторая мировая война от Первой мировой войны? Ответы обычно бывают разные: большая трагедия, больше жертв, иная техника. Но главные отличия, без понимания которых невозможно сформировать воспитательно-нравственный потенциал личности и общества в целом, остаются неназванными. Чтобы понять значение нашей Победы, надо хорошо представлять, что нам угрожало. Ведь в этой войне, в отличие от Первой мировой, дело не сводилось к решению тех или иных территориальных споров. Речь шла о жизни и смерти народов Советского Союза. В войне против СССР Гитлер не только преследовал откровенно захватнические цели, но и стремился лишить восточнославянские народы какой бы то ни было формы государственной организации. По его словам, эти народы, в том числе и белорусский, имеют только одно оправдание для своего существования – быть полезными для Германии в экономическом отношении.

Фашистская политика геноцида должна быть осознана каждым белорусом. Поэтому так часто в своих выступлениях президент Беларуси подчеркивает, что для белорусского народа судьбоносное значение освобождения от фашизма состоит в том, что без избавления от немецких оккупантов не было бы нашего государства и нашего народа. И следующая главная особенность Великой Отечественной войны – массовый героизм, величайший патриотизм, действенный менталитет сопротивления.

Важнейшим направлением формирования воспитательно-нравственного потенциала является четкое представление о характере войны 1941–1945 гг. для советского народа, взаимосвязь двух величайших дат: освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году и Победа советского народа в Великой Отечественной войне в 1945 году.

Каждый студент должен хорошо представлять следующие базовые характеристики войны 1941–1945 гг. для белорусов, всего советского народа. Перечислим их:

- война 1941–1945 гг. носила освободительный антифашистский характер. Подтверждением служит создание антифашистской коалиции в составе СССР, Англии, США и других стран, которые действовали совместно против фашистской Германии и ее сателлитов;

- война 1941–1945 гг. для белорусов и всего Советского Союза носила всенародный характер. Эта характеристика подтверждается, с одной стороны, тем, что в ней участвовали все народы СССР, а с другой – формами народной борьбы против фашизма: истребительные батальоны, народные ополчения, партизанское движение и партийно-комсомольское подполье;

- само название войны – Великая Отечественная – раскрывает ее характер. Такие лозунги, как «Родина-мать зовет!», «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» были приняты народом. Борьба за Отечество стала центральной задачей;

– во всех выступлениях президента Республики Беларусь, в которых анализируется характер войны 1941–1945 гг., неизменно подчеркивается национальный характер, сохранение белорусской нации и белорусской государственности. Подчеркивается неразрывная связь Дня Победы с главным праздником страны – Днем Независимости.

Закономерность истории такова: чем благороднее цель, идеал, моральные мотивы, тем ярче подвиг, тем выше социальный смысл патриотизма. Огромный нравственно-воспитательный потенциал содержит величайший вклад белорусского народа в Великую Победу. В рядах сражающейся Красной армии находились 1 млн 200 тыс. белорусов. Во главе соединений, которые вели боевые действия, – 217 белорусских генералов и адмиралов. Золотыми буквами в нашу историю навсегда вписаны имена выдающихся военачальников и полководцев – маршалов Советского Союза В. Соколовского, дважды Героя Советского Союза, И. Якубовского, легендарного генерала Л. Доватора, адмирала В. Дрозда. Одним из важнейших направлений работы со студенческой молодежью является формирование умения критически оценивать необходимую информацию.

Одна из особенностей современного этапа в том, что совершеннолетнего возраста достигло поколение белорусских граждан, родившихся уже в независимом государстве. Не имея достаточного жизненного опыта, зная о прошлом, как правило, из книг, рассказов, СМИ, молодые люди не всегда могут дать объективные оценки событиям Великой Отечественной войны. Преподаватели-историки были свидетелями бездумного отношения студентов к материалам Интернета. К сожалению, существуют влиятельные круги зарубежных недоброжелателей, которых высокие оценки усилий советского народа в войне никак не устраивают. В угоду им появляются «новопрочтенцы» истории Великой Отечественной войны, различные «суворовы», у которых даже пафосный отзыв о нашей Победе становится дурным тоном. Для фальсификации Великой Победы все средства хороши: черный пиар, смешение понятий патриотизма и фашизма. Советский Союз представляют как империю зла, советских воинов – как оккупантов. А участников фашистских националистических движений, сражавшихся вместе с гитлеровцами, коллаборантов, полицейских объявляют настоящими патриотами [2, с. 27]. Дело доходит до создания музеев оккупантов, под которыми понимаются советские воины.

Лауреат премии «За духовное возрождение», доктор философских наук А. И. Осипов как-то признался, что его поразила и возмутила загадка, которую задавали школьники: «На «З» называется, на веревочке болтается». Оказывается, это Зоя Космодемьянская. Солидному философу стало горько и обидно за такое отношение к героям минувшей войны [1, с. 18]. Патриотические ценности подверглись опасной эрозии в условиях социальной трансформации. Свидетельство этому – омерзительные случаи вандализма, когда молодые люди оскверняют

памятники, крадут мемориальные плиты из цветных металлов, а террористические акты проходят даже в святые дни – 9 мая, 22 июня и 1 сентября [3, с. 7].

Некогда английский философ Френсис Бекон сказал: «И в истории черпаем мы мудрость». К сожалению, в наше время слишком много охотников не мудрость черпать и не уроки извлекать из истории минувшей войны. Немало сторонников фальсифицировать историю, украсть у наших людей историческую победу. К примеру, особенно настойчиво стал проповедоваться следующий миф: Великая Отечественная война была для белорусов «гражданской войной», поскольку одни наши соотечественники сражались на стороне Советского Союза, а другие – на стороне гитлеровской Германии. На что направлен этот миф? Во-первых, на героизацию коллаборантов и полицаяв, воевавших на стороне Гитлера; во-вторых, на замалчивание злодеяний фашистов по отношению к восточнославянским народам и формирование мнения, что нацистский геноцид ограничивался холокостом; в-третьих, на тиражирование небылиц о Красной армии. Другой миф, который активно навязывается, заключается в том, что феномен Великой Победы – детище мощной брежневской пропаганды, это искажение реальной Победы, которую на самом деле сложно отличить от поражения. Аргументы тех, кто стремится отнять Победу, просты и незатейливы. Какие же вы победители, если живете хуже побежденных? И вывод: так стоило ли побеждать? Победой сыт не будешь. Конечно, это не логика, а идеологическая попытка скомпрометировать как идею, так и ее носителей. Жизненный уровень еще не повод, чтобы вытравливать из памяти народа его героическое и трагическое прошлое. Нападки на Победу – это нападки не на факты и цифры, а на нашу систему ценностей, основу которой составляют свобода, достоинство, честь, совесть, истина.

В канун 50-летия окончания Второй мировой войны авторитетная немецкая газета «Шпигель» опубликовала информацию к размышлению: 90 % населения Германии моложе 25 лет считают, что войну начал Советский Союз, а победу одержали США. Каждый пятый житель страны не знает о концлагерях [2, с. 35]. И если завтра социальный опрос в Беларуси подтвердит, что 50 % белорусов моложе 25 лет будут убеждены в том, что войну начал Советский Союз, а победу одержали Соединенные Штаты – то это будет означать, что мы потерпели поражение. Поэтому мало победить – надо жить, как победители, воспитывая сильную духом молодежь.

Раскрывая воспитательно-нравственный потенциал Великой Победы, преподаватель стремится к формированию лучших черт национального характера белорусов, выкованных в ходе Великой Отечественной войны – патриотизм, свободолюбие, вера и оптимизм, которые помогали и помогают преодолеть любые трудности.

Список цитированных источников

1. Как пытаются украсть нашу Победу // Беларуская думка. – 2016. – № 5. – С. 85.
2. Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 383 с.
3. Сенявская, Е. С. Время и пространство на войне / Е. С. Сенявская // Историческая психология и социология истории. – 2010. – Т. 3, № 1. – С. 5–17.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В МИНСКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Маркевич П. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин

Этот доклад посвящен теме преступлений гитлеровских захватчиков в Минске, зафиксированных в материалах Нюрнбергского трибунала. Здесь рассмотрены преступления в отношении как военнопленных, так и гражданских лиц, расхищение культурных ценностей из библиотек и музеев белорусской столицы.

18 октября 1945 г. в Берлине прошло открытое распорядительное заседание Международного военного трибунала, на котором суду были вручены тексты обвинения на русском, английском и французском языках. В разделе III «Военные преступления» наряду с другими фактами злодеяний гитлеровских захватчиков упоминается то, что в Минске были уничтожены (расстреляны, погибли от голода и пыток) десятки тысяч человек [1, т. 1, с. 299]. В этом же разделе содержится перечисление четырнадцати наиболее разрушенных городов Советского Союза, в числе которых указан Минск [1, т. 1, с. 309]. Одним из разрушенных и наиболее пострадавших городов он назван и во вступительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко. [1, т. 1, с. 632].

В ходе заседаний Международного военного трибунала от 13 и 14 февраля 1946 г. заместитель Главного обвинителя от СССР Ю. В. Покровский представил материалы по разделу «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными». Наряду с другими документами, он остановился на отчете о лагере военнопленных (где находились и гражданские лица) в Минске, составленном 10 июля 1941 г. в канцелярии [1, т. 4, с. 142–143] имперского министерства оккупированных восточных областей [1, т. 8, с. 787]. Ю. В. Покровский процитировал оттуда несколько выдержек, где говорилось об ужасных условиях содержания в нем («Заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться») и беспощадном применении огнестрельного оружия охраной лагеря [1, т. 4, с. 143]. Этот же отчет полностью приведен далее в подразделе «Документы» раздела «Убийство и жестокое обращение с военнопленными». В нем, наряду с крайней скученностью и «беспощадным» применением оружия, упоминается об отсутствии у военнопленных пищи в течение 6–8 дней (заключенные из числа гражданского населения могли питаться только за счет помощи своих родственников). Автор отчета, министерский советник Дорш, предлагает освободить часть заключенных для выполнения нужных оккупантам работ, ограничиваясь

только «теми квалифицированными рабочими, которые полноценны с точки зрения расы». Все прочие обрекались на уничтожение [1, т. 4, с. 201–202].

Лагерь, описанный в этом отчете, был создан в начале июля 1941 года в Дроздах по распоряжению Г. фон Клюге, командовавшего 4-й армией вермахта. Через некоторое время оставшиеся в живых его узники из числа минчан были отправлены на принудительные работы, а из числа военнопленных – в лагерь № 352 в Масюковщине [2, с. 179].

На заседании 21 февраля 1946 г. помощник Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский представил доказательства разрушения и разграбления культурных ценностей на оккупированных территориях. Среди этих доказательств – документ под номером СССР-374 (ПС-1099), представляющий собой письмо [1, т. 1, с. 442] руководителя генерального округа «Беларусь» [3, с. 172] В. Кубе министру оккупированных восточных областей А. Розенбергу. Автор письма заявляет, что имевшаяся в Минске большая коллекция художественных изделий и картин была почти полностью вывезена, причем большинство полотен отправлено людьми СС в Германию. Кубе просит вернуть эти коллекции либо, «во всяком случае», оставить их материальную стоимость за министерством Розенберга. Затем он пишет, что «генерал Штубенраух захватил с собой из Минска ценную часть этих коллекций и повез их в область военных действий. Зондерфюреры, фамилии которых мне еще не сообщили, увезли три грузовика с мебелью, картинами и другими предметами искусства». Подобная забота Кубе о художественных ценностях была продиктована, разумеется, не беспокойством о нашем культурном наследии, а желанием присвоить эти ценности себе (лично и «по должности»), а представители СС и вермахта воспринимались им как конкуренты в ограблении оккупированных земель [1, т. 4, с. 442–445]. Это же письмо упоминается во вступительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, которую он произнес 8 февраля 1946 г. Он, ссылаясь на это письмо, говорит о разграблении картин и других произведений искусства как эсэсовцами, так и военными. Далее Р. А. Руденко сообщает о разрушениях и грабежах в историческом музее (в том числе его геологической секции) и БГУ. Говорит он и о разграблении Академии наук с хранившейся там коллекцией книг и документов.

В следующем выступлении М. Ю. Рагинского, прошедшем 22 февраля 1946 г., упоминается нота Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, посвященная преступлениям германских захватчиков. Наряду с другими данными о преступлениях врагов в этой ноте перечисляются подвергнутые разрушениям города, среди которых первым упомянут Минск. Затем помощник Главного обвинителя привел документ под номером СССР-35, где среди разрушенных и наиболее пострадавших городов Советского Союза упоминается Минск.

Помощник Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов во время своего выступления, проходившего на четырех заседаниях Международного военного трибунала (14, 15, 18 и 19 февраля), среди прочих доказательств преступлений гитлеровцев привел документ под номером СССР-38 – Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске. Он, в частности, процитировал выдержку из показаний председателя военного трибунала одной из немецких пехотных дивизий. В ней говорилось, что за действия в отношении советских граждан солдат не разрешалось предавать суду военного трибунала, а офицер имел неограниченное право делать что угодно с их жизнью и имуществом. Все это было предусмотрено приказом Гитлера [т. 5, с. 116–117]. После оглашения других доказательств помощник Главного обвинителя снова обратился к этому документу, описывая преступления оккупантов в Тростенце. Там описывались их попытки скрыть следы преступлений с помощью примитивных крематориев, созданных рядом с лагерем смерти, и расстрелов возле них. Были приведены показания чудом выжившей жертвы преступлений оккупантов и данные судебно-медицинской экспертизы. Через некоторое время выступающий в третий раз привел данные из Сообщения, где в том числе было сказано: «От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях». Затем в документе были изложены показания свидетеля уничтожения людей в «душегубках» и сказано, что таким же образом убивали и в стационарных газовых камерах, созданных в обычных банях.

Часть информации о преступлениях немецко-фашистских захватчиков в Минске приведена в подразделе «Документы» того же раздела «Преступления против мирного населения», в котором изложена речь Л. Н. Смирнова. В «Отчете № 6 о деятельности эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД в СССР за период с 1 по 31 октября 1941 г.» сообщается, что в Минске было расстреляно 632 душевнобольных. В том же подразделе содержится доклад управляющего судебной тюрьмой в Минске от 31 мая 1943 г. об изъятии золотых стоматологических изделий у людей перед их убийством. Этот же доклад был процитирован в выступлении представителя обвинения от США У. Уолша и упоминается другим представителем от этой страны У. Р. Харрисом. В заключительной речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко упомянуты действия эйнзатцгруппы «В», травившей людей «душегубками» в Минске.

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. Преступления гитлеровских захватчиков в Минске нашли отражение в материалах Нюрнбергского процесса, хотя оно и было далеко не полным. Его неполнота была вызвана огромным масштабом преступлений в целом, из-за чего рассмотрение всех фактов заставило бы намного расширить доказательную базу и серьезно удлинить процесс.

В этом не было необходимости потому, что и представленных доказательств было более чем достаточно.

2. Преступления, совершенные гитлеровцами в Минске и в любом другом месте, не были «эксцессами исполнителя», а являлись результатом выполнения тщательно продуманных планов. Это подтверждается упомянутым в докладе приказом Гитлера о неподсудности солдат и праве офицеров делать все что угодно с жизнью и имуществом советских граждан.

3. То, что совершали оккупанты в Минске и других местах, не должно быть забыто даже спустя века, их преступления невозможно простить.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. / отв. ред.: А. М. Рекунков, А. Я. Сухарев. – М. : Юрид. литература, 1987–1999. – Т. 1 : М. Ю. Рагинский, К. С. Павлицев, В. И. Валицкая [и др.] ; отв. ред.: А. М. Рекунков. – 688 с. ; Т. 4 : М. Ю. Рагинский, К. С. Павлицев, В. И. Валицкая [и др.] ; отв. ред.: А. Я. Сухарев. – 672 с.

2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / гл. редкол.: А. Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларусь, 1983–1985. – Т. 1 : Л. В. Аржаева, К. И. Доморад, И. М. Игнатенко [и др.] ; ред. перв. тома : И. М. Игнатенко, П. П. Липило [и др.]. – 1983. – 591 с.

3. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці : вуч. дапаможнік / І. А. Марзалюк, А. Г. Каханоўскі, С. Н. Ходзін [і інш.] ; пад. агул. рэд. І. А. Марзалюка. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2023. – 448 с.

ФОЛЬКЛОР КАК ОРУЖИЕ НАЦИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пинчук Д. Н.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин

Неудачи Германии на поле боя в 1944–1945 гг., в период Второй мировой войны, неизбежно провоцировали ряд сложных процессов внутри немецкого социума. Общество на фоне надвигающегося поражения и постоянных бомбардировок со стороны союзных войск становилось разбитым и дезориентированным. Люди проходили глубокую психологическую трансформацию. Немецкая пропагандистская машина интенсифицировала процесс, распространяя страх, ненависть и недоверие к наступающей антигитлеровской коалиции [1, с. 538].

При посредничестве немецких властей распространялись «факты», не отражающие реальность, но формирующие общественное мнение в угоду политических интересов правящей партии. Такие тезисы якобы легитимизировали преступления нацистов, в частности геноцид во всех ужасных проявлениях. Согласно ложному пропагандистскому нарративу, именно Германия – главная жертва войны, которая вынуждена обороняться и действовать жесткими методами, дабы сохранить национальную идентичность. Демонизированный образ славян, созданный немецкой пропагандой, усиливался по мере приближения к границам Красной армии [2, с. 7].

Альфред Карасек, немецкий национал-социалист и фольклорист, придавал большое политическое значение идеологической обработке фольклора, являясь сотрудником Службы безопасности рейхсфюрера [3, с. 81]. В завершении Второй мировой войны он активно собирал свидетельства о якобы славянах-вампирах, нападающих на банатских швабов [1, с. 539]. Публикация такого рода статей в гитлеровской Германии подогревала ненависть к этническим славянам, которые систематически уничтожали гитлеровскую политическую конструкцию и пособников таковой. Банатские швабы – это немецкое этническое меньшинство, веками компактно проживавшее в регионе Банат на стыке современных Сербии, Румынии и Венгрии. Их самоназвание «швабы» восходит к исторической области Швабия на Юго-Западе современной Германии.

Согласно сведениям фольклориста так называемые славянские «партизаны-вампиры» при нападении на этнических немцев впадали в состояние, близкое по характеристикам к эпилептическому припадку, сопровождаемое падением, звероподобными звуками и обильным излиянием пены изо рта. Дальнейшее поведение характеризуется

крайней жестокостью: жертве, попавшей в поле зрения охваченного припадком, отрезают уши, выкалывают глаза и обезображивают тело. Приводятся примеры, согласно которым славянская женщина, впадшая в подобное состояние, якобы убила около 70 этнических немцев [1, с. 539].

Катализатором метаморфозы являлась встреча этнических славян и немцев. К примеру, у одного славянского партизанского командира, согласно сочинениям Карасека, припадок начался прямо во время приема пищи в немецком ресторане [1, с. 540].

Тем самым нарочито подчеркивался расовый характер трансцендентного явления. При этом свидетельства охватывали выборочно славян, проживающих преимущественно на Балканском полуострове. Неудивительно, учитывая, что Сербия в рамках немецкого фольклора была в центре легенд о вампирах [3, с. 93].

«Болезнь» распространялась «когнитивным способом», не охватывая немцев. Славянин, услышавший или увидевший охваченного припадком, рисковал «заразиться» и впасть в похожее состояние [1, с. 540]. Единственным противоядием, способным остановить припадок, была кровь этнических немцев. Исследователь Моника Блэк считала, что данный фактор обусловлен близким для швабов-христиан жертвенным характером крови [3, с. 95].

Демонизации сконструированному образу «партизана-вампира» способствовало подавляющее количество свидетельств о появлении таковых из леса как символа всевозможной опасности, подвластного «духам и демонам» [1, с. 542].

Интересно, что «партизанская болезнь» действительно была признана медицинским состоянием в послевоенной Югославии. Поль Парин, словенский психоаналитик, служил врачом у сербских партизан в годы Второй мировой войны. Он описал военный невроз, свидетелем которого стал на пароме, который курсировал между Белградом и Панчево. В августе 1945 года Поль Парин писал о ничем не примечательном молодом человеке около двадцати двух лет, крепком, здоровом, в форме сержанта, который внезапно упал на палубу. Его дыхание стало прерывистым, лицо побагровело, а зрачки расширились. Он с такой силой вонзил кулаки в карманы пальто, что один из них был разорван. Через мгновение молодой человек перевернулся и начал стрелять из воображаемого автомата в воздух [3, с. 82]. Приступ был, видимо, следствием посттравматического стрессового расстройства, что неудивительно, учитывая, что пережили люди в годы Второй мировой войны. Конечно, не более того. Легенды банатских швабов о женщине, разорвавшей в припадке семьдесят этнических немцев все же из области иррационального.

Таким образом, в рамках Второй мировой войны нацистское руководство взяло курс на дегуманизацию врага, дабы оправдать многочисленные преступления против человечества. Доктрина,

построенная на идеях о расовом превосходстве, исказила культурный код и истинное предназначение мифов, трансформируя фольклор, традиции и символы Германской нации в орудие пропаганды.

Нюрнбергский процесс осудил военные преступления гитлеровцев. Пресса оперативно распространила ужасающие преступления нацистов. Фотографии концлагерей, свидетельства выживших, документы о Холокосте – все это заставило задуматься думающих немцев о реальной оценке произошедшего в гитлеровской Германии. Нюрнбергский процесс стал своеобразным зеркалом, в котором нация увидела свое отражение, искаженное пропагандой, страхом и молчанием [4, с. 6].

Этнические немцы, которые являлись национальным меньшинством в долине Дуная, оказались подвержены иррациональному восприятию действительности. Банатские швабы, отождествляемые с нацистской идеологией по этнической принадлежности, в послевоенное время предсказуемо столкнулись с санкционными мерами со стороны коммунистической партии Югославии. Им не простили участие в дивизии СС «Принц Ойген», роль в печально известных контрповстанческих операциях 342-й пехотной дивизии вермахта на северо-западе Сербии в 1941 году, работу в «реквизиционных отрядах» [5, с. 125].

Еще в 1897 году немецкий фольклорист Утц Джеггл описал рассказы о партизанах, пьющих кровь, квалифицировав это как психологический ответ на катаклизм этнической войны и поражения [3, с. 79]. В таких условиях обращение к мифическим конструктам, живущим в сверхъестественном воображаемом немцев, помогли упростить сложную реальность, разъяснив природу жестокости победителей. Мифы о врагах трансформировали запутанный конфликт в простую историю борьбы света с тьмой, погрузили в обманчивое ощущение, что жертва в данной истории швабы [3, с. 78]. Оказавшись в плену иллюзий, они даже в первые послевоенные годы не осознали тех ужасов, которые пережили люди Восточной Европы на оккупированной территории, и продолжили свято верить в особую роль немецкой нации.

Таким образом, рассмотренный миф о «партизанах-вампирах» является не просто примером военной пропаганды, а наглядной иллюстрацией фундаментального механизма идеологии нацизма. В условиях военного краха пропагандистская машина, используя аппарат фольклористики, целенаправленно конструировала архаичный, дорациональный образ врага. Этот образ выполнял ключевую функцию: он позволял тоталитарному режиму не только оправдывать собственную жестокость, но и предлагал своим сторонникам, таким как банатские швабы, удобную для психики «сказку» – простое объяснение катастрофы. В этой «сказке» сложная реальность войны, оккупации и возмездия сводилась к извечной борьбе «цивилизации» с «демоническим» злом, где вина жертвы всегда абсолютна, а вина палача – лишь вынужденная мера. Именно эта подмена и стала одним из самых мрачных наследий нацизма, последствия которого ощущались долгие годы после окончания войны.

Список цитированных источников

1. Курландер, Э. Монстры Гитлера: сверхъестественная история Третьего рейха / Э. Курландер. – СПб. : Владимир Даль, 2021. – С. 642.
2. Biddiscombe, P. Werwolf : The History of the National Socialist Guerrilla Movement, 1944–1946 / P. Biddiscombe. – Toronto : University of Toronto Press, 1998. – С. 464.
3. Black, M. Expellees Tell Tales / M. Black // History and Memory : Indiana University Press. – 2013. – Vol. 25, No. 1. – P. 77–110.
4. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс / А. Г. Звягинцев. – М. : РИПОЛ Классик, 2022. – С. 160.
5. Shepherd, B. H. Terror in the Balkans: German Armies and Partisan Warfare / B. H. Shepherd. – Cambridge : Harvard University Press, 2012. – P. 384.